



# НЕВЛЯ

17 • 2008

## СОДЕРЖАНИЕ

### НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

<b>Любовь Будякова</b> Прокурорский надзор	4
<b>УИС в цифрах</b>	27
<b>Владимир Куземко</b> Некоторые нюансы оперативного искусства	31
<b>Статистика преступности</b>	52
<b>Михаил Алилуев</b> Маленькая лоция	55
<b>Юрий Александров</b> Юридический практикум	69
<b>Алексей Рафиев</b> Что такое пытка?	75
<b>Акции протеста и нарушения прав заключенных</b>	82
<b>Марута Гойло</b> Магнетизм решетки	94
<b>Максим Громов</b> Муська	99

### ГРАНИЦЫ НЕПОНИМАНИЯ ПРАВОЗАЩИТА И ТЮРЬМА – ВЕЧНАЯ ВРАЖДА

<b>Геннадий Чернявский</b> Как никогда нужна солидарность	104
<b>Владимир Ажиппо</b> Неофициальная реакция на «Официальный ответ»	109

## ИСТОРИЯ

**Ростислав Горчаков** Адмиралтейский вариант 116

## СИДИ И ЧИТАЙ

**Олег Павлов** Комментарии к аду 130

**Андрей Рубанов** Дзенское благодарение мертвым 138

**Валерий Родос Я** – сын палача 152

**Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.**

### Редакционный совет

Валерий Абрамкин  
Людмила Альперн  
Валерий Борщев  
Владимир Буковский  
Наталья Горбаневская  
Сергей Ковалев  
Нильс Кристи  
Алексей Симонов

### Финансирование

**Фонд Д. и К. МакАртуров**

### Учредитель:

Редакция журнала  
«Индекс/Досье на цензуру»

### Редакция

*Главный редактор*  
Наум Ним  
*Зам. главного редактора*  
Елена Ознобкина  
*Ответственный секретарь*  
Наталья Мальхина  
*Макет*  
Лев Михалевский  
*Обложка*  
Василий Валериус  
*Верстка*  
Анна Фролова  
*Бухгалтер*  
Наталья Максимова

# НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

---

Любовь Будякова

## Прокурорский надзор

### Хроника тюрьмы. Записки Савельева (1)

Тюрьма начинается с ИВС – изолятора временного содержания – места, куда принимают задержанных. Три дня люди находятся здесь, потом их вывозят в следственный изолятор. Если бы даже по процессу не было трех дней временного содержания, то их надо было бы придумать, как некий предбанник в ад.

В ИВС, как правило, очень редко сидят долго одни и те же люди, редко в камерах существуют уже установившиеся порядки. Это вокзал: сегодня привезли, три дня прошло – вывезли, других завезли. В ИВС придерживаются правила не держать лиц, ранее судимых вместе с первоходками, содержать отдельно работников милиции, малолеток, «опущенных». Но если камер не хватает, никто не смотрит в анкету. Бывают казусы, когда в одной камере сидит пионер и напротив него человек в наколках, подтверждающих, как паспорт, его заслуги: количество куполов на его монастыре соответствует количеству отбытых лет, количество церквей – количеству судимостей.

Администрация ИВС к заключенным так и относится, как к лицам, которые только подозреваются в совершении преступления, и очень может быть, что они не окажутся здесь надолго, очень может быть. Земля круглая, мир тесен, судьба – злодейка, может, завтра придется встретиться в другом месте или даже поменяться местами.

Перед тем как закрыть в камеру, меня обыскали. Изъяли все: часы, деньги, брючный ремень, шнурки от ботинок, носовой платок, сигареты.

---

Журнальный вариант романа «Анна и прокурорский надзор», специально для журнала «Неволя». Весь роман можно прочесть в Интернете по адресу <http://www.proza.ru/author.html?stena1>. В романе использованы материалы газеты «Украина криминальная».

Крохотная камера на двоих пропадает в полумраке. Источник света теряется где-то наверху. Я оглянулся на железную дверь, грохнувшую за мной, как крышка гроба, и над ней увидел углубление в бетонной стене, загороженное мелкой металлической решеткой. Светит оттуда. Есть еще окно напротив двери, но свет через него не проникает вовсе: очертание окна забито жестью с просверленными в ней дырочками, за решеткой – оконное стекло, за ним еще одна решетка и карман – приспособление для того, чтоб нельзя было подавать сигналы на волю. Изнутри камеры карман не видно, но это стандарт, тюремные окна везде одинаковые. Темно-серые стены и такие же пол и потолок не добавляют света. Все в камере кем-то старательно подогнано для того, чтобы напрочь выбить из «новосела» заблуждение в том, что здесь он чего-то стоит.

Я осмотрелся и не сразу заметил человека на наре. Расстелил матрас, долго не решался на него сесть. Матрас землисто-серый и от грязи лоснится. Вата – или чем он там набит – сбилась в комья от долгого использования, ни подушки, ни тем более белья нет. Сосед мой лежит на таком же матрасе, как на родном, облокотившись головой о ребристую «шубу» стенки.

– Не дрейфь, привыкнешь. Первый раз всегда страшно.

– Почему первый?

– По морде. Гы-гы! – Зэк оскалился вполне гостеприимно. – А вообще-то поначалу лучше спать на пустых «струнах», без клопятика. Ты, я вижу, из нежных, сладкий, тебя клопы за одну ночь сожрут.

– Не много увидел за один раз?

– Я умный и наблюдательный.

Ну, насчет умный – большой вопрос, а наблюдательный – точно. Как объектив камеры слежения. Я скатал матрас обратно, присел на два ближних металлических прута, из которых состоит нара. Всего таких прутьев, вбитых в толстые деревянные рамы, десять штук, расстояние между ними восемь–десять сантиметров. Спать на этой постели даже с «клопятиком» представляется сомнительным удовольствием. Я порылся в карманах, ища сигареты, но вспомнил, что их изъяли на входе.

– На, посмали.

– Спасибо.

– Звать как? Меня – Спортсмен. Ну, Дима, значит. За кражу сижу.

А ты?

– Тоже.

– Ты – вор?! – На этот раз сосед гоготнул уже не так уверенно. – Что-то не слыхал. В каком районе «работаешь»?

Я посмотрел пристально в физиономию, с которой быстро сходила приторная панибратская маска: ты же не просто так тут оказался, встречаешь меня, да?

– Давай-ка, птица Говорун, договоримся: ты мне не задаешь дурацких вопросов – я тебе не даю дурацких ответов.

Спортсмен смутился и перестал мной интересоваться. Человек должен был собрать на меня анкету: из чего состою, о чем думаю, чем дышу. Но, видимо, в силу врожденного великодушия роль «наседки» исполнил топорно. Сочувствую.

Я хожу по камере. Может, быстрее выдохнусь, и станет все равно, на какой подстилке провалиться в спасительный сон. Сколько времени я тут? Должно быть, уже полночь. Из своего угла, как сыч из дупла, молча наблюдает за моим марафоном Спортсмен. Я прилег на металлические прутья, но очень быстро поднялся, потому что железки врезались и в тело, и в голову, которая не переставала болеть с вечера. Сижку, смотрю на обручальное кольцо на руке, единственную нить, соединяющую меня с тем миром, откуда я пришел. Чудесным образом кольцо не заметили при обыске. В горле такой плотный ком, что при дыхании воздух пробивается в легкие со свистом. В который раз прокручиваю в памяти прошедший день, пытаюсь связать события в одно целое. Но целое разваливается. Не могу я понять, что сделал предосудительного, не вписывающегося в рамки закона! Что было неправильно? Если исходить из того, что я невиновен, то скоро все выяснится, и меня отпустят. Так рассуждает дилетант, но такие рассуждения хоть греют душу надеждой. Если невиновен, а задержали, значит, кому-то это было нужно. Так думать не хочется, потому что в этом случае никто не дает гарантий.

О том, что наступило утро, можно догадаться по отдельным крикам из коридора и лязгу замков: заступает новая смена. Очень хочется есть. Решил попросить кипятка и постучал в дверь. Окошко открылось, охранник спросил: «Чего надо?» – и исчез. Прошло полчаса. В углу у входа помещается туалет: углубление в полу с отверстием для стоков. Прямо над ним в стене выведено две трубы, одна для слива нечистот, другая – на десять сантиметров выше – для умывания. Все это никаким образом не отгорожено. Поискал кран, чтобы открыть воду, не нашел.

– Отодвинь парашу, интеллигент, под ней вентиль. Не забудь закрыть обратно, а то еще утопнем тут из-за белоручек всяких.

Прошло еще полчаса. Я вновь стучу в дверь. Повторилась та же процедура. Наконец Спортсмен сжалился и подсказал:

– Чтоб открыть воду, надо вертухаю дать сигарет. Чтоб получить кипятка, надо тоже дать сигарет. На, проверь, – протягивает мне несколько штук.

– А тебе что надо дать за сигареты?

– Жизнь длинная, должен будешь.

Снова стучу в дверь, а когда окошко открылось, правой рукой, на которой обручальное кольцо, протягиваю в него две сигареты и повторяю просьбу. На этот раз окошко захлопнулось после непродолжительного раздумья. А спустя пару минут дверь с лязгом распахнулась, в камеру, размахивая дубинками, ворвались аж четыре охранника. С криками «Все в коридор!» выгнали нас обоих из камеры, поставили к стене на шпагат. Один схватил меня за правую руку, вывернул так, что я чуть не взвыл от боли, сорвал обручальное кольцо.

– Где взял? – заорал прямо в ухо.

При всей трагичности ситуации мне стало смешно.

– Под нарами, где же еще!

Резиновая дубинка взметнулась и – с размаху по почкам. У-у-у-у, понял: шутить надо осторожно.

После того, как охранники удалились, удовлетворенно разглядывая кольцо, Спортсмен меня «успокоил»:

– Ну все, пропало твое колечко.

Время к обеду. Соседа по камере куда-то увели и больше я его никогда не видел. Открылась кормушка, охранник ткнул в нее жестянку с едой, кусок черного хлеба, алюминиевую кружку и ложку. Я поставил все это на стол и стал исследовать. В посудине зеленоватая жижа. В руках у меня пол-ложки, потому что ручка у нее отломлена из соображений безопасности, надо понимать. Помешал этим огрызком верхний слой жидкости: добраться до дна и увидеть, из чего состоит вариво, не представилось возможным. На второе – овсяная каша. Утром тоже «подавали» овсянку. Съел хлеб, запил водой. Это все, что худобно не вызывало рвотных спазмов. Остальное не смог.

После обеда кормушка открылась, злобно буркнула: «Посуду вернуть чистой», и захлопнулась, срыгнув «тарелки» обратно в камеру. Я не знал, что с ними делать, вывалил содержимое в «унитаз».

Ближе к вечеру коридор, как сточной водой, заполонило возней и ругательствами. Дверь камеры отлетела к стенке, захлопнулась обратно, но, спотыкаясь, все же открыла проход. Затвор создал щуплый на вид мужичок. Двое охранников старались втиснуть его в камеру. Он упирался ногами в пол, втянув голову в острые плечи, и не давал себя

«препровождать». Охранники приподняли тощее тельце, но, прежде чем ему было придано ускорение, «клиент» изловчился, выбросил вперед все свои четыре конечности, нацелив их на железный дверной косяк и загородив дорогу и себе, и конвою. Недолго думая, третий сопровождающий саданул смутьяна дубинкой снизу под колено, нога сложилась пополам, и он рухнул в камеру. Работники, запыхавшись, глядели на простертого. Можно было уходить, оставив его на полу: очухается – сам переберется на ложе. Они и направились было к выходу, но тут одному из них вздумалось проявить милосердие: он поднял тело и переложил на свободную нару. В ответ на эту оплошность новичок резво стащил со здоровой ноги увесистый ботинок и запустил удаляющемуся в спину, сопроводив душераздирающим: «А з-з-забодай вас комар!»

Охранник вернулся и молча двинул беспокойный «контингент» кулаком в скулу, отчего голова его глухо ударилась о стенку, измазав бетонную рябь кровью.

Они ушли.

Новосел лежит не шевелясь. Его вспухшее от побоев лицо в крови, и от него разит сивухой. Тошнотворный запах перегара, смешанный с запахом крови и пота, заполнил два квадратных метра камеры, плотно забив все щели. Мой желудок опять поднялся под самое горло, готовый вывернуться. Я на всякий случай подошел к «унитазу».

В ИВС запрещено брать пьяного человека. По установленному порядку полного вытрезвления задержанный должен ждать в том месте, куда он был доставлен, как правило, это дежурная часть отделения милиции. Появление в камере пьяного страдальца легко, впрочем, объяснить всеобщим беспорядком, царящим не только в изоляторе временного содержания. Однако промашка могла случиться и по другой причине. Судя по тому, как сильно избит новичок, в милицейском «обезьяннике», где ожидают своей участи задержанные и где редко бывает воздух свежее, чем на помойке, его просто приняли за человека, находящегося в бессознательном состоянии от побоев. К концу рабочего дня милиция сама не трезвее «контингента», не мудрено, что никто не разнюхал задержанного пьянчужку.

Около полуночи сосед проснулся. Гонимый жаждой, вскочил с нары, заорал, вцепившись в ушибленное колено, и упал обратно. Пришел в себя от боли и принялся ошалело тарачить глаза по сторонам, силясь понять, куда его занесло. Понял, по-бабьи трагично ойкнул, воздел руки к вискам, где тремя слоями запеклась кровь, и запричитал:



– Дура ты, дура старая, перебей тебя коромыслом! Что ж ты сделала? Сколько я тебе говорил, не лезь под горячую руку. Убил!.. Убил ведь!.. Ну куда я теперь?..

Потрогал вздутый синяк под глазом, попробовал раздвинуть веки пошире, но заныл еще жалобнее:

– Изверги! Гестапо! Разве можно так с человеком?.. Дай воды, – обратился ко мне и тоскливо вздохнул: – Рассольчику бы... Эх-х! Бабку свою я, кажется, того, убил. – Он захныкал. – Хорошая была бабка, хозяйка моя... Только самогонку мою повадилась воровать. Сворует и выбросит, сворует и выбросит, задери ее коза. Что теперь делать мне, а? Сушняк замучил. Эй, гестапо, воды дай!

Три ночи, проведенные в ИВС, я не спал...

### **Хроника тюрьмы. Записки Савельева (2)**

Каждые три дня – понедельник, среду, пятницу с шести часов утра обитатели ИВС начинают собираться в СИЗО – следственный изолятор, где им предстоит провести не три дня, а как карта ляжет. Перевозят их плохо оборудованными автозаками старого образца в сопровождении конвоя из 3–6 человек всегда в одно время, всегда одним маршрутом. Так что если бы кто-нибудь когда-нибудь решился на побег по пути в СИЗО, это можно было бы организовать, не закатывая рукавов. Ничего не стоит остановить автозак под любым предлогом и вытряхнуть из него всех заключенных. По понедельникам людей бывает гораздо больше, чем в другие дни, потому что операции по задержанию стараются проводить в конце недели, чтобы ограничить возможность задержанного связаться с адвокатом, родственниками или друзьями и принять меры к освобождению. За это время – субботу и воскресенье – с задержанным проводят следственные мероприятия, которые включают в себя, как правило, одно: физическое выбивание нужных показаний в самом наипрямом смысле. В понедельник задержанному, глядишь, и не захочется уже принимать никаких мер. И трехдневный срок очень кстати истекает у тех, кого задержали в пятницу.

Меня увезли в СИЗО в понедельник.

Следственный изолятор или тюрьма по форме, если смотреть сверху, представляет собой букву Е, к обратной стороне которой пристроены две вилки буквы К. Царица Екатерина в свое время настояла, чтобы она имела именно такую форму. Тюрьма так и называется в народе – «Катка». Следственный изолятор – это мир, где свой язык, свои неписанные правила, свои отношения. Начальник СИЗО – как бог на небе, его никто не видел, но все знают, что он есть. Самый большой началь-

ник после него – ДПНСИ, дежурный помощник начальника следственного изолятора. Их всего четыре, с определенной очередностью они заступают на смену. ДПНСИ решает все вопросы, кого куда поместить, кого перевести. Он принимает этап.

Из автозаков нас, около сотни арестантов, выгрузили бегом, загнали на «вокзал» – огромный коридор на первом этаже тюрьмы, где мы пробудем совсем непродолжительное время. Там всех посадили на корточки лицом к стене, руки за голову. В таком положении сидели час. Кто не выдерживал и падал, тех били дубинками и поднимали. Спустя час на «вокзал» зашел дежурный по корпусу – «корпусной», обошел нас, постукивая по ноге дубинкой, и объявил:

– Если кто с вас думает, что он приехал на курорт, так он ошибся. Тут вам не курорт. Тут вы надлежите делать то, что хотим мы, а не то, что вздумается вам. Я понятно изъясился?

Еще через полчаса раздался страшный гул, в коридор верхом на мотоциклах влетели несколько человек в камуфляжной форме, под шлемами – черные матерчатые маски. Это моторизованный ОМОН. В руках каждый держал резиновую дубинку, которой на ходу со всей дури, не разбирая, бил арестантов, куда попадет. Сделав несколько кругов по «вокзалу», мотоциклы с ревом укатили. На этом воспитательная часть закончилась.

ДПНСИ проверил наши арестантские дела и тоже удалился.

Подошла очередь доктора. Тюремные стены накладывают свой отпечаток не только на осужденных, но и на тех, кто там работает. Доктор проработал в СИЗО всю жизнь. За это время профессиональные навыки атрофируются, остается только то, что представляет собой ценность. Трудно представить, что такой человек как профессионал еще сохранился. Он осмотрел всех арестантов, выхватил наметанным взглядом нуждающихся в лечении, как правило, это наркоманы, и обратился к ним:

– Больные есть? Предупреждаю, имеем два варианта: в камеру на общих основаниях, если здоров, или в наручниках в медицинский изолятор, если болен.

Выбор небольшой, да и намек понятен. Больных, естественно, не оказалось.

По периметру «вокзала» расположены маленькие комнатухи-боксы метр на метр, куда на время приема расселяют арестантов по категориям: подельники хранятся отдельно, «опущенные» – отдельно, бывшие работники милиции – отдельно. Затем всех построили «руки за спину, голова вниз» и бегом в распределительный пункт. Чем быс-

трее новичок поймет, что отныне это его поза в коридоре, тем меньше получит дубинкой по почкам.

В распределителе – процедура дополнительного осмотра, точнее, обыска. Здесь с нас снимается вся одежда и описывается. Статус осужденного определен исправительно-трудовым кодексом<sup>1</sup>. Но поступает-то в СИЗО не осужденный. О правах лица, задержанного по подозрению, вы не прочтете нигде. Законодатель исходил из того, что он только ограничен свободой, но он не лишен ни политических, ни экономических, ни социальных прав. На стене распределителя висит небольшой плакат, на котором написано, что положено иметь осужденному: комплект белья, принадлежности... Арестант: «А вот тут написано...». Дежурный: «Это осужденному». Арестант: «А-а-эм-м, а как же...» Убийственная логика. Основная масса поступающих в СИЗО не владеет юриспруденцией, не знает всех нюансов, чтобы в три приема сориентироваться: покажите мне, где написано, что нельзя иметь, потом заберете. Но ни один человек, «заезжающий на СИЗО», не скажет такого просто потому, что там, во-первых, у него нет никаких прав, даже прав осужденного; во-вторых, принцип воспитания очень простой: кто-то начинает умничать – дежурный автоматически реагирует: хорошо, эту группу будем отпускать по камерам в последнюю очередь и отводит группу подальше. Группа – это чужие друг другу люди. Понятно, что человек сейчас заработает по горбу, причем его набуцкают незаметно и безжалостно: ты что, самый умный? Права решил покачать? Кто ты такой?! Все, что ты хочешь сказать, скажешь сам себе в сортире. Главная цель присутствующих – пройти побыстрее всю обязательную процедуру и попасть в камеры.

В распределителе мне повезло, меня узнал старший группы сопровождения дядька Кузьма. Нам доводилось общаться, когда я приходил в СИЗО работать со своими подзащитными. Увидев меня среди голых эзков, дядька Кузьма поспешил скрыться в кабинете. В общем шуме я не слышал, как он кому-то что-то доказывал. Но некоторое время спустя из кабинета вышел охранник и направился ко мне.

– Ты, – ткнул в меня дубинкой. – Одевайся и иди за мной.

В кабинете, кроме дядьки Кузьмы, сидели еще трое. Один, ефрейтор, едва выглядывал из-за стола, потому что был неестественно маленького роста. Он сосал сигаретный бычок и сосредоточенно листал мое арестантское дело. Двое других с такими же бычками во рту утлопали в сигаретном дыму у него за спиной.

<sup>1</sup> Речь идет об Украине. – *Ред.*

Ефрейтор склонил голову набок, сощурился – последняя струйка дыма от бычка заплыла в его левый глаз – и неожиданно задорно спросил:

– Анекдот хочешь? Рассказываю: что такое «ни то, ни се и с боку бантик»? Отвечаю: голый зэк в профиль, ха-ха-ха! Та-а-ак, адвокат, значит? Бывший работник прокуратуры? Ну-ну...

Этот дрожаще-гнусавый голос обещал прогнозируемые и весьма неприятные для меня последствия: тюрьма не любит бывших прокурорских.

Уловив витающую в клубах дыма опасность, дядька Кузьма на правах старшего по возрасту развел враждующие стороны, бесстрашно втесавшись между нами.

Ефрейтор тупо вперил круглые глазки в грудь Кузьмы, и я с изумлением увидел, как сквозь дебри и хлам в них проридается мысль.

– Сейчас тебя отведут в отдельный бокс.

Адвокатов, работников милиции система в этой ситуации щадит, и с нами не обращаются так цинично и грубо, как с другими. Меня отделили от всех, закрыли в каменный бокс размером метр на полтора без окон, где я некоторое время находился один и мог сосредоточиться на себе. В бокс доносились крики, шум, людей продолжали обрабатывать, но я больше не присоединился к общей массе прибывших.

Добравшись к концу дня до своей камеры, где кроме меня сидели еще два бывших милиционера, я наконец заснул, тяжело провалившись во мрак без сновидений.

Утром сосед по камере Вадим с интересом наблюдал, как новенький, просыпаясь, сладко потянулся и улыбнулся неизвестно чему. Моя улыбка показалась Вадиму неуместной:

– А говорят, что когда человек смеется в одиночку, им начинают интересоваться врачи.

Блуждая взглядом по камере, я долго не мог понять, где нахожусь. Когда понял – застонал.

А Вадим меня добил:

– Да, да, ты в тюрьме, ты в тюрьме! Ты точно в тюрьме!..

### **Хроника тюрьмы. Записки Савельева (3)**

Я лежу на наре, смотрю в потолок и думаю. После двухчасового процесса мысленакопления чувствую, что, если не остановиться, можно сорваться, надо искать выход. Встал, взял лист бумаги, начал писать философские трактаты на тему «я и тюрьма», почему я здесь и что делать. Пар спустил, положил листок под подушку. Как только лег, мысли вновь хлынули потоком. Опять принялся писать и опять лист

под подушку. Три часа играл сам с собой в вышибалы. Прочитал свое сочинение. Господи, какой бред! Порвал и выбросил.

Вадим сидит за столом и «маслает» черный хлеб на домино. Часть костяшек уже готова, на них проделаны углубления по числу очков и зубной пастой покрашены в белый цвет. Такой же белой полосой каждая костяшка разделена пополам. Увлеченный работой, он бубнил под нос романс: «Ах, зачем эта ночь так была хороша!..»

Жизнь невероятно разнообразна, а человек так удачно устроен природой, что приспосабливается и привыкает жить в любой среде. Вот Вадим. Третий год дожидается суда. Внутренняя милиция себе лоб расшибла, пытаясь выбить из него нужные показания. Хоть он и бывший милиционер, но на допросах ему добросовестно отбили все, что находится у него в паху. В конце концов потеряли к нему интерес и оставили в покое.

На второй месяц пребывания в следственном изоляторе дал знать о себе желудок – открылась язва. День для меня начинался с того, что в шесть часов утра я вставлял в дверную решетку листок бумаги с заявлением «Прошу записать к врачу». В арсенале врача скудный набор антибиотиков, обезболивающие и кое-что от простуды. Через неделю перестали действовать обезболивающие, и я попросил специальное назначение.

– Лекарств нету, – сонно зевнул доктор.

– Так что, можно умирать?

– Давай. Сдохнешь, и слава богу.

Вадим объяснил:

– Расслабься, «лепила» тебе не поможет. А на больничке просто так не держат. Туда можно попасть, только если с воли есть кому снабжать санчасть всякими лекарствами.

– А если нет такой возможности?

– Не попадешь. Нет, если туберкулез или СПИД, попадешь, конечно. И с желтухой попадешь. А если, как у тебя, язва, не попадешь. Ты должен умереть. Вот тогда тебя заметят. – Он вздохнул: – Только тогда тебе уже будет все равно.

Все давно привыкли к тому, что следственный изолятор используется не по прямому назначению – изолировать для следствия, а исключительно в целях морального подавления личности.

Примерно раз в неделю СИЗО навещает ОМОН – отряд милиции особого назначения. Здесь у отряда два назначения: он помогает тюрем-

ной администрации поддерживать порядок в хозяйстве и на живом материале отработывает приемы рукопашного боя. В неурочное время через кормушку в камеру закидывается дымовая шашка, распахивается дверь, здоровенные идиоты в камуфляже, в масках, с дубинками заскакивают в камеру, с дикими воплями выгоняют заключенных в коридор и начинают молотить всех подряд. Кстати, интересная закономерность: и органы внутренних дел, и криминальные органы объединяет «одна, но пламенная страсть» к восточным единоборствам. Нашу камеру не обходили вниманием, хотя бить остерегались.

Совершенно нормальное явление, когда в камере на двадцать человек одновременно хранится людей в три раза больше. В такие камеры омовцы, как правило, не заходят, дураков нет. Тут тактика другая: та же дымовая шашка, крики «Быстро! Все в коридор!», дверь камеры, открытая ровно настолько, чтоб в нее за раз мог пройти только один человек: специальный фиксатор на полу не позволяет ей открыться шире. Доблестные блюстители порядка с удовлетворением наблюдают, как арестанты, давя друг друга, устремляются в дверную щель. Людьюми руководит животный страх – не попасть под раздачу, не оказаться последним. Последнего поджидают с особым пристрастием: подняты вверх резиновые дубинки, напряжены мышцы омовских бицепсов, глаза наметили жертву. Хр-рясь! Сегодня опять досталось новичку: замешкался, с правилами еще незнаком.

Четкая целенаправленная процедура. Человек, находящийся в постоянном страхе, не способен на какие-то активные действия, сопротивление, побег.

Происходит постепенная деградация «свободных жителей страны». У одной части человеческого материала культивируются самые низменные звериные инстинкты, направленные на уничтожение наилучших качеств у другой.

По статистике, каждый третий имеет судимость, 80 процентов из них содержались в СИЗО при том, что необходимость в этом была едва ли для трети. Следовательно может «пришить» липовое дело и перечеркнуть чью-то жизнь только ради того, чтобы записать плюс в свой актив. Ради статистики по раскрываемости преступлений рядовые уголовные дела возбуждаются без разбору по малейшему поводу. Чаще – без повода. Реже – повод создается искусственно самими же органами. Причем зачастую сначала «раскрывается» преступление, а уж потом возбуждается и расследуется дело – так легче поддерживать высокие показатели девяностопроцентной раскрываемости преступлений. Фу-ух! «Я понятно изъяснился?»...

#### **Хроника тюрьмы. Записки Савельева (4)**

Стараниями моей жены и адвоката я был переведен на больничную койку в обмен на медикаменты для медсанчасти. Это отдельный корпус с более мягкими порядками, и люди тут попроще, сюда не заезжает ОМОН, а днем даже можно спать. На большей территории СИЗО порядок один: в шесть утра подъем, свернули матрасы и до вечера к наре не приближаться под страхом наказания. Можно гулять по камере, можно сидеть за столом, можно весь день стоять, но лежать или спать нельзя – карцер. В больнице – можно.

Больничная камера, куда меня поместили, была общей – тут не утруждают себя сортировкой на судимых-несудимых-малолеток-бывших работников милиции.

Я вошел в камеру и долго стоял под обстрелом испытывающих взглядов. После чего меня поприветствовали с прихлопом:

– Опаньки! Пацаны, к нам цветного закинули!

Понятно, значит, будут проблемы. Цветные – это бывшие работники милиции, военнослужащие, госслужащие, работники прокуратуры. Откуда-то ээки узнали, что я работал в прокуратуре, а этот факт в тюрьме, мягко говоря, не приветствуется. Впрочем, не трудно догадаться, что аукается обида низкорослого ефрейтора. На нарах ээки где сидели, где лежали по двое валетом. Я прикинул: нар всего восемь, на каждой по два человека, только на одной один, значит, там мое место. Человек, лежащий на наре, расположился так, что, не подвинув его, не сядешь. И с ухмылкой щерился на меня.

– Позвольте присесть.

Ответа нет.

– Извините, я не могу спать стоя.

Зэк презрительно кивнул в угол у двери:

– Вон там на ступеньке возле параши можешь спать. – И смачно сплюнул мне под ноги.

«На больнице вряд ли в камере есть „руль“, – инструктировал меня Вадим, провожая в санчасть, – ну или „смотрящий“ его еще называют, или „пахан“. Но кто-то главный засветится. Держись его, на „шестерок“, „чушканов“ или другую прислугу не отвлекайся, они тебе без надобности». Я, конечно, не силен в воровской иерархии, но главного в камере заметил сразу. Это довольно невыразительный седой старик, который полулежит один на наре, расположенной в дальнем углу возле батареи, и в отличие от других не проявляет никакого интереса к происходящему. Он, по всей вероятности, и «рулит».

Вадим учил: в тюремной камере у каждого свое место, правила строгие. «Заезжая на хату», в первую очередь необходимо найти «петушиный угол», если он есть. Если новичок не знаком с правилами, он рискует по ошибке сесть в «петушиное гнездо» и «законтачить» с опущенными, что влечет за собой безоговорочную утрату уважения и всеобщее презрение. Обычное место опущенных – под нарой или возле «параши» – писуара общего образца, устроенного прямо на полу в углу камеры.

Я почувствовал, что появилась та грань, которую нельзя переступать, чтобы не оказаться под нарой. Если не заставить себя уважать – «зачморят». Я взял со стола литровую железную кружку, подошел к будущему соседу по наре и что есть силы ударил его по голове. Заявлялась драка. И неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не старик на одиночной наре. Он кивнул одному из сокамерников – «быку», тот поднялся с нары, обнаружив тело огромных размеров, качаясь, подошел к нам и легко развел руками, ухватив обоих за шивороты. Скандал никому не нужен, в первую очередь самим заключенным, все ценят мягкий больничный режим, и никто не хочет оказаться в карцере. Когда в глазок на кормушке посмотрел дежурный, он увидел, что я сижу на наре и мирно беседую с соседом.

Я жил ожиданием свободы. Стал, как и все заключенные, верить в приметы и находить важное в простом. Дни коротал, консультируя братву по всей тюрьме. Меня даже заужали и не решали без меня юридические вопросы. Тюрьма, тюрьма, дай мне имя! «Про-о-офе-е-ессо-ор!» Я стал Профессором.

За четыре месяца ареста я ни разу не видел своего следователя. Написал десятки ходатайств и жалоб в прокуратуру и столько же заявлений ДПНСИ на прием к прокурору по надзору за ИВС и СИЗО. Дежурный аккуратно знакомит меня с содержанием ответов на жалобы. Они сводятся к одному: факты не подтвердились. Прав Вадим: ты должен умереть, тогда тебя заметят.

Прокурор в СИЗО принимает каждый второй понедельник месяца. За все время пребывания в тюрьме я не слышал, чтобы кто-то из заключенных попал к нему на прием. Я не стал исключением. Идет отсев. Прокуратура никем не контролируется. К тому же срабатывает ведомственный иммунитет: прокуратура закрывает человека в СИЗО, и задача прокуратуры – контролировать исполнение закона. Если «прошу записать меня на прием к прокурору» поступает из главного корпуса, где сидит лицо с четырьмя судимостями, возможно, его и допустят. Ну что он может попросить или спросить такого, на что прокурор не



сможет ответить, не напрягаясь? А если работник СИЗО, сортирующий жалобы, знает, что идет конфликт, и понимает, о чем будет разговор, он просто не допустит к прокурору такое заявление. Начальник СИЗО – милиционер, который подчиняется прокурору и боится его, потому что тот же прокурор будет квалифицировать его действия и он же будет санкционировать его арест и поддерживать обвинение в суде.

– Да, Профессор, влип ты в дерьмо, – пожалел меня Клещ, тот самый седой старик с одиночной нары. – Я из Одессы, там такой же хлам.

Клещ вытянул ноги, размял.

– Болят, родимые. Всё Воркута. На лесоповал в самодельных чунях зимой гоняли, восемь километров туда, восемь обратно. Все одно, план ихний выполнить, что до луны доплюнуть. За невыполнение загоняли в отстойник стоять на морозе до двух часов ночи, а в шесть утра опять круги наматывать. Ноги так и не просыхали до лета. Воры, если «торпеду» из Одессы запускают, и то ставят перед ней реально выполнимую задачу. Не требуют, к примеру, в течение часа завалить фуфлыжника, который на Багамах загорает. Думаешь, изменилось что? Не-а. Как измывалось государство над своим народом, так и измывается, разве что изощреннее.

Клещ говорит негромко, будто сам с собою рассуждает. Спокойный голос с приятной хрипотцой журчит, как родник в летнем лесу, и располагает. Слушать его – удовольствие. Я боюсь, что он замолчит, и подбрасываю разные вопросы.

– Это что-то обозначает?

– «Маяк свободы», чтоб от сук отличаться. – Клещ раздвинул ворот на своей груди пошире, чтоб я получше разглядел рисунок. – У них роза на запястье руки. Я был правильным вором. На зону уходил один, никого не закладывал. Всю жизнь провел на зоне, «крыла не надевал», не ссучился.

– А что такое «крыло»?

– Повязка это козлиная на рукав, чтоб куму было видней, где свой, а где чужой. Такие дела. Вышел, посмотрел, какой тут у вас бардак, и решил обратно вернуться. Для души спокойнее. Сегодня я фактический «прошляк», от дел отошел и скоро к Богу, если примет.

– Что, большая разница? – Я устроился поудобнее на Клещевой наре.

Он как будто и не замечает моего хитрого маневра, говорит себе без особых эмоций такое, о чем обычно кричат, отчаянно жестикулируя для убедительности... Потом замолчал. Через минуту послышалось мерное посапывание, рассказчик спал.

Я устроился поудобнее на своей половине нары, чтоб обдумать Клещеву речь. Моя половина – это сорок сантиметров в ширину. Я стал привыкать к таким удобствам, это все-таки лучше, чем сидеть на металлическом стуле или стоять. Зимой в камерах холодно, батареи едва греют, а из щелей между одинарной оконной рамой и стеклом, которые, как ни конопать, не заткнешь, ветер свистит, словно вьюга. Воздух в камерах согревается дыханием и теплом собственных эзковских тел.

Послышался лязг дверных запоров, два охранника волоком втащили в камеру Хмурого и бросили на нару. Он без сознания. С тех пор как я поселился на больничной койке, этого эзка опускают в карцер чуть ли не каждый день. Возвращают всегда в одном виде: избитого, без сознания, волоком. Он не успевает оклематься, чтобы вновь проштрафиться, как на него прямо с потолка обрушивается новое нарушение, и его опять уводят в карцер.

– Вот гниды, – поморщился Фартовый, – опять хлоркой обливали, у меня от нее, проклятой, в глотке дерет.

– Кого обливали? – Я тоже почувствовал крепкий запах хлорки.

– Ты думаешь, в «трюм загрузили» и шабаш? Не-е-ет. Просто сидеть в карцере – кайфу никакого, а вот с хлоркой – совсем другой коленкор. Ты не был там? Храни, Господь! Бетонный бункер два на два метра, без окон, без света – могила! Тебя туда загоняют и на пол – ведро хлорки жидкой, разведенной – фью-у-и-ить! И ты там сидишь. Темень – глаз выколи. День сидишь, два сидишь, ну сколько дали, столько и сидишь. Нара пристегнута к стене, на подъем поднимается, на отбой опускается, другой мебели нету. Под задницей вместо стула – пол с хлоркой.

– А хлорка зачем?

Фартовый хмыкнул:

– Чтоб прочувствовал. Заодно дышалку чтоб прочистить. А Хмурого там еще и ОМОН воспитывает. Если на этажи эти хмыри заезжают раз в неделю, то в подвале постоянно пасутся. Хмурый в несознанке за убийство, а у ментов против него ничего нет, вот они его и убивают. «Крутят через матрас».

– Как это?

– Ну, значит, дают одну ночь переночевать на своем матрасе и опять в «трюм загружают». Они бы там его давно со всем дерьмом сожрали, да правила не позволяют накидывать новый срок, когда ты еще не отмотал старый. Понял?

– Ё-моё! Какое, к черту, правосудие, справедливость?! Мышиная возня, комедия. Все решается здесь, по-своему, как захочет левая нога дежурного или прокурора!

Фартовый уставился на меня с интересом и смутил, воскликнув:  
– Профессор, ты стал рассуждать по понятиям!

Принесли передачу, сегодня праздник у Моти, тощего как жердь зэка с хохолком волос на голове и колючими лисьими глазками. Он «припотел» при Клеще.

Продукты разложили на столе. Мотя пытался «мойкой» нарезать хлеб, но крохотное лезвие, вынутое из бритвенного станка, скользило и вихлялось, как вокзальная девка. Психнув, Мотя бросил «мойку» на стол:

– Какая падла хлеборезку замылила?!

Я предложил:

– Сегодня на коридоре Степаныч дежурит, можно у него нож попросить, надо же еще сало порезать.

Степаныч, просовывая нож через кормушку, попросил:

– Ты побыстрячку, сынок, потому, если засекут, мне труба.

Нарезали хлеб, сало, соленые огурцы, разложили вареный картофель. Хмурый лежит на наре и после карцера почти не поднимается. Ему сделали бутерброд, налили в кружку кипятка и отнесли прямо на нару.

Увлечись едой, забыли вернуть нож. В это время неожиданно-негаданно «корпусной» с бригадой, вооруженной молотками, вваливает в камеру, и начинается шмон. Всех выгнали в коридор, вывернули матрасы, молотками простучали решетки, «струны» на нарах, нет ли подпиленных, проверили одноразовые пластмассовые станки для бритья, не вынуты ли оттуда лезвия. Обследовали все углы в поисках «заточек», «моек» и других запрещенных спецпредметов, какими «обустраивают» камеры умелые зэковские руки.

Камерная братва стоит по стойке смирно ни жива ни мертва: на столе на самом открытом месте лежит нож. Все, затаив дыхание, ждут, когда до него дойдет очередь. Потому что, если дойдет!.. Но Господь в этот день оказался милостив к нам, бригада пронеслась вихрем и исчезла... не заметив ножа. Бывает, выпадает такое счастье, когда настроенный на определенные предметы надзирательский глаз зашорен для восприятия иных предметов. Никому из них и в голову не пришло, что в камере, да еще на видном месте, мирно возлежит настоящий нож!

– Степаныч в «продоле», наверное, поседел, – шепотом произнес Сучок.

Не успели мы прийти в себя, как дверной замок вновь клацнул, и в камеру вернулся один из подручных «корпусного». Подошел к ближней наре, провел под ней рукой, демонстративно сдул с руки пыль.

– Кто дежурит? – И поворачивается к Хмурому.

Сучок подхватился:

– Загоруйко Матвей Иванович, 1970 года рождения, статья 143.

– А по графику?

Мы понимаем, что вернулись за Хмурым.

– Я...

– Отвечать по Уставу! – гаркнул попкарь вдруг по-армейски.

– Это что-то изменит?

– Пять суток карцера! Ефрейтор!

В камеру вошли еще двое и встали рядом с нарой Хмурого. Тот, стиснув зубы, встал и поплелся, шатаясь, к двери.

– Мама моя! – промямлил бледными губами Сучок, оседая на скамью.

В камере освободилось одно место, точнее, полместа рядом с Мотей. Хорь, который, казалось, блистал здоровьем, переехал на второй этаж к туберкулезникам. Через два дня место Хоря занял совсем молодой парнишка с гипсом на правой руке. Когда Клещ разговорил его, выяснилось, что это Вася, двадцати лет, в тюрьму первой ходкой за кражу. Сразу по прибытии бедолагу определили в «пресс-камеру», где сидят «капо» – осужденные, добровольно сотрудничающие с администрацией.

В СИЗО ничего не бывает случайно. Значит, так нужно было, чтоб Васю туда посадить. Значит, у кого-то из оперативных работников какого-нибудь отделения милиции имеется в производстве ряд нераскрытых преступлений по кражам, которые надо «раскрыть». Путем довольно простых манипуляций, грубых психологических прокладок создается атмосфера в камере, когда человека просто вынуждают: парень, ты видишь, у нас в камере есть телевизор, ты понимаешь, что нам из-за этого каждый день выворачивают руки-ноги? Нужно, чтоб ты написал явку с повинной. Вчера написал Серега – у нас два дня телевизор стоит, сегодня твоя очередь, садись пиши. Ничего не знаем, ты это сделал. Нет – твое дело, но виноватым будешь ты. Таким образом СИЗО выполняет план по раскрытым преступлениям. У них добавки к премии нет, но существует связь с оперативниками-территориальниками, они приезжают, общаются и таким образом «раскрывают» преступления. Никто из оперов давно уже не гуляет по земле и не расследует преступления, как это показывают в кино: пошел, пообщался с соседями, изучил следы преступления, подумал-повычислял, кто это мог сделать. Этого нет. Из СИЗО идет инициатива, «правда» и «раскрытие».

С Васей ссучившиеся перестарались, сломали ему руку. Администрация, боясь огласки случившегося, бросила его в больницу, в хорошую камеру. Наша камера считалась хорошей.

Вечером я, Клещ и Вася сидели за столом и беседовали. Клещ рассказывал:

– Я жизнь на полосатой зоне коротал, в особняке. Как-то мне тюремное заключение как особо опасному прописали. Кинули в прессхату к сукам, восемь харь в хате и я. Загнали они меня в угол. Я по основной профессии карманник, щипач. Орудие труда всегда при мне, между пальцами зажато. Провел ладонью прессовщику по рылу, тот и облился кровью. Мочилово началось, набежали менты, разняли...

Вася, раскрыв рот, слушал матерого вора...

### **Хроника тюрьмы. Записки Савельева (5)**

Двое попкарей притащили Хмурого и бросили на нару. Он без сознания. Лицо с провалившимися щеками и черными глазницами больше напоминает мертвеца, чем живого человека. Кисти рук, на которых уже не видны следы от наручников из-за сплошного кровавого меса, вспухли и беспрестанно кровоточат. Жалкое зрелище – синюшное тело, покрытое ссадинами и синяками.

Время шло к полудню, Хмурый не приходил в сознание. Изредка тяжело и прерывисто вздыхал, пугая нас клеточком, вырывающимся из груди, как если бы все его внутренности покинули свои места и в беспорядке перемешались, загромоздив дыхательные пути. Над ним хлопотал Мотя, питавший к нему привязанность: поминутно менял мокрую тряпицу на горячий лоб, осторожно смывал с тела запекающуюся кровь и проклинал всех на свете ментов и лепил. Вася все время пырился помогать Моте, но Фартовый всякий раз пресекал: не твоего ума дело, без тебя управятся. Время от времени Мотя подходил к кормушке и начинал стучать в нее кулаком. Когда в окошке появлялся нос вертухая, он терпеливо просил:

– Начальник, нам бы фельдшера. Посмотри, человек ведь умирает.

– Я тебе черным по белому говорю, – начал выходить из себя дежурный, – засохни, без тебя тошно. Или тоже в карцер захотел?

Тут Мотино терпение кончилось. Он проворно сунул руку в окошко, хватил попкаря за грудки и потрянул его о железные дверные запоры, разбив лицо в кровь.

– В карцер, говоришь? – орал Мотя, терзая охранника. – Тебя бы, суку, в карцер на перевоспитание!

Мы с «быком» вдвоем не могли оттащить его от двери. Мотя неожиданно крепко вцепился руками в кормушку и только после того, как попкарь с силой захлопнул дверцу, пройдясь прямо по Мотиным пальцам, нам удалось усадить бунтаря на нару. Два пальца на левой руке оказались сломаны и неестественно торчали. Мотя тупо смотрел на них и скулил от боли.

Разборы не заставили долго ждать, вскоре по коридору прогромычали три пары ботинок. Среди прибывших хлюпал разбитым носом дежурный вертухай. Мотя, не дожидаясь, пока его проводят пинками, послушно пошел на выход. Однако, проходя мимо разбитой попкаревой физиономии, не смог скрыть самодовольного вида. И это было непростительно. Старший преградил ему дорогу и с размаху ударил наручниками по лицу. Мотя жалобно пискнул, схватился за лицо руками и получил удар под дых. Когда он согнулся, коридорный легко завел его руки за спину и застегнул в наручники.

– Вот так, чтоб не сопротивлялся.

На вторые сутки Хмурого наконец увезли на каталке и вернули часа через два с перевязанными руками. Поставили капельницу и начали вяло лечить. Еще через трое суток он мог разговаривать и есть с ложки. Лечение было прекращено.

Мотя отбывал десять суток карцера.

Срок Мотиного заключения еще не истек, но он неожиданно вернулся. На «больничке» был тихий час, в нашей камере все, кроме Кореяца, спали. Кореец сидел на своей наре, подобрав под себя ноги, и качался из стороны в сторону. Что-то бубнил под нос и вдруг громко вскрикнул, испугавшись лязга дверных запоров. Зэки зашевелились – оказалось, никто не спал.

Мотя вошел, сильно сгорбившись, молча обвел всех печально-виноватым взглядом и, неестественно оттопырив зад, зашаркал к своей наре. Лицо опало, посерело. Одежда лохмотьями висит на острых плечах, спортивные штаны сзади мокрые. Дойдя до своей нары, Мотя потоптался, пристраиваясь, и со всеми предосторожностями тяжелобольного устроился... не на наре, а на бетонном полу.

Первым очнулся от столбняка Сучок. Соскочил с нары, с опаской приблизился к Моте, пригладелся к штанам.

– Мама моя! Да это кровь, братва! Да они его «опустили», братва! Не побрезговали, суки последние!

– Созывай сходяк, Клещ, – предложил Фартовый. – Пускай воры решают, куда ему теперь.

По тюремным правилам не полагается хранить «опущенных» в одной камере с обычными зэками. Тюремная администрация должна была сразу определить Мотю в «петушатню». Но если направить его туда прямо из карцера, слишком очевидным окажется, что Мотя подвергся насилию тюремной службой. Из обычной же камеры в «петушатню» не переведут до тех пор, пока администрации не станет официально известно о том, что в камере появился «петух». Иными словами, пока сокамерники не потребуют или изнасилованный сам не взмолится отделить его от своих насильников.

Двое суток Мотя пролежал на полу, не вставая. Он отказывался от баланды и только пил чай-вторяк, который готовили ему Фартовый и Вася. Под ним периодически образовывалась лужица крови. Сучок брезгливо промокал ее тряпьем, но она снова появлялась. Мы с ним стащили с Мотиной нары тощий матрас и постелили его прямо на полу, заменив им пачку старых газет, служивших Моте подстилкой. Перелечь на нару он категорически отказался.

На наши просьбы вызвать врача, из кормушки слышалось одно и то же: «Не сдохнет. А сдохнет – закопаем!»

На воровской сходке выяснилось, как Мотя отбывал карцер. Его не били. Но каждую ночь к нему приходили пьяные охранники и по очереди насиловали. Когда им наскучило, решили разнообразить. Снесли в карцер к Моте подручные средства: бутылки и все, что попадалось по пути и что можно было протолкнуть в человеческое тело. На шестую ночь, когда после многих усилий все чаще теряющего сознание Мотю так и не смогли привести в чувство, утратили к нему интерес и вернули в камеру. Хотя воры и признали Мотю жертвой ментовской расправы, но решение сходняка было перевести его в «петушатню» под особый присмотр «мамочки».

Однако Мотя так и не переехал на новую «хату»: спустя сутки после сходки он истек кровью и умер на холодном камерном полу рядом со своей нарой.

После этой смерти тюрьма погрузилась в опасную тишину. Понятно, что даже несмотря на творимый здесь беспредел, любой скандал, который может потянуть за собой раскрытие нескончаемой цепи ментовско-прокурорских «чужачеств», крайне нежелателен для администрации. У подобревшего от страха коридорного Феди удалось выведать, что Мотину смерть списали на прободную язву желудка с обильным кровотечением, а тело тайком вывезли на кладбище и похоронили в соответствующем секторе под номерком. От дежурного, которому

Мотя разбил нос и который организовал его «перевоспитание» в камере, поспешили избавиться и перевели в другое подразделение.

Неделю нас не шмонали, не штурмовали ОМОНОм и не опускали в карцер. Постепенно о происшествии забыли, и жизнь пошла своим чередом.

### **Хроника тюрьмы. Записки Савельева (6)**

За время моего пребывания в тюрьме бюджет семьи крепко поистрепался, за медикаменты для санчасти стало нечем платить, и меня из «больнички» перевели в обычную камеру. Перед тем как «выписать», здоровье не проверяли, диагнозов не ставили и врачебных рекомендаций не давали. К чему условности? Платишь деньги за более мягкий режим – хоть днем и ночью лежи на больничной «койке», болей на здоровье; денег нет – пошел вон! Никого твое здоровье не интересует.

Довелось пройти лабиринты воровских и наркоманских «хат», прежде чем я попал в свою прежнюю камеру, где сидят Вадим и Сеня. В судьбах этих двух сидельцев ничего не изменилось. Они по-прежнему трепещут, слышав шаги в коридоре: не за ними ли, не с вещами ли да на свободу? Вадим пристрастился к эпистолярному искусству и одну за другой строчит жалобы тюремному начальству, рассчитывая взять измором.

Обрадовался мне:

– Ну, ты всегда, брат, вовремя! Ты теперь у нас «Профессор», я слышал. Ну, давай, помогай, если можешь.

Стол завален бумагами. Видно, что перед самым моим приходом тут кипела работа.

– Вот тут я записывал, чтоб не сбиться с хронологии... Меня задерживал районный прокурор, так? – Вадим сунул мне от руки переписанную копию постановления.

Он сильно взволнован и тарыхтит, как пулемет, подгоняя события. Это понятно: после двух лет отсидки забрезжила реальная надежда выбраться, и он не желает оставаться в этом пекле ни одной лишней минуты.

– Он выписывал мне 115-ю статью 27 января. Срок восемь раз продлевали. Последний раз Генпрокурор подписал 24 июля. Я правильно понимаю: у меня с 25 января этого года прошли все сроки задержания?

– Да, правильно. – Я едва успеваю следить по бумагам.

– Последняя санкция до шести месяцев. У меня завтра истекает последний шестимесячный срок, мне никто не говорил о продлении, никто не ознакомливал с постановлением о продлении срока задержания. Что мне делать?



Да, это задача.

– Давайждем завтра, потом будем принимать решение.

Завтра прошло в напряженном, но, увы, тщетном ожидании.

Я предложил:

– Я бы записался на прием к прокурору.

Дождались второго понедельника месяца, Вадим написал заявление «Прошу записать меня на прием к прокурору по надзору», вставил в дверь. Реакция последовала неожиданно быстро и удивила всех троих.

Утром, аккуратно после завтрака открывается тяжелая дверь, и входит майор. Вид серьезный, брови надуты, губы поджаты, глаза упорно смотрят вниз.

– Семенов. – В голосе отсутствуют командные нотки.

Вадим подорвался:

– Семенов Вадим Михайлович, 1961 года рождения, статья...

– Вы писали заявление с просьбой попасть к прокурору. Я начальник спецчасти СИЗО майор Демин. Прокурор не принимает, я к вам пришел. Что вы хотели?

Мы с Вадимом переглянулись. Ребята, во что мы играем? Как это – не принимает прокурор?! Как это не принимает?! За что он деньги получает, если в приемный день он не принимает? Его должность так и называется: по надзору за ИВС и СИЗО. Чем же он занимается, если у него приемный день сегодня, а он не принимает?!

Вадим смотрит на меня в полном отчаянии. Я понимаю, что я что-то должен сделать, помочь, и... беспомощно развожу руками: ну, что я могу сделать, сидя рядом с тобой на тюремной наре? Ну что, плюнуть ему в лицо?

– У меня 25 января кончился срок.

– Да.

– Вы меня должны освободить.

Майор поднимает на него усталые глаза.

– Вы меня должны освободить, – упрямо твердит Вадим.

– Должен. Но если я вас сегодня освобожу, то завтра сяду вместо вас.

Вадим растерянно опустил на нару, да так и остался сидеть в присутствии высокого начальства.

– А мне что делать? – спрашивает обреченно.

– Честно сказать? Не знаю. Пишите жалобу.

Добрый, все понимающий майор ушел нести свою неоднозначную службу...

В тюрьме закончился обед.

Я прислушался: непонятный шум или, точнее, гул доносится откуда-то изнутри тюремного здания. Вадим, с утра как прибитый после визита начальника спецчасти, вытянул шею и тоже замер. Гул нарастает. Он не приближается извне, а как будто рождается тут, в самой камере. Это совершенно новые для меня звуки, и то, что я не могу понять их природу, неприятно меня волнует. Я подошел к оконной решетке, прислушался, затем исследовал дверь, но определить источник гула все равно не могу. А вот считающийся старожилом Вадим в это время уже взял в одну руку свою жестяную чашку дном вверх, в другую – обломок алюминиевой ложки так, чтобы указательный и средний пальцы легли в ложбинку, и начинает бить ложкой о чашку. Сначала тихо, потом громче и громче. Стук получается глухой. Вскоре становится ясно, что Вадим бьет в такт с нарастающим из ниоткуда звуком, и этот звук очень напоминает плач.

– Что это? – спрашиваю.

– Саботаж, – мрачно чеканит Вадим. – Братва тюремная чего-то требует. А вот что она требует, это вопрос. Ин-те-рес-ный...

– А ты при чем?

– Ничто так не объединяет, как общий враг.

Вскоре гул преобразился и принял вполне определенные очертания: биение гигантского сердца, встревоженного высоким давлением крови. Наступала некая торжественность, причастность к которой выдает собственное сердце. Я приложил руку к груди, чтобы его унять, но ситуация все больше напоминает теорию физического резонанса из школьной программы, когда солдаты маршируют через мост. Если ритм шага одного солдата идеально сольется с сотней других шагающих, мост может рухнуть. И тут я совершенно отчетливо на уровне физиологии почувствовал, и у меня внутри все похолодело: тюрьма гремит траурным маршем.

## УИС В ЦИФРАХ (2007 – 1-е полугодие 2008 года)

По состоянию на 1 июля 2008 года в учреждениях УИС содержалось 894,2 тыс. человек, в том числе в 758 исправительных колониях – 729,5 тыс., в 216 следственных изоляторах, 7 тюрьмах и 164 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, – 154,6 тыс. человек, в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 9,9 тыс. человек. В учреждениях содержится 67,1 тыс. осужденных женщин, при женских колониях имеется 11 домов ребенка, в которых проживает 752 ребенка.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 131 больница различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 57 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС входят также 2442 уголовно-исполнительных инспекции, в которых состоят на учете 574,9 тыс. человек, осужденных к наказанию, не связанных с лишением свободы.

Производственный потенциал УИС составляют 293 федеральных государственных унитарных предприятия, 439 центров трудовой адаптации осужденных, 33 лечебно-, 27 учебно-производственных мастерских.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 301 вечерняя общеобразовательная школа и 447 учебно-консультационных пунктов, 334 профессионально-технических училища, действуют 464 храма, 722 молельные комнаты.

Штатная численность персонала УИС составляет 359 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 259,1 тыс. человек.

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 47 учреждений здравоохранения, в том числе 25 центров медицинской и социальной реабилитации, 13 больниц, 6 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В последние годы произошли серьезные изменения в криминогенном составе контингента УИС.

Численность лиц в исправительных колониях за 2007 год возросла на 19,7 тыс. человек. За 6 месяцев 2008 года – еще на 13,1 тыс. Общая численность в местах лишения свободы приблизилась к 895 тыс. человек. При этом количество лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, превысило 70 процентов. Несколько лет назад эта категория составляла 30–35 процентов.

Каждый четвертый в местах лишения свободы отбывает наказание за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, каждый пятый – за разбой или грабеж. Более четверти осужденных приговорены к длительным срокам лишения свободы. 46 процентов осужденных отбывают наказание более двух раз.

Увеличивается количество лиц с повышенной агрессивностью и возбудимостью, с психическими отклонениями. В местах лишения свободы содержится более 400 тыс. человек, склонных к различным формам деструктивного поведения – членовредительству, суициду, агрессии, способных к непредсказуемым действиям, нападениям на сотрудников или других осужденных.

Увеличивается количество осужденных, не имеющих ни профессий, ни образования. Большинство осужденных состоят на диспансерном учете по поводу различных заболеваний.

В 2007 году принято шесть федеральных законов, семь постановлений Правительства Российской Федерации, направленных на улучшение деятельности уголовно-исполнительной системы и соблюдение прав человека. В 2008 году принято еще два федеральных закона, два Указа Президента Российской Федерации и постановление Правительства России.

На рассмотрении в Государственной Думе находится девять проектов федеральных законов, которыми, в частности, предусматриваются меры по реализации наказания в виде ограничения свободы; исключение из законодательных актов наказания в виде ареста; снижение с 21 до 19 лет возраста пребывания осужденных в ВК; возможность оказания мер социальной помощи осужденным и работникам УИС органами государственной власти субъектов Российской Федерации за счет собственных бюджетов; предоставление для женщин права получения

посылок, передач и бандеролей в неограниченном количестве, а также возможность досрочной отмены судимости и отсрочки наказания.

Размер камерной площади в среднем на одного подозреваемого или обвиняемого доведен к началу 2008 года до 4,1 кв. метра. Средний размер площади на 1 человека сохраняется на том же уровне, что был достигнут в результате работы по созданию дополнительных мест для подозреваемых и обвиняемых. В течение 2007 года создано 5113 мест, а за шесть месяцев текущего года – еще 1211 мест. До конца 2008 года будет введено еще 2175 мест, а всего – не менее 3386 мест.

В УИС трудится 1496 социальных работников, в результате деятельности которых 93,7 процента осужденных из числа нуждающихся получили помощь в трудовом устройстве после освобождения, 83,4 процента не имеющих жилья – в приобретении его. Практически каждому второму оказана помощь в восстановлении утраченных социально-полезных связей.

В 2008 году численность психологов в исправительных учреждениях была доведена до 3500 человек. Ежегодно психологическое и психиатрическое обследование проходят более 86 процентов осужденных, подозреваемых и обвиняемых; выявляются лица с признаками психических отклонений, повышенной агрессивностью, склонные к совершению самоубийств. Особое внимание уделяется прогнозированию и предупреждению чрезвычайных происшествий, выявлению причин, осложняющих оперативную обстановку.

В УИС созданы и осуществляют деятельность 439 центров трудовой адаптации, 60 учебно-производственных и лечебно-производственных мастерских.

Не допущено снижения выпуска товарной продукции. В действующих ценах прирост объемов производства в 2007 году составил 17,6 процента, за шесть месяцев 2008 года – 25,8 процента. С учетом роста цен и инфляции выпущено продукции на полмиллиарда рублей больше, чем в 2006 году.

Сохранилась положительная динамика в профилактике и лечении социально опасных заболеваний. Снижается смертность от туберкулеза: за последние 3 года на 16,3 процента. Заболеваемость туберкулезом также снижается (за 3 года на 13,5 процента).

Рацион питания осужденных стал разнообразней. Введены новые нормы вещевого обеспечения. В настоящее время судами назначается 65 процентов наказаний без изоляции от общества. С 2005 года введен новый вид наказания – обязательные работы. Численность осужденных к обязательным работам увеличилась.

Ведется работа по подготовке к исполнению нового наказания в виде ограничения свободы, где дополнительно на исполнение в инспекции может поступить около 100 тыс. осужденных к этому виду наказания. Государственной Думой принят в первом чтении проект закона об организации применения меры пресечения в виде домашнего ареста, это еще около 20 тыс. человек.

В результате принятия профилактических мер по пресечению правонарушений в 2007 году число преступлений в местах лишения свободы сократилось на 7,6 процента, количество побегов – на 16 процентов, из колоний-поселений – на 12 процентов. В 2008 году количество преступлений сократилось на 23,6 процента, количество побегов – в 2,6 раза, в том числе из-под охраны – в 5 раз, из колоний-поселений – в 2,7 раза.

В УИС действует многоуровневая система профессиональной подготовки кадров, в которую входят семь учреждений высшего профессионального образования с филиалами, один юридический колледж, 74 учебных центра.

В 2007 году Президентом Российской Федерации подписаны четыре указа о награждении государственными наградами 42 работников уголовно-исполнительной системы. В первом полугодии 2008 года подписаны еще два указа о награждении государственными наградами 31 сотрудника УИС.

Наиболее высокие показатели по основным направлениям деятельности имеют территориальные органы ФСИН России по Омской, Вологодской областям, по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, по Республикам Татарстан, Адыгея, Кабардино-Балкария, Мордовия.

## Некоторые нюансы оперативного искусства

### Из записок районного опера

#### 1. Азы

Напомню элементарное.

После установления факта совершения преступления правоохранительными органами (внутренних дел, госбезопасности, прокуратуры и т.д.) возбуждается уголовное дело. Его ведет следователь, которому в расследовании помогают опера (в нашем случае – уголовного розыска).

Для этого параллельно уголовному делу заводится так называемое «оперативно-розыскное» дело (ОРД), в которое помимо документов уголовного дела входят и оперативные материалы, в частности задания сексотам и справки о выполнении этих заданий.

По поручению следователя опера проводят отработку подозреваемых, получают «явку с повинной» от совершивших преступления лиц (если таковых опера сыскали), находят и предоставляют следователю уличающих эти лица свидетелей и вещественные доказательства...

Трое суток, до предъявления подозреваемому лицу официального обвинения следователем, оно находится в РОВД, а после предъявления обвинения, став из подозреваемого и задержанного обвиняемым и арестованным, на весь период следствия попадает в следственный изолятор. Это если не избрана иная мера пресечения, например подписка о невыезде – в случае, если вина его не слишком велика и учинить помехи следствию он не в состоянии.

Избрание меры пресечения следователем имеет для обвиняемого огромное значение. Суд может состояться и через месяц, и через год. Дождаться суда на воле или в вонючей тюремной камере – далеко не

одно и то же. Кроме того, суду некогда слишком уж углубляться в анализ личности подсудимого и подробностей им содеянного, и он практически полностью доверяет общавшемуся с ним куда больше времени следователю. В 90% случаев, когда обвиняемый до суда выпущен следователем «под подписку», приговор выносится условный, то есть без заключения под стражу. И наоборот, в 90% случаев, когда до суда человека держали в СИЗО, приговор связан с заключением в места лишения воли, причем ранее проведенное в СИЗО время засчитывается в вынесенный судом срок. Но если страдалец отмотал в СИЗО год или даже два, а суд его потом оправдал, то сразу возникает куча никому не нужных вопросов типа: «За что человека гноили?!» и «Кто понесет наказание за произвол?!» Вот почему отсидевших уже какое-то время в СИЗО суд старается не оправдывать...

### 2. В аду

Итак, от райотделовских оперативников бандит переходит под дружескую опеку оперчасти СИЗО. Задача тамошних оперов: сохранить «явку с повинной» у тех, кто ее уже дал, и получить ее у тех, кто по каким-либо причинам (включая и свою полнейшую невинность) от нее преступно уклоняется. Кроме того, они должны побуждать уже давших «чистосердечные показания» к «сознанке» в еще каких-либо преступлениях, что будет засчитано оперчасти в счет выполнения «плана по раскрытию преступлений».

И шумный райотделовский «обезьянник», и суровый пыточный изолатор временного содержания – всего лишь бледненькое подобие того, что творится в СИЗО. Опека персонала над заключенными здесь слишком уж долга, плотна, жестка, страшна...

Самое смешное то, что, с точки зрения закона, преступников здесь нет вовсе. Преступником может объявить суд по приговору, вступившему в законную силу. А суда над ними еще не было, и неизвестно, когда он состоится... Вину этих людей (пусть даже они ее и признали, и подписались под нею обеими руками), еще только предстоит доказать. Еще раз повторю: формально это – невиновные люди, к которым у правоохранительных органов возникли некоторые вопросы, и потому им было улыбочиво предложено задержаться в гостях у государства на некоторое время, требуемое для того, чтобы на все эти вопросы найти правильный ответ... Этих людей пока не за что наказывать и карать – они столь же чисты перед законом и обществом, как и все прочие законопослушные граждане. И вот эти «гости государства» содержатся в СИЗО в условиях ада!.. В камерах на десять посадочных мест



находится от 20 до 30 человек... Издевательства охраны и эзков поагрессивней... Скверное питание... Невыносимая вонь... Жара и повышенная влажность (следствие дыхания в замкнутом пространстве десятков людей), от которых тело покрывается язвами, и голым по пояс заключенным приходится носить на шее полотенца, чтобы мухи не копошились в ранах и не откладывали яйца...

Закон врёт, что они еще не осуждены и, следовательно, еще не виновны, на самом деле суд уже состоялся и вынес этим людям приговор: **рабство**. Каждый из них – **раб государства**, бесправный и ничтожный, знающий, что тут сделать с ним могут **все**: оскорбить, унижить, искалечить, убить, наконец. Шепнет «кум» из оперчасти сексоту: «Погаси такого-то!» и все... Воткнут в спину заточку на прогулке в тюремном дворе или придушат ночью в камере, во время сна. Как водится – виновного «не найдут», а и найдут – так отмажут, способов – миллион, и уж при любом раскладе обрешивший ээка на казнь «кум» будет в стороне: «Это их, бандитов, внутренние разборки».

Как сподручно ломать и гнуть даже и самых сильных по характеру людей за решеткой. Камера сводит потребности человека к минимуму, к выбору простейших жизненных благ: еда, курево, помывка в бане, прогулки. Но этот минимум жизненных благ чувствителен для человека. Чуть больше их – и словно в раю оказался, чуть меньше – и ты на грани отчаяния.

Режим содержания здесь может быть мягкий, строгий и очень строгий, в зависимости от того, «явочник» ты (то есть согласившийся на «явку с повинной») или «отказник».

Больше всего в СИЗО ценится «серийник», то есть совершивший много преступлений и готовый по ним «дать явку». Чертовски выгодно быть вором, «бомбанувшим» 5–10 и больше хат, за счет его одного множество оперов выполняют свои планы по «раскрытиям». Каждое «явленное» им преступление – как капитал, с ним в СИЗО не пропадешь! Таких, выявив их еще в РОВД, окружают вниманием и заботой опера-«территориалы». Вор-«серийник» важен и строг, он знает себе цену, он даже торгуется: «А что вы еще можете предложить за каждую “заявленную” кражу? Мало! Ага... ага... а вот это – в самый раз!..» И боже тебя упаси выдоить из этого благодетеля все его кражи – тогда твоим сизовским коллегам ничего не достанется, а так нельзя – надо уметь вовремя делиться с коллегами. И вот спустя положенные трое суток отправляется «серийник» в СИЗО, мы тут же звоним туда и сообщаем: едет! «Хорошего» ээка, ээка-«кормильца» здесь встречают с рас-

простертыми, и живет он тут если и не как у бога за пазухой, то во всяком случае намного лучше прочих заключенных...

Есть с чем сравнить. Вот две камеры, совершенно одинаковых по площади и прочим параметрам. Но почему-то, хоть в обеих камерах людей и содержат с превышением нормативов, но в одной их в два раза больше, чем в другой. В одной из камер надзиратели зверствуют и нещадно бьют за каждый обнаруженный окурок, в другой – тишь да гладь, кури – не хочу, даже телевизор есть. В одной камере хрен передачу с воли съешь – злые сокамерники отнимут и схавают. В другой – спокойно жри свое, и вокруг все спокойно свое кушают, никто ни у кого не отнимает, всем хватает, все довольны. В первую камеру еженедельно врывается прибывший для тренировки ОМОН (их называют «мотоциклистами» за надетые на головы пластиковые полусферы), сперва в камеру бросают взрывпакет, чтоб не так скучно было, потом врываются ордой и нещадно колошматят дубинками – мужчин, женщин, стариков, малолеток... Потом хватают ошеломленных эзков за руки, за ноги и с размаху выкидывают из камер на бетонный пол, шмякнешься с размаху – мало не покажется! И тут же по команде – вскочил и обратно забежал в камеру, чуть замешкался – лупят как сидорову козу. Выйдут из камеры омовцы, передохнут – и по новой. И так за день раз пятнадцать!

И что характерно: во вторую камеру ОМОН как бы и дороги не знает, никогда туда не навевается – ни на этой неделе, ни на следующей.

Теперь я вас спрашиваю: на ваш взгляд, в какой из этих двух камер размещены те, кто сотрудничает с операми, а в какой – те, кто зловредничает, вопит как недорезанный: «Невиновен я!.. Менты-суки ни за что сюда кинули!»

С теми, кто пытается упорствовать до конца и кого по каким-либо соображениям сломить надо обязательно, используются и более хитрые приемчики...

Одного нарика, к примеру, «грузили» наши орлы на мокруху, а он сперва сознался было (когда мы его старенького отца слегка потрусили), но потом, когда пахан его от своих старческих хворей склеил ласты в больнице, спохватился и глухо пошел в квалифицированный отказ. Еще и жалобы во все инстанции накатал: дескать, били меня зверски и все такое... Главное: два брата его, оба бизнесмены, скинулись и наняли дорожного адвоката, на суде могли произойти накладки, а вышел бы на свободу – чего доброго, еще и в смерти папаши нас обвинил бы, «довели до смерти опера-изуверы своими издевательствами». И что ж? Перевели его «временно» в другое СИЗО, а следом по «тюремному телеграфу» пошла малява: такой-то – *крыса*, у своих ворует. Так ему тамошние сокамерники оба

глаза острозаточенной ручкой обыкновенной алюминиевой ложки выкололи! Потом, конечно, быстро выяснилось, что слушок тот ложным был, оперским «кумом» запущенный, извинялись все перед ним, каялись, «прости нас, братан, промашка приключилась!». А на фиг ему теперь все ихние извинения – выколотых глаз они не заменят! Из СИЗО-то его в итоге выпустили, но жаловаться уж никуда больше не стал – сгинул в неизвестности, мыкаясь по больничкам...

### 3. Я и СИЗО

Содержащиеся в СИЗО – не моя епархия, но и я в какой-то степени с ними общаюсь и некоторым образом повлиять на их жизнь могу. Если человек вел себя правильно и взятых на себя передо мною обязательств не нарушил, то и с моей стороны сбоев не будет. Обязательно – регулярный подогрев в СИЗО чаем, куревом, колбаской какой-нибудь, а то и его родича с собою прихвачу на встречу, получится что-то вроде внепланового свидания, отоварится продуктовой передачкой. Могу при надобности и «кума» попросить: не обижай такого-то, клевый пацан, я за него подписываюсь!

Ну и наоборот. Испоганить жизнь содержащегося в СИЗО мне тоже нетрудно. И плевать, что по закону никаких возможностей на то у меня нет. Подкатываю к любому знакомцу из оперчасти СИЗО, говорю негромко: «Ставлю тебе поляну в кабаке, подошлю пару перспективных „серийников“ с кучей „явок“, по возможности помогу с другими твоими проблемами. А ты с Олегом Пороховым сделай то-то... Мразь он, путает нам все планы своей „несознанкой“, да и по жизни – гнида, пора уж за все ответить». Гарантирую: не о праведнике с ангельскими крылышками речь идет, действительно – о подонке, «кум» его уже «пробил» и цену ему знает, потому и не возражает против твоей задумки, кивнув: «Сделаем, старлей!»

И готово. Бросают Порохова в камеру для «особых», там вообще беспредел, даже по здешним, сизовским меркам. Тут любого, даже самого авторитетного, могут *опустить*, для этого ведь даже необязательно насиловать, достаточно провести по губам тряпкой, мокнутой в мочу, – и все, ты уже «петух»! А начнешь возбужать – затаскают по карцерам, измочалят побоями, запрессуют в грязь до упора. Если и выживешь, вырвешься когда-нибудь отсюда относительно здоровым – все на воле уже будет знать, что «петух» ты, и отношение к тебе со стороны серьезных людей после этого будет соответствующее.

(Кстати, вот почему лично я не верю в возможность существования в «зоне» действительно самостоятельных и независимых от адми-

нистрации «авторитетов». Если уж действительно пошел зэк всерьез в «отрицаловку», то в любой момент любого из таких по наущению администрации могут и искалечить, и опустить, и убить даже, а раз этого не делают, то либо он втихую стучит, либо вольно или невольно играет еще в какие-то неведомые нам, простым смертным, государственные игры.)

Меня должны хорошо знать и уважать в оперчасти СИЗО, чтобы успешно повернуть такое. Это ведь не какие-то там «определенные нарушения», а самое что ни на есть наглое нарушение закона. Чтобы заранее быть уверенным в том, что мне помогут, нужно иметь завоеванный долгими годами службы авторитет, когда мои коллеги ясно видят, кто я по жизни и что из себя представляю – такие вещи в оконцовке порою важнее всего.

Разные дела приводят меня в СИЗО. Самая типичная ситуация: мне надо узнать, не промелькнуло ли среди добытых здесь «явок» какое-либо из совершенных на моей «территории» преступлений.

Другая часто повторяющаяся ситуация: я забираю преступника из СИЗО, и вместе со следователем мы возем его на «воспроизведение» совершенного им преступления. Он показывает и рассказывает, следок записывает все в своих талмудах, при необходимости делаются фотографии или производится видеосъемка. Присутствующие при этом понятые своими подписями в протоколе фиксируют, что все, записанное на бумаге, происходило в их присутствии и именно так, как оно было записано. Мероприятие это долгое и нудное, идет оно долго, иногда не один час, и очень трудно найти желающих стать понятыми при этом. (Понятым на обыск найти легче, поскольку времени на него уходит куда меньше, да и самим любопытно посмотреть, как живет подвергшийся обыску сосед и какой компромат у него найдут.) А понятые – обязательны, без них воспроизведение незаконно, и юридической силы не имеет, вот и начинаешь что-то придумывать. Лично я понятыми обыкновенно беру знакомых наркоманов: сбегал к ним домой, дал по морде или пообещал *ширки* отлить (в зависимости от ситуации) и вместе с паспортами тащу их на воспроизведение. Когда понятые в чем-либо от тебя сильно зависимы, оно и выгодней – на случай, если придется в чем-либо «схимичить».

Под внимательными взглядами следователя, опера, видеокамеры и понятых бандит показывает: вошел на адрес так-то... вынес оттуда то-то... там выломал дверь... тут вскрыл ящики стола отверткой и вынул деньги из ящика... вынул из кармана пальто на вешалке золотой портсигар... И так далее.

Вот почему малопродуктивно одними только побоями и издевательскими выбивать из подозреваемых «явку с повинной» – на воспроизведении такой обязательно запутается в подробностях, не сможет показать в деталях, как и что делал, а проинструктировать его так, чтоб ни сучка, ни задоринки, – едва ли возможно. К тому же нет уверенности, что на воспроизведение повезу его именно я, а не какой-либо другой опер, которому все мои «игры» в принципе по барабану, и тянуть *левое* на воспроизведении он не будет...

Куда чаще ситуации, когда, скажем, вор – настоящий, но к своим 5–10 кражонкам он по просьбе опера добавляет еще и 3–4 *левака*, в общей массе они тонут, тогда проще прокрутить фальшивку, но все равно – риск... Почти каждодневно почти любой опер таким вот образом рискует собственной шкурой, вынужденно идя на подобное. И ведь даже не ради себя стараемся, не ради собственных интересов, а чтоб держать на высоте показатели, чтобы наше трижды благословенное начальство смогло бы доложить с высоких трибун насчет нашей раскрываемости преступлений, давно уже превзошедшей хваленый Запад.

Для того и нужны мне «свои» понятия: они «не видят», что я бандиту все время что-то шепчу на ухо, подсказываю, указываю ему пальчиком. Следовательно мне в этом не помощник – хоть и из одной конторы мы, но и начальство у него свое, и показатели работы – свои.

#### 4. Угро и следствие

Налицо разноречивость интересов уголовного розыска и следствия. Угро удобно, например, чтобы по каждому из дел проходило преступников числом поменьше, но с большим числом эпизодов совершенных преступлений. Ежу понятно, что с малым количеством народа проще работать, меньше энергии уходит на получение от них «чистосердечных», зато признания одного бандита в совершении им десяти преступлений идут в показатель раскрываемости так же, как признания десяти бандюганов в совершении каждым по одному злодейству. Вот почему оперу выгодней не распылять силы, гоняясь за всеми воришками одновременно (всех все равно не поймаешь!), а те из краж, где вора изобличить не удалось, распределить между уже пойманными по другим делам воришкам – мол, и эти они же совершили. Тогда все кражи числятся раскрытыми и «висяки» – исчезнут.

У следователя же главный показатель – количество находившихся у него в производстве, законченных и переданных в суд уголовных дел. Ему без разницы, одну кражу совершил бандит или сто одну. Передать дело в суд он может и по единственному, доказанному и имеющему

судебную перспективу эпизоду преступной деятельности. Причем чем меньше в деле эпизодов, тем лучше – меньше возни с их оформлением, сбором улик и вещдоков, да и на те же воспроизведения меньше придется ездить. И следак норовит сварганить уголовное дело так, чтобы преступлений по нему проходило меньше, а фигурантов (преступников, пострадавших, свидетелей) – побольше, чтобы заполненное многочисленными протоколами допросов и актов экспертиз дело не выглядело слишком уж тощим и несолидным. Вот почему между оперативниками и следователями почти неизбежно происходит негласное противоборство. Опер идеалом преступника видит «серийника»-одиночку, отбомбившего полжилмассива или изнасиловавшего батальон бабенок, следаку же везде мерещатся «банды», «группы», «преступные объединения лиц», скопом совершающие одно-единственное злодейство. Так и тянут они следствие в разные стороны.

После окончания дела и передачи его в суд опер-«территориал» о нем уж и не вспоминает. А вот следователь постоянно держит его в голове и под своим контролем, координируя работу оперчасти СИЗО по «оперативному сопровождению» дела в этот период.

Если дело не верняк и есть хоть малейшие сомнения в том, не откажется ли от данной на следствии «явки с повинной» обвиняемый (не говоря уж о случаях, когда «явку» получить вообще не удалось!), то с «клиентом» плотненько работают как сами «кумы», так и рассаженные в изобилии по камерам их агенты-«наседки», задача которых следить за настроениями объекта, влиять на него в нужную сторону, иногда – применять жесткие меры против неправильно ведущих себя, если это необходимо. В этом – одно из слагаемых мастерства любого следака-аса.

### 5. Самозащита

Можете удивляться сколько угодно, но никто из преступников (не говоря уж о невиновных!) не хочет получить срок заключения. Поэтому на все ходы следствия любой уважающий себя обвиняемый отвечает контрходами, используя при этом каждую нашу недоработку, каждую лазейку в законах, каждую нестыковку между теми или иными лицами или структурами в правоохранительных органах. И в итоге, бывало, «разводит» правоохранителей как тузиков, хотя вроде бы не пальцем они деланы и кое-чему на службе уже научились.

Обычные правила поведения на следствии урки «со стажем»:

1. Не признавать себя виновным.
2. Если признал – *мути* с описанием орудия или способа преступления.

3. Побольше путницы в конкретных именах и датах.
4. Используй лжесвидетелей (родичи, друзья) и лжеалиби.
5. Предложи кого-либо иного на роль совершившего это преступление.

По последнему из советов – говоришь что-то вроде: «Убивал Сенька Квашнин, подтвердят это Ивашкин, Петровский и Сидорчук!» При этом Квашнин – вполне реальное и известное угрозыску лицо, которое в данный момент по каким-то причинам не допросишь, а трое последних – выдуманные фигуры, но это ведь надо еще доказать, на что уйдет время, иногда – очень нужное бандиту для запутывания следов...

Есть и более хитроумные приемы...

Скажем, во время следствия вел себя обвиняемый смиренно, не нарывался на неприятности, оперу не грубил, со следяком контактил, покорно подписывал все, что подсовывали. И после этого на суде – бац! – совершенно спокойно заявляет, что неделю подряд взвод оперов избивал его бейсбольными битами, принуждая к признаниям, а ведь сознаваться ему совершенно не в чем: там-то он не был, того-то не совершал, с такими-то и близко не стоял... Обидней всего, что на суде с подобными заявлениями обычно выступают те, кого опер либо и пальцем не трогал, либо бил шутейно, в треть силы, полулюбя. (У тех же, кого мы и в самом деле мордовали от души, «в грязь», моральных сил для подобного выпендрежа обычно уже не остается.)

В подобных ситуациях суд формально – на стороне закона, требующего всестороннего и объективного расследования, фактически же – на стороне следствия. Не по душе судьям ставить под сомнение работу своих коллег и товарищей, поэтому и рады они найти любой достойный противовес наглым бандитским утверждениям. Пристально изучают собранные следствием улики и вещдоки, подтверждающие вину подсудимого. В частности, рассматривают материалы воспроизведенных инкриминируемых ему, например, квартирных краж, и тут неожиданно выясняется, что незаметно для следователя и оперов на воспроизведении бандит словчил, «затупил» свои признания, дав их как бы «вообще», без конкретных подробностей, позволяющих утверждать, что такие детали мог знать только действительно совершивший данную кражу, а не сознающийся в ней под давлением драчливых оперков...

Или еще вариант: бандит заявляет мне кучу краж, причем именно своих, не «левых», и конкретно, но при этом усекает, что «схимичил» я с понятиями по-черному – не оказалось их у меня под рукой, вот без них вовсе я и обошелся: «А, ерунда... Потом найду парочку подходящих алкашей и впишу их подписи в протокол задним числом!» А ему

только этого и надо. На суде заявляет с ухмылкой: «Я этих „понятых“ никогда в жизни не видел!.. Вызовите их и допросите, это явная подстава! Подставили меня, запачкать пытаются, чистенького! Не совершал я никаких краж, чист как младенец, но били зверски – вот и сознался. За что невинного человека в „закрыть“ пытаетесь, ироды?!» Судьям деться некуда, вызывают на судебное заседание вписанных в протокол понятых. Ну а гладко и безбоязненно врать на суде под подписку об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний далеко не каждый умеет. «Левые» понятые, как их перед таким допросом ни инструктируй, обязательно запутаются в деталях, в результате вся моя работа – коту под хвост. Дело – на дорасследование, и бандита при данном раскладе скорее всего придется отпускать за «недоказанностью». Следователю же в лучшем случае объявят взыскание за топорное воспроизведение (формально именно он, а не опер, отвечает за все уголовно-процессуальные тонкости), в худшем – за грубейшие нарушения УПК лишат звания и турнут из органов, в отношении же опера начнут служебное расследование. (При самом худшем раскладе и опера, и следака посадят за «фальсификацию дел», но про такое не хочется и думать!)

### 6. Адвокат задарма

Но творить такие кренделя бандиту легко только на бумаге – я ж недаром говорил про оперативное сопровождение дела в досудебный период. Немало возможностей у администрации СИЗО со строптивым бандитом разобраться и убедить, что неправ он.

Ситуация радикально меняется, если в дело на стороне обвиняемого включается опытный и авторитетный адвокат. По закону каждый имеет право на защиту, но она ведь бывает разной.

Допустим, арестовали человека, или задержали, или хотя бы выдвинули против него обвинение... Согласно УПК, он может либо вызвать своего адвоката (если окажется таким состоятельным и предусмотрительным, что заранее заведет его себе), либо сейчас же нанять платного, либо защищать себя самому (но это удовольствие для гурманов, а также для дурачков, полагающих, что при абсолютной невинности ни в какой защите они вовсе не нуждаются и автоматом будут оправданы любым судом), либо, наконец, можно воспользоваться услугами бесплатного адвоката, предоставляемого обвиняемому государством.

Как будут защищать вас бесплатно – можете себе представить! С тем же успехом можно положиться в защите ваших интересов и на прокурора.



Адвокаты «за так» работать не любят, но вынуждены, держава заставляет, она ж у нас лицемерная, постоянно рисует озабоченность соблюдением конституционных прав граждан. И все адвокаты, помимо оказываемых ими клиентуре платных услуг, обязаны столько-то часов в году осуществлять и бесплатные услуги. О, с какой тяжелой душой они это делают! Иные адвокатишки от этой озлобленности против насильствующей их державы вполне способны из одного только принципа кинуть следствию подлянку, что нежелательно, поэтому чаще всего бесплатные защитники берут кого-либо из друзей следователя, который обеспечивает «своего» адвоката денежными клиентами (чуть позже я расскажу об этом подробнее), и в качестве ответной любезности адвокат соглашается взять в нагрузку и бесплатного бедолагу.

И вот в камеру к подследственному заявляется такое упакованное в «фирму» пижонистое чмо, бурчит снисходительно: «Я – ваш защитник. Что у вас?» – и с брезгливой улыбочкой выслушивает взволнованный рассказ «клиента» о происшедшем (в его версии, разумеется, которая необязательно является истинной). Подумав, цедит словами. Нет, до прямого обмана подзащитного он не опустится и про сложившуюся ситуацию все скажет точно: дело выглядит так-то и так-то... за подобное предусматривается ответственность по таким-то и таким-то статьям... в результате суд может дать либо «условно» (допустим), либо реальный срок от столько-то до столько-то... Как сделать так, чтобы дали «условно» или хотя бы по минимуму? «Этого я не знаю. Сами думайте! Мое дело – только сообщить вам, какие есть законы и что в них написано».

Если клиент просит адвоката что-либо разъяснить дополнительно, тот разъяснит, ему несколько лишних слов произнести не жалко, но как только вопрос касается конкретных действий – опять начинается: «не знаю», «не могу», «тут уж вы сами», «это – сверх моих обязанностей».

Да чтобы с таким защитником в итоге и за решетку не попасть – надо быть уж совсем кристально чистым как ангел, да и то...

Молить о помощи, взывать к совести и профессиональному долгу, расписывать, какой ты есть по жизни замечательнейший человек и ценнейший для окружающего человечества специалист, а потому заслуживаешь горячего содействия, – бессмысленно, ничего не поможет. Если у тебя нет денег – ответ на все стенания может быть только один: «В вашем случае можно поступить или так, или этак, результат будет или таким, или этаким, а как поступать – решайте сами, это – не ко мне».

Настоящая же задача такого защитника – помочь «своему» следователю. Чтобы у следака было как можно меньше работы по «упаковке» страдальца за решетку, ну и чтобы при этом самому, упаси, боже, не переутомиться случайно. Фактически «клиент» бесплатного адвоката обречен. Если он проявит злобредность характера и начнет жаловаться в инстанции на выделенного ему бесплатно защитника, то тем самым он автоматически обозлит ведущего его дело следователя, за этим защитником незримо стоящего. А при большом желании следак на голову любого «клиента» таких фекалий может навалить, что вам и не представить. Даже если случится невероятное и на суде обвиняемого оправдают, то до суда ведь еще надо как-то в СИЗО и дожить! Так намыкаешься и такого хлебнешь... Не злите своего следователя, очень всем рекомендую!

### 7. Платный защитник

Совсем иное, когда у «клиента» есть бабки. Вы не поверите, как легко повернуть любую ситуацию в нужную матерому адвокату сторону! Сколь изящно одни статьи переквалифицируются совсем в другие, менее тяжкие! Из обвинительного заключения исчезают целые страницы эпизодов... бесследно пропадают вещдоки... меняют показания свидетели и *терпилы*... В итоге при шустром защитнике, казалось бы, железное дело разваливается буквально на глазах! Впрочем, ничего «стоцентного» в правосудии не бывает вовсе, при большом желании почва для обоснованных сомнений в вине обвиняемого найдется всегда. Но так бы на эти сомнения никто и внимания не обратил, а так – обращают, и весьма усердно. И у следователя, и у прокурора, и у судей вдруг (!) появляется удивление: а почему это мы не до конца убеждены в вине такого-то? А потому... Нет-нет, я вовсе не утверждаю, что одной из слагающих успеха опытного адвоката является умение вовремя дать взятку кому-либо в правоохранительной системе (хотя и без этого не обойтись), но тут все тоньше и деликатней.

Начнем с главного: кто есть адвокат? Обычно это – бывший сотрудник тех же правоохранительных органов, ушедший в отставку мент, судья или прокурор. Отпахав должное количество лет на державу, он теперь с чистой душой работает только на себя и свой карман. Нынешним правоохранителям такой адвокат – свой, из их стаи, от него по-родному пахнет, он – часть клана. И вот смотрит на дело следак, прокурор или судья и видит, что обвиняемый нанял хорошего (то есть высокооплачиваемого) адвоката. Стало быть, уважил клан в целом, дав возможность одному из них полноценно заработать. Уважив одного –

уважил **всех** и уж только поэтому заслуживает снисхождения. Даже просто так, без всякого личного стимулирования следака, или прокурора, или судьи.

Есть у подсудимого толковый адвокат – значит, автоматически возникают сомнения в виновности «клиента». При бесплатном же защитнике (и тем более при отсутствии адвоката вообще) становится ясно: «клиент не уважил», за одно это он вполне заслуживает каторжных галер или ссылки на урановые рудники! Пахать надо было всю предшествующую жизнь, чтобы скопить на приличного адвоката, а он, видать, дурака валял. В «зону» его!

Так что обвинение и защита – вовсе не враги друг дружке, как может показаться со стороны. Они если и не дружки закадычные, то уж точно – товарищи по оружию и деловые партнеры. По сути, для того и стараются обвинители, чтобы загнанные их усилиями в глухой угол жертвы вынуждены были нанимать дорогостоящих адвокатов. Сегодня обвинители дают защите возможность заработать на кус хлеба с маслом, а завтра, уйдя на заслуженный отдых и заделавшись защитниками, сами начинают кормиться теми жирными кусками, которые будут кидать им новые поколения обвинителей, тоже заранее готовящиеся к будущему уходу в адвокатуру. Делается все возможное, чтобы эта Система правосудия укреплялась и развивалась в ее нынешнем виде. Это – стратегия.

Ну а тактика – все та же мзда. Когда еще уйдет следак, или прокурор, или судья на пенсию, а жить-то уже сегодня нужно, причем хочется жить получше, а зарплаты катастрофически не хватает. И с чего же кормиться правоохранителям, как не с той части преступников, которые свою вину перед обществом настолько осознали, что готовы откупиться от Фемиды.

Брать мзду надо уметь, наилучший вариант – делать это через посредников, причем обставить все так, чтобы факт получения этим посредником денег от подсудимого ни у кого ненужных вопросов не вызывал.

## **8. Фемида в розницу**

Как это происходит, покажу на конкретном примере. Некий лох залетел на сбыте краденых автозапчастей. Светит ему пять лет изоляции от общества. Он готов заплатить кому надо, чтобы этой изоляции избежать. Такса всем известна: штука баксов за каждый скошенный с приговора год. Итого: пять лет – пять тысяч долларов. Но сунься он с этими тысячами в любой из ментовских, прокурорских или судейских кабинетов – никто у него и цента ломаного не возьмет, подумают: «Либо –

подстава, либо – безмозглый, порядка не знает, такой в будущем обязательно лохнется и других за собой в неприятности затащит, нельзя с ним связываться». Еще и новый срок, за «попытку взяткодачи», дурню накинут – чтоб не *тупил!*

Но следователь, который вел это дело, просек, что бабла у дурилы предостаточно, и было бы грех на нем не заиметь. И вот, никоим образом не намекая на мзду, следак невинно предложил «клиенту» взять в адвокаты такого-то. «Он – мастер своего дела, и у вас появятся дополнительные шансы». А лох тот хоть и глуповат был, но не настолько, чтобы не заметить столь откровенно кидаемых *маяков*. Тут же нанял этого защитника. Дальше – дело техники.

Адвокат имеет право запросить себе любую таксу, по принципу: «Не устраивает моя цена – нанимай другого!» Он и запросил – пять штук. «Клиент» заплатил. Если даже допустить, что деньги эти меченые, то все равно они получены адвокатом совершенно законно, прицепиться не к чему. В карман же следователя ни одна из этих полученных адвокатом ассигнаций не попадет, адвокат уплатит ему совсем из другой пачки купюр, а когда, где и как это произойдет – один Господь знает! В результате этого нехитрого маневра никто не сможет уличить следователя во взяточничестве, разве что сам адвокат заявит, что выступил посредником в получении взятки, но не сумасшедший же он, чтобы на самого себя бочку катить!

Вот так пять штук надвое и делятся – если дело простенькое и развалить его можно усилиями одного только следователя. В сложных же случаях, требующих соучастия «прокурорских» (чтобы немного для подсудимого требовали) и «судейских» (чтобы присудили по минимуму, а не по максимуму), то и им выделяется доля, которая тоже выдается через адвоката, опять же – не теми купюрами, которые непосредственно вручал «клиент».

В особых случаях, когда дело резонансное и пристально следящая за ним общественность не позволит смухлевать, приговор выносится по максимуму, но спустя год-два, когда страсти утихнут и забудутся, дело пересматривается по кассационной жалобе, и обязательно найдется веская причина, по которой зэк тут же становится вольным человеком.

Спрашиваете, чем закончилось все для укравшего запчасти лоха? Как «чем»? Дали «условняк» и отпустили, разумеется! А так – отсидел весь «пятерик».

Деньги – великая сила! Намного более действенная, чем министр внутренних дел, Генеральный прокурор или Председатель Верховного суда.

Теоретически подловить правоохранителя могут именно на том, что он реально развалил уголовное дело, – по принципу: «Раз помог преступнику, значит, получил на лапу!» Но это только если следак (или прокурор, или судья) – зачуханец... Опытный же юрист всегда сделает так, что не только официально доказать его вину невозможно, но и в приватной беседе его не в чем упрекнуть.

Из вполне «легального» арсенала приемов следователя – оставить обвиняемого до суда на свободе под подписку о невыезде. Уже говорилось о том, что в отношении 90% «подписочников» суд, ориентируясь на подобное решение следователя, ограничивается «условным» приговором, а ведь по подавляющему большинству уголовных дел следак вправе принимать подобные решения единолично (лишь в резонансных делах на него давят «свыше» в ту или иную сторону).

Но, допустим, «клиент» уже находится в СИЗО, и изменить меру пресечения по разным причинам невозможно, однако следователь может дать «куму» задание на «оперативное сопровождение» дела, а может и не давать. На совершенно законных, заметьте, основаниях узника СИЗО не будут прессовать, мучить, бить и опускать ниже плинтуса. Вот и сохранит он «несознанку» (либо радостно откажется от ранее сделанной «явки с повинной») до суда и на самом суде будет вести себя увереннее, что для чутких к подобным вещам судей станет сигналом: не пресовали, уплатил сколько надо, заслуживает снисхождения!

Иногда и этого мало. Тогда следак «химичит» непосредственно с самим делом, обязательно так, чтобы формально придаться к нему было невозможно. Все положенные по закону следственные действия проводятся добросовестно и в положенные сроки, но с допущением мелких, вроде бы не меняющих суть дела ошибок. Путаются даты составления или наименования документов, некоторые из протоколов (скажем, о создании следственно-оперативной группы) отсутствуют вовсе (группа два месяца всю уже действует, а документа о ее создании – нет, следовательно, типичное самоуправство!), опись содержания уголовного дела не во всем соответствует самому содержанию и так далее... Никакой роли во время следствия эти чисто процессуальные просчеты не имеют, но в суде из-за подобных «мелочей» многие из собранных доказательств вины, оказывается, невозможно использовать, и у адвоката появляются мощные зацепки. А много ли надо для оправдательно-го приговора матерой защите, особенно если судьям *дали*?!

Аналогичные схемы прокручиваются и с вещдоками. Якобы случайно путаются ножи, стволы, пули, гильзы... Часть вещдоков попросту исчезает, зато появляются какие-то *левые*, неизвестно откуда взявшиеся.

Смазываются отпечатки, гноится одежда со следами крови, из-за нарушения режима хранения образцы мазков съедаются микрофлорой...

Самая тщательная проверка не докажет злого умысла в действиях следователя. «Ошибся – с кем не бывает!» Понятно, что «ошибиться» Система позволяет своей маленькой шестеренке-следаку только раз-два, потом его турнут со службы и заменят другим, более ловким. Требование «умей не светиться» одинаково что для следователей, что для оперов. Вот почему далеко не с каждым из уголовных дел следователь позволяет себе «химичить». Хапать лишь «по чину» – нигде не записанное, но всеми осознаваемое условие.

### 9. Следователи

В каждом РОВД есть следственный отдел – от десяти до двадцати следователей и дознавателей, в обязанность которых входит возбуждать уголовные дела, вести их, оформлять должным образом и по завершении передавать в суд. (Либо – списывать в архив, если найти преступников не удалось.)

Следователь допрашивает пострадавших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых, собирает акты экспертиз и характеристики на фигурантов, в случае необходимости дает поручения оперативникам и рассылает запросы.

У опера работенка грязная – шляться по притонам, общаться со всяким отребьем, избивать допрашиваемых, жрать водочку по-черному с коллегами... А у следака работа чистенькая – сидит у себя в кабинете и бумажки строчит, а чтобы там гражданина подозреваемого кулаком под дых ударить или резиновой палочкой шлепнуть по суставам – так это ни боже мой, что вы, мы ж ментовская «интеллигенция», а для примитивного мордобоя и опера сгодятся, им зарплату именно за битье бандитских морд и платят.

За многое не любят опера следаков, в том числе и за это чисто-плюйство. А ведь фактически следаки за счет нашей беззаветности всю жизнь и жируют!

Справедливости ради скажу, что их служба – тоже не сахар. Каждодневно – множество допросов и опросов. Задача следака – надолго затолкать подозреваемого в узилище. Задача бандита – не дать затолкать себя туда, вот почему он юлит, лжет, изворачивается как может, испуская в следователя невидимые потоки дикой злобы. Когда тебя изо дня в день ненавидят и пытаются надурить десятки и сотни нехороших людей, рано или поздно это начинает сказываться на психике, и без того искалеченной общением с преступным миром, с его волчьими

ми законами и понятиями. А тут еще и собственное начальство добавляет – дуболомы, помощи никакой, зато взмылить и подстегнуть взбучкой – завсегда пожалуйста.

Недаром же при такой вроде бы «спокойненькой» службе многие следаки – сам видел – регулярно пьют валерьянку, шалют нервишки, палятся... Хотя в основном ведь молодые хлопцы и девки, какие в их годы вообще могут быть нервы?!

Как и везде в милиции, опытных кадров в следственных отделах почти уже не осталось. Одни ушли туда, где работать спокойней и платят побольше, другие сгорели на «фальсификатах», многие умерли от болячек, спились, сошли с ума, а то и просто, попав начальству под горячую руку, были изгнаны ни за что! Взамен пришел ничего не умеющий молодняк, учить его практически некому, каждый учится как может на собственных ошибках, многие прокалываются быстро, взамен набирают все новых и новых, умеющих все меньше и меньше. Куда катимся – не знаю, но удивлюсь, если в оконцовке выйдет что-то хорошее!

Вот некоторые из типажей лично мне известных следователей.

Лейтенант *Крымов* – низкорослый, неказистый, страдает «комплексом Наполеона», стремясь физическую малозаметность компенсировать какими-то эпохальными свершениями и великими подвигами. Но что же эпохального может быть в жизни рядового следователя? Так он на операх «отрывается» – просто-таки убивает нас своей въедливостью, требуя, чтобы все «сходилось тютельница в тютельница», а такого не бывает, просчеты и непонятки есть всегда. Ему же требуется, чтобы дело было в идеальном состоянии, но такое удовольствие доставить ему опера могут редко, вот он и ноет: «В этом деле то не так, и это – тоже... Вы совсем не даете мне возможности как-то дожать и дотянуть до должного уровня!» Интересно, если опера должны все ему пережевать и в рот засунуть, то зачем тогда он сам существует? Он и в повседневной жизни такой же – неуживчивый и колючий... В 32 года – третий раз женат. Это о чем-то говорит?

Лейтенант *Остроумов* – совсем молодой, года два только следаком тянет, но кое-какой опыт уже скопил. Вообще мозговитый, способен опера понять, с ним можно договориться. Родители у него из какой-то там «элиты», прилично зарабатывают, так что особой необходимости в бабках у него нет, что делает его менее склонным к «фальсификатам» и прочему *леваку*. Цель у него куда благородней: сделать карьеру! Он ее и делает, для него несколько лет работы в райотделе – как практика, что-то вроде трамплина для будущего скачка «наверх». Свое дело знает, с товарищами ровен и дружелюбен, но по большому счету ему на всех плевать.

Старший лейтенант *Сысуев* – «фактовик», то есть все делает «по факту». Совершено преступление, отвертеться от возбуждения уголовного дела не удалось – возбуждает, оформляет какие-то первоначальные бумажки, в самых общих чертах дает операм поручение «установить и найти» преступников – и все, больше ни хрена не делает, даже и не думает на эту тему.

Допустим, повезло операм – нашли и схватили бандита. Тогда допросит его, а далее – спихнет все на какого-нибудь молоденького и еще не растерявшего юношеской старательности лейтенантика, а то и просто закроет дело при малейшей возможности, чтоб только не возиться... Не его это – трудиться кропотливо, стараться, из кожи лезть, лишь бы поскорее сбросить с себя лишнюю обузу на плечи других, а самому отойти в сторонку, позевывая. И еще – глуповат, многие моменты откровенно не понимает. А ведь вести следствие – это словно симфоническим оркестром дирижировать, надо слышать одновременно игру всех инструментов и координировать работу всех музыкантов. С простыми делами, не требующими долгого и трудоемкого расследования, он еще справляется, стоит же произойти чему-либо более многоходовому и сложному, на мордыях сразу же появляется брезгливая гримаса: «Господи, как они все меня уже достали!» И начинает озираться по сторонам, в поисках простофили, способного взять на себя его работу.

Старший лейтенант *Точилин* – о, это личность по-своему незаурядная и оригинальная, хотя по конечным результатам его служебной деятельности этого и не скажешь. Был он редких в ментовском кругу «демократических убеждений», то есть жуткий правдолюб, правдоискатель и правдоборец. Есть такая специфическая порода людей: они прекрасно знают, **чего** хотят (а хотят они только доброго и прекрасного!), да вот только понятия не имеют, **как** добиться этого. Послушать такого (говорить они обычно мастаки) – хочется аплодировать обеими руками и воплощать его лозунги в действительность, но как соприкоснутся эти идеи с реальной действительностью – ну полный амбец! Ни хрена не получается и получиться не может, ибо наш мир вовсе не таков, каким мерещится он подобным «борцам со злом», мир – намного жестче, подлее и безмозглее, причем его нельзя изменить (многие пытались – и лишь обломали себе зубы, Христа – и вовсе распяли), к нему можно лишь приноровиться, находить во вселенском океане злобы свой островок персонального благополучия и добросовестно отбывать там отмеренный тебе жизнью срок.

Не знаю, как с таким «идеальным» устройством мозгов сумел попасть он на работу в милицию и даже дослужиться до старлейских звезд



дочек. Может, был у него первоначально некий высокопоставленный покровитель, которому именно такой помощник понадобился для использования «втемную» его идеализма и сокрушительной энергии в одной их хитроумных комбинашек. Потом на одном из этапов покровитель тот куда-то испарился, а получивший первоначальный толчок в движении по служебной линии Точилин остался, смущая окружающих непривычными в данной среде речами и поступками.

Взяток он принципиально не брал, с уголовными делами не «химичил», физический и моральный пресс подследственных не санкционировал, в какие-либо тонкости не вникал, ни с кем и ни с чем не считался и в сложнейших случаях, требующих тонкой, поистине ювелирной работы вел себя как слон в посудной лавке. И при этом всё – по совести, по закону, по служебному долгу. «Так должно быть!», «Мы не имеем права поступать иначе!», «В этом – наша первейшая обязанность!» – его любимые фразы.

И при всех этих замашках «автоматчика демократии» юристом он был паршивым – чурался повседневной, черновой работы, там слегка недотягивал, тут немножко недоделывал, постоянно тянул со сроками следствия, служебные бумаженции не всегда оформлял вовремя, контакт с пострадавшими, свидетелями и подозреваемыми у него никак не налаживался, ибо плохо разбирался он в психологии живых, не «книжных» людей и пугал их своими риторическими декларациями. Короче, ухитрялся напороть косяка в самых что ни на есть вернейших уголовных делах.

Одним из его пунктиков был полнейший отказ от «специальных» приемов и методов работы с подследственными. Обвиняемого – не бить, не запугивать и не шантажировать, «наседок» к нему в камеру не подсаживать, издевательства сокамерников не допускать ни под каким видом. Такие способы борьбы с преступностью, видите ли, антизаконны и возмутительны! Ладно, допустим. Не хочешь совершать ничего незаконного – делай законное, но – делай же! Нам ведь результат нужен, надо довести до суда и приговора уже найденного и схваченного операми бандита – вот и содействуй! Ан нет, только языком чесал, юридически же дела вел неграмотно, с массой ляпов и пробелов, что и позволяло толковому адвокату от почти каждого подготовленного им к суду уголовного дела не оставить камня на камне.

Когда количество оправданных судом ввиду его недоработок бандитов только на моих глазах перевалило за полтора десятка, я задумался: почему же начальство терпит его? Другого при таком раскладе давно бы уж турнули, скажем, в школу милиции, учить новые кадры как следует

работать. А потом понял я, что очень даже он полезен бывает при наших раскладах. Допустим, дали кому-то из начальства «на лапу» за развал дела, но лично «светиться» в данном вопросе и давить на подчиненных та руководящая шишка опасается, вот и доверяет следствие старшему лейтенанту Точилину, точно зная: он будет поступать в строгом соответствии с УПК и все похерит. Так и получается, что «честный-принципиальный» Точилин на деле выступает в роли дармового пособника взяточников и бандитов. Куда уж дальше?! На этом примере ясно видно, к чему приводят попытки сделать наш мир хотя бы чуточку справедливее и добрее. Лишь еще больше тонет он в дерьме, вот о чем я!

Капитан *Емельянова* – начальник следственного отдела. Очкастая кобра, дотошная и противная бабенка в постоянно меняющихся неряшливых париках. Встретишь ее в коридорах райотдела – ведет себя нормально, не спесивится, «хи-хи» да «ха-ха», всякие дамские ужимки и штучки-дрючки, но как до дела дойдет – буквально затрачивает нас до посинения, все ей не по нраву, постоянно требует что-то доделать и переделать, причем в кратчайшие сроки, и попробуй-ка в те сроки не уложиться! В принципе опера и следаки всегда живут как кошка с собакой, но итогом обычно становится разумный компромисс интересов, когда каждый перестает сваливать на каждого свою часть работы и делает в итоге именно то, за что ему платят зарплату. Емельянова же никаких компромиссов не признавала, упрется рогом: «Делайте, как я говорю!» – и точка.

Иногда и наш брат-опер упорет косячок, схалтурит или просто ошибется, другой бы следователь понял ситуацию и постарался как-то сгладить шероховатость, эта же мгновенно хватает трубку и звонит моему непосредственному начальнику, кляузничает на меня в полный голос, не стесняясь.

Она ведь в органах уж 18 лет пашет, с нынешними майорами и подполковниками пила водку еще в период их лейтенантства, так что все наши начальники ее не то чтобы сильно побаивались или уважали, но как бы считались с фактом ее ментовского долгожительства. Она была частицей их далекой молодости, а следовательно, лицом заведомо правым и критике не подлежащим. Так что за каждой ее кляузлой реально следовали разносы и раздолбаи личного состава, тем – выговора, этим – неполное служебное соответствие, а таких-то и вовсе выперли. В общем, вредный человек!

Отдам ей должное: грамотный профессионал. Слишком только нервничала, суетилась беспричинно, вечно у нее какие-то крики с истериками, всевозможные конфликты, вопли разные...

Тут еще такая тонкость: у каждого из следаков в производстве на ходятся «дойные» дела, то есть такие, с которых можно снять *лавэ* в свой карман. И обычно желающий «схимичить» следак какой-то частью своей mzды делится с ведущими данное дело операми. Эта же хитропанка стремилась так все организовать, чтобы все необходимые ее подчистки и мухлежи в уголовном деле работающие с нею опера делали бесплатно и вслепую, якобы «так и надо в интересах дела!». Но мы ж все – профи, ядри твою мать, когда уголовное дело твоими руками успешно хоронят – оно ж заметно, как ни шифруй! Да мы и не против, помилуй бог! Но извините, мадам, воспитанные люди в таких случаях с операми за риск и усердие делятся! А не так, чтобы вначале втемную использовать, а потом, в случае проверки, голосить возмущенно: «Я ж вам совсем иное указывала, чего ж вы устроили такую возмутительную самодеятельность?» Пару раз подставленных ею таким образом оперов гнали со службы в шею, а она, чистенькая, оставалась как бы и ни при чем. Кому такое понравится?

Снимает сливки, где только возможно, ни с кем не делится, скулит постоянно: «Ой, опера все такие неопытные, такие непрофессиональные! Одна я только борюсь с преступностью железным карданом!»

Практически все следователи (исключения очень редки) занимаются подобным ловкачеством и гребут бабло с подследственных, но не за чужой же счет!

Не уважают опера Емельянову, если коротко. В лицо ей ругательств никто, понятно, не говорит, побаиваясь ее гадостей, но, если начинает она в очередной раз с нами крутить и давать явно *левые* поручения, киваем головой, обещаем все сделать и ни хрена не делаем, а потом со свистом в ушах отписываемся от ее жалоб, пусть хоть лопнет от злости!

Кстати, семейная жизнь у нее тоже наперекосяк. Кому охота иметь женой издерганно-орущую очкастую фурию?! Сменила нескольких мужей (от самого первого из них родила дочку, теперь уже взрослую, студентку, наверняка мечтающую поскорее выйти замуж и зажить отдельно от скандальной мамы). Правда, с последним своим супругом каким-то образом общий язык она нащупала, живут уже вместе четвертый год, и все не разводится, что для нее совсем не характерно. Может, подкаблучник какой-то попался, о которого можно каждодневно вытирать ноги, а может, наоборот, этакий супер-пупер, который сумел ее прибрать к рукам и выдрессировать. Хотя я не могу себе представить, каким же образом ему бы это удалось?

## Преступность в России в январе – июле 2008 года (по данным МВД РФ)

В январе – июле 2008 года органами внутренних дел рассмотрено 12,28 млн заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, что на 4,7% больше, чем за первые 7 месяцев 2007 года. Почти по каждому восьмому сообщению (12,8%) принято решение о возбуждении уголовного дела. Всего возбуждено 1568,7 тыс. уголовных дел, что на 10,7% меньше показателя аналогичного периода прошлого года.

В январе – июле зарегистрировано 1953,3 тыс. преступлений, или на 9,6% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 9 субъектах Российской Федерации, снижение – в 74 субъектах.

Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных снизился с 27,6% в январе – июле 2007 года до 27,1%.

Почти половину всех зарегистрированных преступлений (48,7%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 787,5 тыс. (-12,5%), грабежа – 143,6 тыс. (-18,0%), разбоя – 20,6 тыс. (-26,3%). Почти каждая третья кража (31,0%), каждый двадцать пятый грабеж (4,01%) и каждое пятнадцатое разбойное нападение (6,7%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждое девятнадцатое (5,3%) зарегистрированное преступление – квартирная кража. В январе – июле 2008 года их число снизилось на 17,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, по сравнению с январем – июлем 2007 года возросло на 5,6% и составило 20,5 тыс., а количество выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств снизилось на 19,7% (898 фактов). В январе – июле 2008 года с использованием оружия совершено 6269 преступ-

лений (-31,2%). Наибольшее количество зарегистрированных преступлений данной категории отмечается в Иркутской области (366), г. Санкт-Петербурге (362), Свердловской (319), Московской (256) областях, Ставропольском (246), Забайкальском (225) краях, Республике Саха (Якутия) (199), Кемеровской области (198).

По сравнению с январем – июлем 2007 года на 1,0% снизилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 314,2 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 16,1%. Материальный ущерб от указанных преступлений (по окончанным уголовным делам) составил 90,9 млрд. руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 39,2%.

Подразделениями органов внутренних дел по борьбе с экономическими преступлениями выявлено 162,7 тыс. преступлений экономической направленности, их удельный вес в общем массиве преступлений экономической направленности составил 51,8%. Материальный ущерб от указанных преступлений (по окончанным уголовным делам) составил 27,78 млрд руб., а сумма возмещенного ущерба – 17,41 млрд руб.

Подразделениями органов внутренних дел по расследованию налоговых преступлений выявлено 19,7 тыс. преступлений экономической направленности, их удельный вес в общем массиве преступлений данной категории составил 6,3%. Материальный ущерб от указанных преступлений (по окончанным уголовным делам) составил 48,67 млрд. руб., а сумма возмещенного ущерба – 36,53 млрд. руб.

В январе – июле 2008 года выявлено 141,2 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 0,9% больше, чем за аналогичный период прошлого года. По сравнению с январем – июлем 2007 года на 0,8% снизилось число преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, снизился с 55,4% в январе – июле 2007 года до 54,4%.

В общественных местах зарегистрировано 353,8 тыс. преступлений, или на 8,0% меньше, чем за январь – июль 2007 года. На улицах, площадях, в парках и скверах зарегистрировано 211,8 тыс. преступлений, в том числе: 61,4 тыс. грабежей (-16,1%), 61,2 тыс. краж (+2,8%), 6,8 тыс. разбойных нападений (-24,4%). На дорогах и трассах вне населенных пунктов совершено 168 разбойных нападений (-41,7%), 351 грабеж (-31,8%), выявлено 156 фактов незаконного приобретения,

передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (+22,8%).

В январе – июле 2008 года раскрыто 1068,3 тыс. преступлений (-1,5%), в том числе 556,4 тыс. – следствие по которым обязательно и 511,9 тыс. – следствие по которым необязательно. Не раскрыто 846,7 тыс. преступлений, что на 21,1% меньше аналогичного показателя за январь – июль 2007 года. Из этого количества удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений по сравнению с январем – июлем 2007 года не изменился и составил 26,0%. Остались нераскрытыми 1269 убийств и покушений на убийство (-36,4%), 4641 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (-19,4%), 493,2 тыс. краж (-20,5%), 92,9 тыс. грабежей (-26,9%), 8,8 тыс. разбойных нападений (-40,3%).

Преступлений прошлых лет в январе – июле 2008 года раскрыто 55,4 тыс., что на 32,6% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Более половины (55,8%) раскрытых преступлений прошлых лет составляют кражи (30 889) и тринадцатую часть (7,7%) – мошенничества (4281).

Выявлено 767,6 тыс. лиц, совершивших преступления (-3,9%), удельный вес лиц без постоянного источника дохода вырос с 59,1% в январе – июле 2007 года до 60,2%, а удельный вес ранее судимых лиц – с 23,1 до 23,7%.

Почти каждое третье (29,7%) оконченное расследованием преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления, почти каждое восьмое (13,1%) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое пятнадцатое (6,7%) – несовершеннолетними или при их соучастии.

Иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 33,6 тыс. преступлений, что на 9,1% больше, чем за январь – июль 2007 года, в том числе гражданами государств – участников СНГ – 30,1 тыс. преступлений (+8,8%), их удельный вес составил 89,7%. Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства снизилось на 5,1% и составило 8963 преступления.

## Маленькая лотция

*От сумы и от тюрьмы не зарекайся.*  
Народная мудрость

Я собираюсь сообщить тебе, читатель, опасные знания. Знания, которые позволят в случае необходимости (мало ли как сложится жизнь) заняться преступной деятельностью. Правда, с единственной целью – самозащиты. Да и преступной ее можно назвать лишь в том смысле, что она преступает известную черту, то есть выходит за рамки традиционных форм обороны. Иными словами, я собираюсь предложить тебе некое руководство к преступной деятельности по защите твоей свободы, а также чести и достоинства.

Что есть свобода для человека или что означает для него ее отсутствие?

Самое суровое наказание – это смертная казнь, которая практически в нашей стране не применяется. Вторым же по значимости закон определил лишение свободы. То есть ограничение избирательных прав, свобод и прав на жительство, передвижение, избрание профессии, получение питания и одежды, переписку, общение с родственниками. И если эти, достаточно большие ограничения помножить на годы заключения, то сожалеть есть о чем. К тому следует добавить жуткие реальности: жить тебе придется в воровской среде, где возможны и культивируются побои и такая власть «тьмы», при которой в любой момент можно стать предметом самых низменных пожеланий самой последней скотины на соседних нарах. Можно быть и попросту безнаказанно убитым... Да что там говорить: ты, наверное, согласишься, что лишение свободы в нашей стране – событие чрезвычайное.

Я также думаю, что ты не настолько наивен, чтобы считать: если ты воспитан идеальным законопослушным гражданином, то никогда не

сможешь попасть за решетку. А за неосторожное преступление? А просто по чьему-то злому навету? А в результате судебной ошибки? Короче: «Будь готов! Всегда готов!» Тьфу-тьфу-тьфу, конечно!

Впрочем, если ты хочешь действовать под девизом: «Человек – это звучит гордо», то ты просто не дорос еще до понимания сущности нашего российского государства и тебе надо другие книжки читать. Нам же ближе, увы, небуревестниковские сентенции про маленький винтик, про «плетью обуха не перешибешь», про «бодался теленок с дубом» или даже на японский манер: вишневой веточке под натиском лавины снега лучше согнуться, чем сломаться. Вот это девиз! Если ты житейски мудр – он твой!

В цивилизованном обществе состоятельные люди предпочитают на всякий случай иметь личного врача и личного адвоката. Деловые, неглупые, они понимают, что так жить спокойнее, что лишь так вообще и можно жить. Наверное, и нам хорошо с них брать пример. Но, во-первых, личный адвокат – это дорогое удовольствие, то есть не каждому по карману. А во-вторых, далеко не всегда он рядом. А порой он и рядом, но обстоятельства не позволяют ему быть откровенным: за ним смотрят, вставляют ему в телефон «жучка»...

Как же вести себя в таких неблагоприятных условиях? Итак, я рискую предложить тебе некий свод правил – лоцию. (Лоция – руководство для плавания среди камней, мелей, рифов. Толковый словарь живого великорусского языка. В. Даль. СПб., 1880.)

Никогда не обольщайся, слушая прокурора или милиционера, рассуждающего о защите законных прав и интересов граждан. Это они говорят не о тебе. Они ведут речь о себе, о своих близких, в крайнем случае об абстрактном человеке. Ты же – человек конкретный, и, когда они видят тебя перед собой, они видят нарушителя, преступника, с которым надо бороться. Ты для них уже виновен, а если и не виновен, то для острастки тебя все равно надо бы посадить, или притеснить, или ударить, чтобы ты знал свое место и никогда не думал даже сомневаться в значении его (прокурора, милиционера) высокого места. В этом не надо винить конкретного служителя закона – это их общая жизненная позиция. Просто с другой позицией людей на работу в эти органы стараются не брать, а если взяли, то сразу же самыми разнообразными способами (в том числе и жестокими) начинают переделывать его «на свою колодку».

Мне известен случай с молодым, но достаточно грамотным и принципиальным судьей, который ввиду недоработок милиции возвращал до десяти процентов рассматриваемых им уголовных дел. Прокурор



района на собрании всех работников суда, милиции и прокуратуры из президиума сказал, что судья этот живет не в нашем районе и как бы ему на своей шкуре не пришлось испытать положение потерпевшего! Причем начальник уголовного розыска усек «рекомендации» прокурора, многозначительно кивнул и что-то пометил себе в блокноте (ему же ничего не стоит отпустить под подписку какого-нибудь отпетого уголовника с условием, что он «выставит» (ограбит) квартиру судьи). Судье квартиру, правда, не обворовали, но нашли другие способы объяснить, как правильно вести себя. Как-то чего-то где-то он все-таки претерпел, после чего на следствие стал отправлять не более двух процентов (норму!) все так же плохо расследованных дел.

И это все относительно назначаемого Президентом России судьи! Абсолютно публично! Можно пофантазировать, какие разборки бывают с молоденьким сержантом или лейтенантом. После чего новобранец уже разделяет всех людей на две категории: милиционер – то есть свой, и немиллиционер – то есть враг. Врага надо сразу же, как увидел, ставить на четыре кости и уже потом... Это не сержантская позиция. Эта позиция с экрана телевизора на всю страну провозглашалась московским генералом, и его никто не одернул, лишь в должности повысили.

Правило следующее гласит: помни о том, что перед тобой профессионал! Ты любитель, а он профессионал. За свою работу он получает деньги, он живет тем, что притесняет тебя, причем притесняет каждый день и много раз в день, ежеминутно шлифует свое мастерство притеснять тебя. Не пытайся уговорить себя, что у них все насквозь прогнило, что все они взяточники, и мздоимцы, и пьяницы, и полудурки. Это, может, и правда в половине случаев, но тебе попадется противник из второй половины, и его с кандачка не обойдешь. Против профессионала надо действовать профессионально. Я думаю, у тебя получится: тебе поможет твой инстинкт самосохранения, твой жизненный опыт, твои знания и, надеюсь, что-то из этой лоции.

Пока милиционер, прокурор, судья не увидели тебя, не выделили из толпы, самое правильное – избежать встречи с ними. Избегать, даже если это потребует дополнительного времени, усилий, расходов. Избегать и сделать для себя вывод о правильности такого шага. Русская поговорка «Не лезь на рожон» здесь абсолютно уместна.

О возможности откупиться – дать взятку, «подмазать лапу» – стоит сказать отдельно. О, пусть заткнут уши те, кто не должен этого слышать, потому что я скажу: давай! Это не значит, что я не беспокоюсь о деньгах твоих, так как они не мои, а твои. Первая мысль моя о твоей свободе. Никакая сумма не эквивалентна ей! Получилось дать мало –

радуйся, пришлось дать много – все равно не огорчайся: заработаешь еще больше, но будешь умнее. Собака не кусает руку, которая дает ей мясо. Просто давать надо умно, осторожно, так, чтобы хозяин не видел. Я не верю, что в результате этого ты обретешь друга, важнее другое – утратишь врага, хоть на какое-то время. Только постарайся отличить, кто в состоянии тебе реально помочь, а кто просто на тебе хочет поживиться. Как это сделать, рецептов нет: слишком разнообразны люди, и я надеюсь на твою интуицию, способность читать по глазам, не только слушать, но и слышать, анализировать, что тебе говорят, то есть на твой холодный расчетливый ум. И все же ты можешь ошибиться! Если так произошло, утешься следующим: о деньгах ты лишь посожалеешь, а свободой расплачиваешься навсегда.

Но вернемся к сущности законника. Вот этот охотник все-таки увидел тебя, выделил из толпы, смотрит на тебя, пока еще не сквозь прорезь прицела, но... Не забывай о нормальных повадках дичи – не подставляй ему спину. Веди себя спокойно, с достоинством, без напряжения, может, даже чуть артистически, но подчеркнуто вежливо. Порой этого достаточно, чтобы противник стушевался, потерял к тебе интерес. Но будь выдержан в этот момент до конца.

Чтобы показать, как это важно, я приведу в пример поведение не мнимого, а настоящего маньяка-убийцы-насильника Чикатило. Он был задержан в нескольких сотнях метров от места, где совершил убийство. На одежде кое-где была кровь, но он со скучающим видом предъявил милиционеру для проверки паспорт, достав его из самого обычного для командировочных портфеля. Вел себя спокойно, не заискивал, не качал права и... был немедленно отпущен. Через несколько дней о нем вспомнили и посадили в КПЗ на десять суток. Допросили. Он (имея за плечами полсотни убийств и изнасилований на протяжении 12 лет!) заявил, что его задержание – ошибка, отрицал свою причастность к убийству. Девять дней его держали, не получив доказательств, и планировали отпустить! Но на десятый день он сломался и начал давать показания о совершенных злодейских убийствах. Ему не хватило суток выдержки! Об этом чудовище сожалеть, конечно, не приходится в голову. Но нельзя не признать, что вел он себя до конца почти, я бы сказал, профессионально.

Как мы договорились, мои советы адресованы не преступникам, они даны лишь для самозащиты. Ты чист перед законом или по крайней мере не причастен к тому, в чем тебя хотят обвинить, тебе тем более незачем волноваться перед блюстителем порядка. Лучше использовать время общения с ним для другого важного занятия: изучай чело-

века-милиционера, причем, будь внимателен, будь тончайшим психологом. Человек имеет слабости (склонность к лести, мздоимство, трусость, глупость) – используй их, они для того и существуют. Прочь сомнения, идальго, насчет неэтичности своего поведения! Ведь речь идет о твоей свободе, а может быть даже и о судьбе.

Однако не перегибай палку: лести, но не принижай свою значимость. Беседуй на равных. Будь уважителен, покажи или хотя бы слегка обозначь свое понимание его нелегкого и ответственного труда, его личности. Не важно, кто перед тобой – генерал, старшина или просто шофер: любой милиционер – это должностное лицо. Не пренебрегай никем. Порой сержант может существенно повлиять на твою судьбу. Постарайся, чтобы это влияние было тебе на пользу, а не во вред. И если между вами уже нет вражды, то это хороший результат, маленький шаг к победе.

Читая в периодике о милиции, ты знаешь, что им всем от министра до последнего водителя в вырезителе не хватает денег. Это, конечно, правда: все они бюджетники. Государство о них беспокоится, но не так чтобы уж очень рьяно. Оно прекрасно понимает, что эта бочка без дна, и, кроме того, сколько «этой скотине ни давай» (по выражению Петра Первого), она все равно, пользуясь своим положением, еще сверх того себе карман набьет. А коли так, то и не стоит себя особенно казне напрягать – дать на хлеб, а на масло добудет сам. Жадность и зависть – воспитуемое государством качество. Это один из мотивов, который заставляет милиционера угнетать тебя. Поэтому не разжигай пламя зависти: не болтай о своих доходах, не бахвалься прибылями, не хвастай загранпоездками, иномарками – эта вода не на твою мельницу.

Теперь о добрых милиционерах.

Как-то довелось мне быть свидетелем такой сцены у следователя. Парня вызвали повесткой в кабинет, где находились два человека: капитан-следователь – организатор «спектакля» и молоденькая девчушка в короткой юбчонке – младший следователь, вчерашняя школьница (однако тщательно проинструктированная). Парню было лет 25, с милицией дел не имел. Зашел настороженно, ко всему готовый, протянул повестку капитану. Тот, поморщившись, кивнул на девчушку и сказал: «Галочка, допроси по этой пустяковине и садись помогать делать мне серьезные дела», отвернулся и сел за машинку что-то печатать. Перед молоденькой девчушкой в мини-юбке да после такого указания капитана парень утратил бдительность, уверовал в доброту и незлобливость собеседницы, забыл про свои права на адвоката, про то, что допрашивают его в качестве обвиняемого, расслабился. Рас-

сказал, как они выпили, как решили проучить кого-то. Хотели заставить его пройти из кафе без своей пижонской куртки, которую с этой цели и сняли с него. А когда он вдруг достал ножик, быстро отняли, пригрозили ему и, побросав все в урну, ушли. Однако были задержаны и доставлены в вытрезвитель. Вот лишь значок с куртки сняли, но готовы вернуть с извинениями.

После того как девушка, старательно подсказывая мелочи, записала все и парень расписался, готовый идти возвращать значок и просить извинения у пижона, в разговор включился следователь-капитан. Изобразил досаду по поводу неточностей, передопросил и фактически переписал, усилив на свой высокопрофессиональный манер акценты в части ножа, заставил вторично расписаться, попросил посидеть еще три минуты, вызвал конвой и арестовал парня. Предъявил ему обвинение в разбойном нападении, причем именно постановление об этом он печатал во время миролюбивой беседы парня с девушкой. Так следователь гарантированно определил (собственноручно подписаны два протокола!) молодому человеку его будущее на срок от семи до двенадцати лет. Вот тебе и пустяковина, вот тебе и минибюк! Не поддавайся на пчелкин медок: у нее жальце в запасе!

Сделай вывод: будь внимателен, будь настороже, возможно, и с тобой захотят сыграть такие же спектакли такие же «режиссеры». Запомни, например, что во время проведения судебно-психиатрических экспертиз в условиях стационарной больницы, главную роль в разоблачении симуляции играют не врачи, не медсестры, не конвой (хотя и они тоже), а нянечки, уборщицы, посудомойки, на которых испытуемый не обращает внимания. Он играет для врача так, как играют на сцене, а диагноз ставят за кулисами няньки, а то и просто соседи по палате – элементарные «наседки»-стукачи. Причем такие методы позаимствованы медиками из милиции, а не наоборот! Так что уж если пришлось тебе играть роль, то играй талантливо, в расчете на широкую зрительскую аудиторию.

Я еще не заострил твоего внимания в этом спектакле на том, как решается вопрос о допросе без участия адвоката. Обычно этого вопроса не касаются или касаются вскользь, сразу же поясняя, что допрашивают тебя из-за пустяка и сделать это надо побыстрее и, кроме того, за участие адвоката надо платить такую космическую сумму, что следователю тебя жалко. Или настоятельно советуют «копытного юриста, адвоката Маразмова – бывшего работника милиции» (у которого еще кровь на кулаках не засохла от выбивания из тебе подобных «правильных» показаний)!

В наступающем периоде нам предстоит столкнуться с поголовной, потрясающей коррупцией в правоохранительных органах. Сейчас офицеры милиции, внутренних войск, колоний, увольняемые в 45–50 лет, в полном расцвете сил, с удивлением обнаружили, что, хотя в училище их учили осуществлять охрану лагерей, с розыскной собакой ходить или портянки выдавать, в диплом записали специальность – юрист! Для них самих это открытие. Но и реальная возможность за час оформить частное предприятие по оказанию адвокатских услуг и начинать защищать тебя! И в высшей степени навязчиво.

Связей у них с работающими еще в органах очень много, возможности «договориться» не меньше. Возможности влиять на тебя, когда ты уже попал им на крючок, столько, что тебе даже в триллерах Хичкока не показывали. Ворон ворону глаза не выклюнет. Это ты поймешь, когда, выкачав из тебя квартиру, машину и все деньги, они осудят тебя по всей строгости закона, а то и сверх того. И таких защитников много, едва ли не половина. У многих из них не хватает мозгов не писать в своих визитках, что они – майоры милиции или советники юстиции, то есть старшие офицеры армии, специализирующейся на посадку людей в тюрьму, ни в коем случае из тюрьмы не вызволяющие. Читай и делай вывод сам, с кем ты связался. Страшно? Не пугайся, эти строки и пишутся, чтобы поддержать тебя в трудную минуту. Ты, когда собаку покупаешь, породистую, небось, выбираешь, да с родословной, да через клуб собаководства все документики проверишь, простучишь. Это правильно, молодец! А когда тебе первая встречная девчонка, которая получает зарплату за то, чтобы посадить в тюрьму людей побольше (и тебя в том числе!), вдруг предлагает своего знакомого, который при помощи подкупа и взятки (то есть явно незаконно!) замнет твоё дело, – почему ты соглашаешься без колебаний? Не проверяешь его родословную, не ходишь в клуб (адвокатскую контору) за подтверждением предоставленных документов, авторитетных отзывов? Или, может быть, покупка собаки для тебя более ответственный шаг, чем вопрос о нескольких годах твоей свободы?

Какой с него – горе-адвоката Маразмозова – потом спрос за некачественно проведенное дело? Только через бандитов? А сам ты кто будешь после этого? Я думаю, что не будешь, у тебя хватит мозгов не слушать эту девочку и не шагнуть в эту бездну. Если хочешь рискнуть, то без меня. Мои записки к трезвомыслящим и законопослушным. Задумайся, каково тебе лично будет, когда ты попадешься в их корыстные и непрофессиональные лапы? Ведь «от сумы и от тюрьмы...».

Вот я, не мудрствуя лукаво, и скажу тебе, как надо просить адвоката:

– Уважаемый Николай Степанович! Я, к сожалению, не юрист, и это лишает меня возможности правильно сформулировать свои показания. Я очень хочу их дать вам, но в голове один сумбур, мне неловко вас обременять то одними показаниями, то другими. Поэтому, позвольте мне дать вам показания лишь после моего совета с адвокатом Алексеевым, которому я доверяю. Вы, конечно, знаете его телефон – 333-33-33. Я вынужден настаивать на предварительной беседе с адвокатом.

Позиция жесткая, форма уважительная, а цена такого решения может оказаться настолько весомой, что несколько часов несвободы в ожидании адвоката станут сопоставимы с годами тюрьмы или, даже жизнью и смертью.

Это отступление – хотя и не очень дальняя, но все же перспектива. Пока же тебя чаще ждет нормальный, цивилизованный ход общения с милиционером, дай бог, чтобы другого не было. Но могут ожидать другие опасности. Жизнь богаче любых схем.

Дома у тебя могут оказаться малые дети, жена будет в больнице, а теща в отъезде. И перед тобой при допросе милиционер поставит жесткий выбор: дашь показания – и домой, а если отказываешься, требуешь адвоката – идешь в клетку. Или другая ситуация, к сожалению, все более нередкая, когда применяется грубая физическая сила. Причем они профессионалы, то есть знают, куда и как ударить, чтобы не было следов. А если следы и останутся, то оформят «сопротивление при задержании», да и жаловаться ты будешь прокурору через этого же милиционера, когда он позволит. Кроме того, допрашивать тебя будет один и известно кто, а избивать неизвестно кто, и их будет много, и ногами. Что же делать в столь безвыходной ситуации?

Давать показания! Чтобы уйти от избиения. Противопоставь грубой физической силе – силу твоего ума и самообладания. Сделать это лучше, попросив вначале небольшую передышку: за это время подготовишься – и вперед!

Однако к чему и как тебе надо подготовиться? Придумай несколько абсолютных небылиц. Но внешне правдоподобных. Абсурдность своих показаний ты сможешь с бесспорностью доказать в суде, указав на несоответствие фактов действительности как на знак недобровольности своих показаний.

Например, тебя принуждают признаться в грабеже, а ты указываешь, что на месте преступления встретил одноклассника Сергея Петрова, который приехал из Иркутска (заведомо зная, что Петров умер два года назад). Или что в день кражи тебе позвонил поделщик и пред-

ложил идти на дело, а все детали обговорили, когда застряли в лифте твоего дома, на 15 минут (заведомо зная, что в твоей квартире нет телефона, а в доме лифта). Переставь местами имя твоей жены и дочери, скажи, что встретил двоюродного брата Всеволода (которого тоже никогда не было) или врача, удалявшего тебе желчный пузырь (при том, конечно, что пузырь у тебя на месте), пожалей, что не служил в армии из-за гепатита Б (хотя ты служил), или что служил на флоте и оттуда у тебя привычка к флотским словам: «камбуз», «гальюн», «приборочка» (в то время как ты служил в Казахстане). Одним словом, будь изобретателен в таких вот деталях, вставь их в протокол хотя бы дватри раза. Но обстоятельства грабежа должны быть абсолютно безликими, непонятными, до ужаса краткими. В них все должно быть в общих чертах, без подробностей и деталей. В твоих же выдуманных деталях – наоборот, и очень важно не завратиться и не зарваться – закладывай в протокол абсолютное несоответствие, но так, чтобы это было известно лишь тебе и именно ты мог потом доказать, что это вранье, вынужденное вранье, это знак для суда!

Пользоваться таким тактическим ходом непросто, здесь нужна холодная голова, как у Штирлица, и, если есть хоть малейшая возможность настоять на свидании с адвокатом, избежать избиения другими способами, не применяй этот метод. Если же все, край – вот тебе моя соломинка!

Я специально не подчеркивал, но уже не первый раз призываю тебя к самообладанию, спокойствию, даже к некоторой заторможенности. Никакой паники! Помни, им только этого и надо – наехать и додаться. Собери все физические, психические и умственные силы в кулак. Будь спокоен как удав, выдержан как индеец!

Теперь об общей обстановке, которая должна присутствовать в твоей беседе с милиционером. Назовем ее так: вежливая натянутость, никакого добродушия, живой заинтересованности. Тебя его общество не слишком тяготит, но при первой же возможности, ты, несомненно, предпочтешь долгую разлуку с ним. В Древнем Риме патриции – господа – имели возможность выбирать себе занятия, но никто и никогда не позволял себе унизиться до полицейской службы. Полицейскими служила чернь – рабы. Патриций позволял рабу арестовать себя, идти под конвоем раба – сколько унижения! Но еще большим унижением он считал быть полицейским. Никогда не демонстрируй своего пренебрежения к полицейскому, но и не забывай о древних римлянах.

Тебе надо давать показания, ты уже никак не можешь избежать этого? Не соглашайся на беседу без протокола. Хитри, ври, выдумывай

причины, по которым тебе надо сначала услышать вопрос, потом прочитать его, подумать, сосредоточиться и, выдавливая из себя по слову, отвечать. Чего ты достигнешь таким образом? Во-первых, всего он из тебя не выдавит: устанет, у него окажутся другие дела, семья и т.д. Во-вторых, формулируя вопрос и записывая его, он дает тебе время подумать над ответом. В третьих, в протокол он не запишет ничего, не относящегося к делу.

Еще один часто применяемый следователями ход – это добиться от тебя, чтобы ты, не подчеркивая своих действий, подробно рассказал о действиях подельника, невольно перекладывая на него инициативу и ответственность. А затем прийти к подельнику и, подтрунивая над ним, как, мол, тебя подельник (то есть ты) «загрузил», добиться от него показаний на тебя. И так можно несколько раз до той поры, пока обида за мнимое предательство не источит твой разум и не заставит наговорить вовсе напраслину. Будь бдителен, говори лишь о себе, а в остальной части сошлись на плохое зрение и память, на давность происшедшего, на чрезмерное волнение.

Знаешь, чего бояться опера? Что придет адвокат и заткнет своего подзащитного, что он поддержит его морально, не даст выбить человека из колеи. Пока ты задержан, напуган, озадачен, озлоблен – ты в стрессе. Усилить этот шок – бросить в камеру, унижить, сравнять с бомжами. Допрашивая, разговаривать в угрожающем тоне, включить резкий свет в глаза, посадить на стул без подлокотников, чтобы добавить неуверенности, чтобы ты места рукам не находил. Не давать тебе даже ногу на ногу забросить, руки на груди скрестить. А вот сложить их на коленях – можно, ссутулиться – тоже, им это желательно, эта поза покорности и на тебя подействует, даже незаметно для тебя. Вот их задача.

Давать показания ты вправе, но не обязан, запомни это. В Соединенных Штатах сразу же при задержании предупреждают, что любое слово задержанного может быть обращено против него. У нас этого правила долго не было, у нас предупреждают так, что ты и не поймешь, а распишешься. Будь бдителен! Не болтай, тебя подслушивает враг! Ну, во всяком случае, не друг! Не спеши вооружить милиционера информацией против тебя: ему нужна именно такая информация. Оправдывающая тебя информация ему не нужна, он готов ликвидировать ее, а не то чтобы использовать в твоих интересах.

Если ты в самом начале разбирательства заявляешь: в тот час тебя в фирме не было и не могло быть, так как в это время ты был в бане с Витей, Колей и Сашей, ты уже вооружил милиционера важной информацией. Не веришь? Пока ты сидишь в клетке, на Витю найдут компромат, и он



вообще забудет, когда он мылся, Колю отлупят, и он подпишет показания, что встречал тебя два года назад по пьянке, а Сашу посадят на пятнадцать суток тогда, когда он тебе будет нужен для подтверждения алиби. Учти это и лучше до последнего молчи, от дачи показаний отказывайся. Помни, в Конституции записано, что никто не обязан доказывать свою невиновность, это милиционер должен найти доказательства твоей виновности и процессуально оформить их. Не помогай ему!

Всегда точно выясняй причину встречи с милиционером и в качестве кого он тебя допрашивает. На его вопрос: «Знаете, зачем я вас вызвал? Рассказывайте, что вам известно по этому вопросу», не торопись рассказывать. Отвечай, что точно, о чем речь идет, не знаешь, а догадываться не намерен, и пусть он сам формулирует, что ему надо. Выслушав его, будешь в выигрыше по времени, ответишь лишь «да» или «нет» и молчи.

Об относимости доказательств. Говори лишь то, что непосредственно связано с расследуемым вопросом, а не то наболтаешь себе еще статейку-другую. На одного человека они стараются повесить не одну, а побольше статей. Украл куртку, в кармане которой был пропуск на завод, – кража вещей, и отдельной статьёй – кража документов. Видел ли кто, как ты похищал с прилавка бутылку водки? Если да, то грабеж – до семи лет, если нет, значит, кража – до трех. Из-за «да, видел» – три года твоей жизни долой. А уж если не один был, а с другом, то хоть и не был он посвящен в твои планы, но группа преступная налицо, можно сказать и преступное сообщество, а если плохо будешь себя вести, то «банда».

Если «железно» доказана одна статья, как правило, самая тяжкая, то остальные и внимания-то особого не достойны (по уверениям милиционера). Милиционер ищет доказательства по главной статье, а остальные идут в поддержку. Но потом он отчитывается: три эпизода за час раскрыл! Это его бравада, а твоя жизнь.

Был у меня случай! Парень – один из троих – признался в изнасиловании своей давней подружки, но на него повесили еще и грабеж (а он у потерпевшей взял мохеровый шарф покрасоваться на танцах и не просто обещал вернуть, а позвонил маме этой девочки домой и сказал, чтобы не волновалась, он утром шарф принесет, и мама согласилась). До кучи «повесили» еще хулиганство в подъезде. (А ему за сутки до происшедшего сделали операцию аппендицита. Двое его поделчиков и четверо потерпевших на суде заявили, что во время драки он был в стороне и держался за бок.) Все мои потуги отбить эти две надуманные статьи и в райсуде, и в облсуде успеха не имели. Более того, после суда меня позвали в кулуары, и член облсуда сказал: «Ну что ты

упираешься? Он за изнасилование и так минимум получил – пятерку, так что два года за грабеж и год за хулиганство все равно поглощаются пятеркой и роли не играют. Судья же премию не получит, если мы ему приговор отменим. Пожалей коллегу». А ведь если бы этих двух довесков не было, то и разговор о наказании за изнасилование шел бы другой. Здесь было важно, что это первая судимость, его несовершеннолетний возраст, что вину признал и раскаялся. Вполне можно было обойтись и «трешкой». А ведь это два года жизни только формирующегося человека! Кроме того, осужденный иногда не смотрит на то, какую ему вторую или третью статью дали. Но до той поры, пока не выйдет амнистия, которая на эту-то вторую, третью статью не распространяется. Ах, как близок тогда будет локоток!

Зачем следователю нужно нагрузить тебя выше макушки? Чтобы судья не сомневался – перед ним отпетый негодяй и не очень-то цацкался с тобой. Да у тебя три статьи, о чем говорить-то? Пять лет, и радуйся, что мало. Здесь чисто профессиональная уловка, направленная и не против тебя лично. Дело в том, что имеет место такое правило: если следователь мало написал статей иотягчающих признаков, то суд сам их дописать не может и возвращает дело на доследование. Это брак в работе следователя и прокурора. А если написал лишнего, то суд сам может отклонить статейку, другую, и брака нет. Правда, может и не отклонить. Но это следователя уже не волнует, ему не сидеть.

Поиск второй статьи на тебя – это также свидетельство отсутствия либо недостаточности доказательств по первой. В этот трудный для милиционера момент будь особенно бдителен: он может сунуть незаметно тебе в карман наркотик, подбросить при обыске в квартиру пару боевых патронов. Единственное лекарство против этого – бдительность и трезвость твоего мышления.

Известен и такой прием: следователь заявляет, что в твоих действиях он усматривает, например, мелкое хулиганство, но вот кровожадный прокурор почему-то заставляет его предъявить обвинение в злостном хулиганстве сотягчающими обстоятельствами. Следователь убеждает, что суд-то сразу же во всем разберется и отпустит тебя. Давай, дескать, составим протокол допроса, как просит прокурор и всем будет хорошо. Не попадайся на эту удочку, если поверишь, будешь осужден именно за злостное сотягчающими обстоятельствами хулиганство, а следователь лишь картинно разведет руками. Вот уж поистине: прост, как свинья, а лукав, как змея.

Помни, следователь – лицо процессуально независимое. Он имеет полное право отказаться от навязываемого ему хода следствия, если

убежден в его неправильности. Одним таким напоминанием можно сдернуть маску с лицемера.

Я отговариваю тебя от всяких разговоров с милиционером. А можно ли вообще с ним пространно разговаривать и о чем? Да, можно, и много, и пространно, но лишь о том, в чем ты больший профессионал, чем он. Но помни, из твоего трепа он может сделать свои юридические выводы – это первое, а второе: а вдруг ты его недооцениваешь?

Однако все наши с тобой старания могут оказаться тщетными, и тебя на день или больше могут-таки ожидать жирные клопы на тюремных нарах. Что делать в этом случае?

Не терять присутствия духа: это, во всяком случае, еще не смерть. Надо напомнить себе, что все относительно, и жить этим, имея целью сохранить себя как личность, свою жизнь и здоровье. Как-то для себя самого попытаться найти причину-объяснение: почему я здесь и за чем. И жить дальше!

Защищал я как-то парня, обвинявшегося в изнасиловании. Дело было сложным, с трудом удалось добиться лишения свободы на три года, при том что статья предусматривала от пяти до пятнадцати. Сникшего, убитого горем парня взяли под стражу в зале суда. А через три дня я приехал к нему в камеру и поразился: он улыбался! «Вы что, в нашей камере только у меня трешка, а у остальных по той же статье шесть, восемь и даже одиннадцать. Мне еще повезло! Все относительно!» И еще он сказал, уговаривая меня, а еще больше себя: «Судьба и так меня баловала. Мне всего двадцать пять, а у меня красавица жена, сын, квартира, машина, деньги. Когда-то надо было платить за такие успехи. Вот судьба меня чуть и тормознула. Но это – чуть. Через два года одиннадцать месяцев и двадцать семь дней я все наверстаю, но буду умней!»

Я, к сожалению, почти ничего не знаю о том, как живут там. Да и говорят, что человеку несидевшему это понять и передать невозможно. Но на всякий случай почитай «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына или «Перевернутый мир» Л. Самойлова («Нева» № 4 за 1989 год) – там не врут, оттуда ты почерпнешь много. Дай бог, чтобы тебе эти знания не понадобились. Но лучше готовиться и не попасть туда, чем попасть неподготовленным вовсе.

Чтобы у тебя действительно не появилось в жизни повода общаться с защитниками правопорядка, лишний раз напоминаю: не укради и не убий, сказал Господь в своих заповедях. Это не только грешно и стыдно, но также и невыгодно. Прежде чем идти на грабеж, например, реши простую задачку. Сумму предполагаемой добычи раздели на тот срок, который тебе придется отсидеть, если тебя поймают. Как бы не



## Юридический практикум

***Могут ли вещественные доказательства в виде громоздких либо многочисленных предметов передаваться для реализации на основании постановления дознавателя, следователя или судьи?***

Как установил Конституционный суд РФ, взаимосвязанные положения подпункта «в» пункта 1 части второй и части четвертой статьи 82 УПК РФ позволяют лишать собственника или законного владельца его имущества, признанного вещественным доказательством, без вступившего в законную силу приговора, которым решается вопрос об этом имуществе как вещественном доказательстве, либо без вступившего в силу решения суда, принятого в порядке гражданского судопроизводства. Указанная норма, по мнению Конституционного суда РФ, направлена не на временное изъятие имущества и его хранение в качестве вещественного доказательства, с тем чтобы создать условия для принятия обоснованного и мотивированного решения по существу уголовного дела, – она имеет целью избежать затруднений или значительных издержек по обеспечению специальных условий хранения громоздких вещей, больших партий товаров и т.п. В результате имеет место не временное изъятие имущества у собственника, а его отчуждение, противоречащее статье 35 Конституции РФ, установившей, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Последующий судебный контроль за законностью и обоснованностью применения указанной меры не может быть признан эффективной гарантией права собственности<sup>1</sup>.

Л., находящийся в местах лишения свободы, обратился в Верховный суд Российской Федерации с заявлением о признании частично недействующими абзацев 12 (без разрешения администрации вывешивать фотографии, репродукции, открытки, вырезки из газет и жур-

<sup>1</sup> Постановление КС РФ от 16.07.2008 г. № 9-П.

налов, предметы культа и иные предметы на стенах, тумбочках и кроватях, содержать животных и птиц, заниматься огородничеством, разводить декоративных рыб, комнатные растения, изготавливать спортивные снаряды, тренажеры), 21 (отправлять и получать почтовую корреспонденцию, минуя администрацию учреждения) пункта 15 и пункта 61 (все письменные предложения, заявления, ходатайства и жалобы направляются по адресу через администрацию ИУ; они регистрируются в отделах специального учета или в канцелярии колонии) ПВР ИУ, ссылаясь на то, что оспариваемые положения нормативного правового акта противоречат действующему законодательству Российской Федерации, нормам международного права и нарушают права осужденных.

ВС РФ в удовлетворении заявленных требований отказал, разъяснив следующее.

В соответствии с частью 1 статьи 82 УИК РФ, режим в исправительных учреждениях – это установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы.

Согласно части 3 статьи 82 УИК РФ в исправительных учреждениях действуют Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (ПВР ИУ), утвержденные приказом Министерства юстиции Российской Федерации по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

Приказом Минюста России от 3 ноября 2005 года № 205 утверждены ПВР ИУ, которые регламентируют и конкретизируют соответствующие вопросы деятельности исправительных учреждений.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд исходит из того, что абзац 12 пункта 15 ПВР ИУ, устанавливающий запрет осужденным вывешивать предметы культа на стенах, тумбочках и кроватях без разрешения администрации, не носит безусловного запрета и не противоречит статье 14 УИК РФ и статье 28 Конституции Российской Федерации, которыми предусмотрено, что каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать любую религию либо не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними.

В целях осуществления указанных прав, в исправительных учреждениях выделяются помещения для отправления осужденными религиозных обрядов, где можно пользоваться предметами культа и религиозной литературой. В случае вывешивания без разрешения администрации предметов культа в общежитиях, столовых и других помещениях по усмотрению каждого осужденного может привести к ущем-

лению прав осужденных, исповедующих иные религии, или атеистов, привести к конфликтам на межконфессиональной почве.

Таким образом, установленный абзацем 12 пункта 15 ПВР ИУ запрет на самовольное, без разрешения администрации исправительного учреждения, вывешивание предметов культа не ограничивает прав заявителя на свободу вероисповедания, является правильным.

Суд обоснованно не согласился с доводом заявителя о противоречии абзаца 21 пункта 15 ПВР ИУ, запрещающего осужденным отправлять и получать почтовую корреспонденцию, минуя администрацию учреждения, требованиям уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, поскольку предусмотренное УИК РФ право осужденных на ведение переписки, получение и отправку посылок и бандеролей не предполагает возможность произвольного выбора осужденным средств и способов его реализации.

В соответствии с частью 2 статьи 91 УИК РФ получаемая и отправляемая осужденными корреспонденция подвергается цензуре со стороны администрации исправительного учреждения. Переписка осужденного с судом, прокуратурой, вышестоящим органом уголовно-исполнительной системы, а также с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации, общественной наблюдательной комиссией, созданной в соответствии с законодательством Российской Федерации, Европейским судом по правам человека цензуре не подлежит. Переписка осужденного с защитником или иным лицом, оказывающим юридическую помощь на законных основаниях, цензуре не подлежит, за исключением случаев, если администрация исправительного учреждения располагает достоверными данными о том, что содержащиеся в переписке сведения направлены на инициирование, планирование или организацию преступления либо вовлечение в его совершение других лиц. В этих случаях контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений осуществляется по мотивированному постановлению руководителя исправительного учреждения или его заместителя.

При таком положении содержащийся в абзаце 21 пункта 15 ПВР ИУ запрет осужденным отправлять и получать почтовую корреспонденцию, минуя администрацию учреждения, соответствует требованиям статьи 91 УИК РФ и не нарушает прав осужденных на ведение переписки с органами власти.

Признавая несостоятельным довод заявителя о противоречии оспариваемого абзаца 21 пункта 15 ПВР ИУ принципу 33 «Свода прин-

ципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме», суд исходит из того, что эта норма международного акта предоставляет право не только задержанному или находящемуся в заключении лицу или его адвокату направлять в соответствующие органы просьбу или жалобу относительно обращения с данным лицом, в случае пыток или другого жестокого обращения, но и члену семьи задержанного или находящегося в заключении лица или какому-либо другому лицу, которое осведомлено об этом деле, направлять в органы, осуществляющие контроль и надзор за учреждениями уголовно-исполнительной системы, просьбу или жалобу, при этом не отменяет установленное законодательством Российской Федерации ограничение права лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, на тайну переписки.

Суд пришел к выводу о том, что не противоречит действующему законодательству Российской Федерации и пункт 61 ПВР ИУ, которым на администрацию исправительного учреждения возложена обязанность по организации работы по направлению поступивших предложений, заявлений, ходатайств и жалоб адресатам, регистрации их в отделах специального учета или в канцелярии колонии и своевременному направлению, так как каких-либо обязанностей данный пункт ПВР ИУ на осужденных не возлагает и право осужденных на ведение переписки не нарушает<sup>2</sup>.

***Противоречат ли Конституции РФ статья 29 и часть 2 статьи 30 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», позволяющие применять по отношению к осужденным специальные средства?***

Нет, не противоречат. Как указал КС РФ, согласно статье 30 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» применение специальных средств возможно лишь в случаях, перечисленных в части первой этой же статьи, при том что интенсивность их применения должна определяться с учетом складывающейся обстановки, характера правонарушения и личности правонарушителя, а причинение вреда осужденным – сводиться к минимуму (часть четвертая). Кроме того, применение сотрудниками уголовно-исполнительной системы физической силы, согласно статье 29 названного закона, допускается лишь в



случае, если выполнение их законных требований ненасильственным способом не обеспечивается и может осуществляться лишь с учетом положений статьи 116 УИК Российской Федерации, раскрывающих содержание понятия «злостное нарушение»<sup>3</sup>.

***Противоречит ли Конституции РФ статья 106 УИК РФ, позволяющая администрации исправительного учреждения привлечь осужденного без его согласия к выполнению обязательных неоплачиваемых работ по благоустройству исправительного учреждения и прилегающих территорий?***

Нет, не противоречит. Как указал в своем определении КС РФ, закрепленные уголовно-исполнительным законодательством требования к осужденным, отбывающим наказание, предполагают необходимость соблюдения ими принятых в обществе правил по обеспечению надлежащего порядка, в том числе правил санитарии и гигиены в местах их проживания и работы. Эти правила предполагают обязательность выполнения ими работ, связанных с благоустройством мест отбывания наказания, которые, как следует из статьи 2 Конвенции МОТ от 28 июня 1930 года № 29 относительно принудительного или обязательного труда (подпункт «е» пункта 2) и статьи 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подпункт «d» пункта 3), не могут расцениваться как принудительный или обязательный труд.

Привлечение осужденных в установленном законом порядке, в том числе в соответствии со статьей 106 УИК РФ, к такого рода работам не может расцениваться и как произвольное возложение на них дополнительных обязанностей, поскольку, назначая осужденному наказание в виде лишения свободы, суд тем самым предопределяет необходимость и возможность использования в силу закона (часть 2 статьи 9 УИК РФ) в качестве одного из основных средств исправления осужденных их привлечение к общественно-полезному труду<sup>4</sup>.

***С., отбывающий наказание по приговору суда в виде лишения свободы, обратился в Верховный суд РФ с заявлением об оспаривании приведенного пункта 162 ПВР ИУ в части слов: «Другие обязанности дежурного могут устанавливаться администрацией ИУ». С. считает, что оспариваемый им в части пункт ПВР ИУ возлагает на осужденных дополнительные обязанности. Так, адми-***

<sup>3</sup> Определение КС РФ от 15.04.2008 г. № 296-0-0.

<sup>4</sup> Определение КС РФ от 15.04.2008 г. № 296-0-0.

***нистрация ИУ издает приказы, обязывающие осужденных делать доклад сотрудникам администрации. Противоречит ли это положение Конституции РФ и УИК РФ?***

Нет, не противоречит. Отказывая в удовлетворении заявленных требований, ВС РФ разъяснил, что ограничения прав и свобод человека и гражданина могут быть связаны с применением в качестве меры государственного принуждения к лицам, совершившим преступления и осужденным за преступление по приговору суда к наказанию в виде лишения свободы.

Особенность такого ограничения состоит в том, что при исполнении наказания на осужденного осуществляется специфическое воздействие, выразившееся в лишении или ограничении его прав и свобод и возложении на него определенных обязанностей.

Что касается непосредственно пункта 162 ПВР ИУ в оспариваемой части, то он является отсылочной нормой и сам по себе не устанавливает каких-либо дополнительных обязанностей для осужденных и не нарушает прав осужденных, предусмотренных статьей 12 УИК РФ<sup>5</sup>.

***Согласно абзацу 3 примечания к пункту 9 Инструкции по применению Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденной Министерством юстиции СССР, Прокуратурой СССР, Министерством финансов СССР 2 марта 1982 года, в случаях, когда гражданин не имел определенных источников дохода по уважительным причинам, размер ущерба определяется исходя из установленного законом минимума заработной платы. Правильно ли это?***

Нет, неправильно. ВС РФ признал это положение частично не действующим, указав, что оно противоречит статьям 1064, 1070 ГК РФ, главе 18 УПК РФ, согласно которым вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, подлежит возмещению в полном объеме<sup>6</sup>.

<sup>5</sup> Определение ВС РФ от 5.08.2008 г. № КАС08-388.

<sup>6</sup> Решение ВС РФ от 13.03.2008 г. № ГКПИ07-1739.

## Что такое пытка?

С уверенностью на все 100% берусь утверждать, что самое многонациональное место нашей страны – тюрьма. Я там был, я там жил, и я, как принято говорить в среде заключенных, за свои слова отвечаю. Воюющие между собой на телеэкранах армяне и азербайджанцы, чеченцы и русские, грузины и абхазцы, евреи и фашисты, коммунисты и некоммунисты мирно уживаются друг с другом, невзирая ни на какие распри их политических лидеров и идейных вдохновителей.

Некоторые люди, пытаясь понять, как обстоят дела в государстве, заглядывают за забор с колючей проволокой. Если все в порядке там, значит, все в порядке вообще. Предлагаю заглянуть. Чем, в конце концов, мы хуже «некоторых» людей?

В 1975 году мне было всего три года от роду. Наряду с этим и некоторыми другими событиями вышеупомянутый год остался в памяти народной еще и в связи с тем, что именно тогда Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Статья первая известного всему цивилизованному миру документа поясняет, что под пыткой подразумевается «любое действие, посредством которого человеку намеренно причиняется сильная боль или страдание, физическое или умственное». 10 декабря 1984 года была принята Конвенция с аналогичным названием, которая предусматривала создание действенных механизмов межгосударственной защиты людей от пыток и прочих зверств. Спустя три года Конвенцию ратифицировал Советский Союз, а мне исполнилось пятнадцать. Я заканчивал школу, подумывал о поступлении в институт, увлекался рок-музыкой,

начал курить, влюбился... Короче говоря, со мной все было в полном порядке. Я нормально рос и подавал немалые надежды, даже не подозревая о том, что когда-нибудь окажусь в тюрьме и сильно изменю свои взгляды на многие вещи, в том числе и на пытки. Я освобожден из мест лишения свободы ровно год назад – в феврале 1999-го. К настоящему моменту я уже восстановился в институт, опять увлекаюсь рок-музыкой, по-прежнему курю и вновь влюблен. Со мной снова все в порядке, словно и не было полутора лет какого-то нелепого, бессмысленного бреда. Именно столько я просидел за решеткой. Именно находясь там, с той стороны забора с колючей проволокой, я изучил Конвенцию по пыткам и твердо решил по освобождении обязательно поделиться некоторыми своими соображениями с окружающими. Затрагиваемая тема весьма пикантна. Она сама по себе находится на грани того, что в народе называется «чернухой». Если не за гранью. Тюремные издевательства, в последние годы фантастически широко освещаемые средствами массовой информации, иногда становятся продолжением этих издевательств, до того подробно и живописно некоторые психически неуравновешенные журналисты смакуют темы гомосексуальных изнасилований, поножовщин и т. д. Но в подобных «сенсационных» материалах очень часто напрочь забывается главное – анализ, отношение, поиск глубинного смысла в происходящем. Понятие «пытка» в России до сих пор не криминализировано, по причине чего отсутствуют какие-либо официальные сведения на этот счет. Итак, давайте попробуем разобраться, что же такое пытка.

Эксперты отмечают следующие особенности рассматриваемой проблемы, имеющие место в настоящее время. О широком применении пыток знают представители всех звеньев уголовного судопроизводства, но считают, что насилие на досудебных стадиях является неизбежным злом, без которого было бы невозможно справиться с нынешним валом преступности. Милиции, дескать, выпала незавидная доля выполнять черную, но необходимую работу. Опросы общественного мнения показывают: большинство респондентов считают, что милиция вправе применять насилие (по крайней мере в особых случаях), даже если оно запрещено законом. Среди тех, кто побывал в милиции, доля относящихся терпимо к насилию бывает выше, чем в среднем. Многие адвокаты также более или менее лояльно смотрят на незаконные способы обращения даже по отношению к собственным подзащитным. Избиения и пытки наиболее распространены на стадии «допроцессуального», нерегистрируемого задержания подозреваемых. С ними, как правило, сталкиваются на уровне обычных отделений мили-

ции, отделов внутренних дел, спецподразделений (ОМОН, СОБР), при проведении широкомасштабных войсковых операций по борьбе с организованной преступностью. Следователи прокуратуры применяют пытки гораздо реже, чем следователи ОВД или дознаватели. В различных регионах России пытки часто имеют одни и те же названия («сло-ник», «ласточка», «конвертик», «смерть Бонивура», «распятие Христа» и т. д.) и похожие технологии исполнения. Все чаще применяются так называемые «квалифицированные пытки», не оставляющие никаких следов и видимых повреждений на теле истязаемого (электроток, удары мешками с песком, удары по болевым точкам и т. п.). Изменился характер пыток с точки зрения целей и мотивов. Широкое распространение получило вымогательство. Зачастую к пыткам прибегают для решения личных проблем – сексуальных, психологических, связанных с обслуживанием коммерческих и криминальных структур. Известен ряд случаев немотивированных пыток. Имеют место отдельные эпизоды, когда издевательствам подвергались не только задержанные, подозреваемые и обвиняемые, но и свидетели, а также потерпевшие.

Все мы помним фразу любимого многими киногероя Жеглова: «Вор должен сидеть в тюрьме». Теперь давайте задумаемся в смысл афоризма. Получается странное дело. Безобидное и непогрешимое на первый взгляд крылатое изречение по сути своей отражает наше реальное отношение к происходящему. У нас сформированы определенные стереотипы мышления. То, что в цивилизованном обществе дико, нами воспринимается как нечто вполне допустимое. Если внимательно прочитать Уголовно-процессуальный кодекс, то нетрудно будет убедиться в том, что практически любого человека, совершившего правонарушение, можно арестовать. Для следователя подобный поворот очень выгоден. Не надо выписывать повестки, назначать встречи, мучить себя составлением протоколов. Подозреваемый сидит себе в камере и пускай сидит. Себе же хуже делает. А поскольку даже сразу признавшие вину заключенные ждут вынесения приговора многие месяцы, то чего уж там говорить о строптивых. Следователю спешить некуда. Он готов в интересах следствия, разумеется, держать человека в тюрьме, добиваясь от него, за неимением иных доказательств, «чистосердечного признания» столько, сколько сочтет нужным. Можно год. Можно и больше. В зависимости от обстоятельств. И суд, как правило, сочувственно относится к «интересам следствия» и выносит решение о содержании подозреваемого под стражей. Я встречал людей, просидевших в следственных изоляторах (СИЗО) в ожидании приговора более пяти лет.

Теперь предлагаю заглянуть в камеру общего режима, где содержится подавляющее большинство подсудимых. Особенно живописать не буду. Тема эта одновременно настолько злободневна и спекулятивна, что обстоятельства быта заключенных читателю известны неплохо. Напомню лишь пару подробностей. Люди спят в три-четыре смены и живут в таких условиях, при которых нет возможности содержать себя в чистоте и хотя бы в относительной сытости. В некоторых камерах на одного человека в среднем приходится менее одного квадратного метра площади. Когда на улице тепло – в камере нечем дышать, стены становятся влажными от испарений, люди теряют сознание от духоты. Когда на улице жарко – в камере некоторые дышать перестают совсем, а вода со стен бежит ручьями. Разве это не пытка? Думаю, если преступника насильно в тридцатиградусную жару поместить в переполненный такими же преступниками автобус на пару лет, это будет называться именно так и никак иначе. Невзирая на личность и психологические особенности конкретного человека.

Но страдание страданию рознь. Можно время от времени из переполненного автобуса какого-нибудь «пассажира» вытаскивать и делать из него «конвертик». Истязуемого принуждают сесть, поджав под себя ноги, сверху наваливается палач и сплющивает жертву. После человека закрепляют в таком положении веревками или ремнями и оставляют на длительное время. Когда жертва теряет сознание, ее приводят в чувства ударами резиновой дубинки по почкам. Можно и по голове. Помните архаичную для начала третьего тысячелетия дыбу? Помните Ивана Грозного, помешивающего угли под котлами, в которых варятся люди? Теперь, думаю, запомните и «конвертик». Хочется верить, что когда-нибудь он станет историей и постепенно его совсем забудут.

Самым распространенным издевательством была и остается так называемая «растяжка». Фактически, это выглядит узаконенным мучением. Данную пытку можно часто увидеть в телевизионных программах, посвященных проблемам борьбы с преступностью. Сотрудники милиции, позволяющие снимать на видео человека в «растяжке», по видимому, считают ее вполне законной. Человека заставляют садиться чуть ли не в шпагат, при этом широко расставив руки и максимально выгнув корпус вперед. Пара часов такого времяпрепровождения – и подопытный (термин вполне уместный) долго хромает на обе ноги и мучается болями в пояснице. Для заключенного, сидящего давно, «растяжка» – процедура привычная. Что касается телесных наказаний, то необходимо упомянуть еще о битье по пяткам. Эта весьма популярная мера взыскания (пришедшая на Русь вместе с татаро-монгольским игом

из Китая) призвана выбивать дурь из непокорного узника и приводит к опущению почек. Есть и другие не менее средневековые методы напоминания о том, кто есть кто. Помните пословицу: «Закон – тайга, медведь – хозяин»? Она именно про это.

На протяжении столетий пытка оставалась главным средством добычи доказательств вины подозреваемого в совершении преступления. Если полистать литературные памятники, то не останется никаких сомнений в том, что истязания были в Средние века чем-то вроде правил хорошего тона по отношению к не желавшим признавать вину и каяться в содеянном. В России борьба с пытками и необоснованно длительными досудебными арестами началась с появлением написанного самой Екатериной Второй «Указа о вольности дворянской». А ее же «Наказ» от 30 июля 1776 года, составленный для Комиссии по выработке нового Уложения законов, содержал 227 статей, посвященных уголовному праву. Но, увы, размышления императрицы так и остались на тот момент не более чем досужими рассуждениями весьма и весьма продвинутой женщины. В 1801 году Александр I пишет свой Указ, в котором печатно требует, чтобы «само название „пытка“, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было из памяти народа». В 1863 году Александр Второй отменяет телесные наказания для всех граждан Российской империи, во многом опираясь в своей законотворческой деятельности на труды Екатерины Великой. Открыв Конституцию РФ, во второй части 21 статьи читаем: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Из века в век кочуют гуманные идеи и одновременно с ними факты нереальных, непостижимых зверств, признающиеся в официальных документах и докладах, вплоть до предоставленных Комиссиям ООН. По каким-то непонятным для нормального человека причинам по сию пору люди продолжают, подчас совершенно безнаказанно, издеваться над людьми. В законодательстве напрочь отсутствует как таковое понятие «пытка». С чем же тогда бороться? Вопрос вполне уместный.

За время своего пребывания в местах лишения свободы я, будучи по натуре человеком творческим, вел что-то вроде дневника, фиксируя всевозможные наблюдения. Приведу одно из них:

Одиночная камера. Не побывавший в ней человек никогда не поймет, что же такое на самом деле одиночество, а испытавший на своей шкуре прелесть длительной изоляции вряд ли захочет по доброй воле повторить этот печальный опыт еще раз. Через несколько дней тишины начинаешь реже курить. Шипение тлеющей в пальцах сигареты и

пепел, вдребезги разбивающийся о цементный пол, оглушают. Вокруг звучат проносающиеся в мозгу мысли. Они отражаются от стен и эхом, гвоздями, с болью вбиваются через ушные раковины обратно в голову. Собственное дыхание неожиданно обнажает хрипы прокуренных легких, и слово «туберкулез» становится навязчивым, вызывающим панику в каждой клетке уставшего от длительного покоя и голода организма. Чаще всего тубик приходит именно туда – в зацементированные склепы, в которых вместо солнца и луны круглосуточно светит электрическая лампочка. Чаще всего люди возвращаются оттуда двинутыми на всю башку. Первое время они кажутся прозрачными и странно смеются – одними губами. Или не смеются вовсе. Такое тоже случается. Те, кто нутром посильней, через день-другой очухиваются. Остальные так и ходят глушеными.

На сегодняшний день практически в каждой тюрьме и во многих зонах есть специально отведенные помещения для ВИЧ-инфицированных, многие из которых больны открытой формой туберкулеза. По окончании срока человек выходит на свободу и попадает к нам. Если так пойдет дальше, то в обозримом будущем мы превратимся не только в самый преступный, но и в самый больной народ планеты Земля. Всемирная организация здравоохранения ООН объявила лекарственно-устойчивую форму туберкулеза самым опасным инфекционным заболеванием XXI века. Уже сегодня можно говорить об эпидемии, которую очень трудно остановить. Курс лечения стоит в России несколько тысяч долларов. Мало кто сможет найти такие деньги. Да и процент излечения даже с помощью новых препаратов невысок. Эта проблема – следствие безумной политики, проводящейся десятилетиями. Пока Россия не доведет свое тюремное население до приемлемой численности, не найдется выхода из старого, еще гулаговского тупика. Сейчас в нашей стране на 1000 человек приходится 8–9 зэков. В Европе на 1000 человек – один зэк. Наши тюремные стены превратились в Великую Китайскую, ими опоясана вся страна. Смехотворные амнистии не способны выправить ситуацию. И не надо тешить себя иллюзией непричастности к тем или иным событиям. Отвернуться – еще не значит спрятаться. Туберкулез – красноречивое напоминание всем о том, что посторонних в жизни не бывает. От выращенной за решеткой палочки Коха не спасут заборы с колючей проволокой.



---

запросто угодить за решетку. Тюрьмы и лагеря переполнены случайными людьми, которых изредка встречающиеся профессиональные преступники называют «пассажирами» или «далекими». Говоря о пытках, совсем необязательно смаковать подробности конкретных патологических эпизодов. Справедливости ради необходимо сказать, что далеко не все работники органов внутренних дел являются садистами, извращенцами и взяточниками. Многие до конца остаются обыкновенными мужчинами и женщинами, добросовестно выполняющими свою работу. Именно они, наряду с арестантами, составляют группу риска, ежедневно контактируя с туберкулезниками, а следовательно, ежедневно подвергаясь страшной опасности заразиться. Ежегодно ТБ заболевают тысячи работников тюрем и лагерей, включая медперсонал. Издевательским по своей сути можно назвать законодательство, а пыточным – само взятие под стражу и даже, более того, причастность к так называемой «правоохранительной системе». Отношение порождает отношение.

## ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

[www.zashita-zk.org](http://www.zashita-zk.org)

e-mail: [info@zashita-zk.org](mailto:info@zashita-zk.org)

### Акции протеста и нарушения прав заключенных: июнь – сентябрь 2008 года

#### Свердловская область

*25 июня 2008 года*

В ФГУ ИК-62 **заключенные в знак протеста зашили себе рты и объявили голодовку**. Информация поступила от осужденных, которые пояснили, что к ним применяют физическое насилие и спецсредства (резиновые палки, газовые баллончики) без законных на то оснований, а также постоянно унижают человеческое достоинство, высказывают угрозы расправы, оказывают давление через других заключенных, водворяют в изоляторы.

Протестующими осужденными было оформлено и подано заявление о голодовке на имя начальника колонии о том, что голодовка будет прекращена только после встречи с прокурором по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях. Сотрудник администрации колонии встретился с осужденными, объявившими голодовку. Но беседа не была конструктивной – разговор строился на одних угрозах осужденным в применении коллективного наказания ко всем заключенным, если они не прекратят обжаловать действия администрации.

Прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях прибыл в колонию для беседы с осужденными только 24 июня. Прокурор отказался представиться, беседа с ним продолжалась не более 5 минут. День начала голодовки был зафиксирован лишь с 24 июня, хотя на тот момент голодовка длилась уже 7 дней. После встречи с прокурором голодовка осужденными снята не была, поскольку

ку он отказался выслушать осужденных, принять у них жалобы, мотивируя это отсутствием времени.

Фонд «В защиту прав заключенных» направил обращения прокуро-ру и начальнику ГУФСИН по Свердловской области с просьбой неза-медлительно провести проверку данной информации, провести личные встречи с осужденными, взять у них объяснения, обеспечить им безо-пасность, привлечь виновных должностных лиц к ответственности.

## Калининградская область

*30 июня 2008 года*

В исправительной колонии строгого режима № 9, расположенной в Калининграде на проспекте Победы, **повесился 25-летний заклю-ченный** Евгений Овчинников. Овчинников был осужден в 2002 году Светлогорским городским судом за убийство сроком на 8 лет. В насто-ящее время Следственный комитет проводит проверку факта суицида.

В свою очередь региональное отделение коалиции «Другая Рос-сия» распространило сообщение, в котором говорится, что сами осуж-денные колонии «придерживаются мнения», что погибшего забили до смерти сотрудники колонии, на противоправные действия которых он уже неоднократно жаловался в прокуратуру. Реакции на это сообще-ние со стороны правоохранительных органов пока не поступало.

По данным Управления ФСИН по Калининградской области, в 2007 году в местах лишения свободы региона имели место 6 случаев суицида среди заключенных.

## Удмуртия

*2 июля 2008 года*

Удмуртской прокуратурой по надзору за исполнением законов в исправительных учреждениях в ходе проверки Федерального бюджет-ного учреждения исправительной колонии № 8 УФСИН РФ по УР **уста-новлены нарушения привлечения осужденных к труду и начисле-ния им заработной платы.**

По данным прокуратуры Удмуртской Республики, в ходе проверки было установлено, что на участке «Термопластавтомат» Центра трудо-вой адаптации осужденных ИК-8 в выходные и праздничные дни дол-жным образом не производилась, выход осужденных на работу в ука-занные дни в табель рабочего времени не включался. Кроме того, было установлено, что размер заработной платы ряда осужденных был ниже

установленного минимального размера оплаты труда. Одному из осужденных, работавшему на указанном участке, в нарушение Трудового кодекса РФ администрацией не предоставлялся еженедельный непрерывный отдых в течение не менее 42 часов.

Удмуртским прокурором по надзору за исполнением законов в исправительных учреждениях начальнику исправительной колонии внесено представление об устранении выявленных нарушений и привлечении к ответственности виновных лиц.

### Омская область

*3 июля 2008 года*

В ходе проверки, проведенной прокуратурой Омской области, **вскрыты многочисленные нарушения в части обеспечения безопасных условий труда осужденных**, отбывающих наказание в учреждениях УФСИН России по Омской области.

Как сообщает пресс-служба облпрокуратуры, вопреки требованиям трудового законодательства лица, отбывающие наказание в исправительных учреждениях, привлекаются к работе без прохождения обучения безопасным методам и приемам труда, а также назначаются на опасные работы, не имея соответствующих удостоверений на право осуществления той или иной деятельности, требующей специальных знаний и умений. Выявлены факты незаконной выдачи осужденным документов, якобы подтверждающих их квалификацию и оправдывающих назначение на опасные производственные участки.

В целях устранения допущенных нарушений закона и недопущения подобного впредь прокуратурой Омской области руководителям 6 исправительных учреждений внесены представления, на незаконные правовые акты принесено 11 протестов.

### Тольятти

*14 июля 2008 года*

В прокуратуру по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Тольятти поступила жалоба осужденного Павла Назарова на действия руководства исправительного учреждения ИК-16, постановлением которого на Назарова было наложено дисциплинарное взыскание в виде выговора за то, что он вечером 26 марта проник на нулевой рубеж учреждения и был задержан во время переброса запрещенных предметов.

Прокурорская проверка показала, что в это время Павел Назаров находился на своем рабочем месте, следовательно, не мог допустить нарушение, за которое на него было наложено взыскание. По результатам проверки **жалоба осужденного признана прокурором обоснованной**, дисциплинарное взыскание Павла Назарова отменено, а по факту нарушения должностными лицами колонии требований действующего уголовно-исполнительного законодательства в адрес начальника ИК-16 внесено представление с требованием о привлечении виновных лиц к дисциплинарной ответственности.

## Екатеринбург

16 июля 2008 года

В СИЗО-1 Екатеринбурга зафиксирован **случай гибели подследственного**. 10 июля от приступа удушья, вызванного жарой, духотой и переполненностью камеры, погиб подозреваемый Шавхат Курбонов 1962 г. р.

В пресс-службе ГУ ФСИН РФ по Свердловской области подтвердили факт гибели подследственного и пояснили, что официально причиной гибели стала острая сердечная недостаточность.

«Людям хоть и тяжело сидеть в таких условиях, но у нас они не погибают от удушья. Понятно, что мы не можем установить кондиционеры в камерах. Но наши сотрудники открывают глухие двери камер для вентиляции, оставляя только решетки, и выдают питьевую воду в неограниченных количествах», – заявили в пресс-службе ГУ ФСИН области.

## Самарская область

28 июля 2008 года

Самарская прокуратура по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях проверила исполнение администрацией исправительной колонии № 26 ГУ ФСИН России по Самарской области требований Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Проверкой выявлены **факты несвоевременного вручения лицам, отбывающим наказание в колонии, постановлений о результатах рассмотрения судом их ходатайств об условно-досрочном освобождении**, что лишает осужденных возможности своевременно обжаловать судебные решения или приносить возражения на представление прокурора о несогласии с условно-досрочным освобождением. В адрес начальника учреждения прокурор внес представление об устранении выявленных нарушений.

### Алтайский край

29 июля 2008 года

25 июля эксперту Фонда «В защиту прав заключенных» поступил сигнал о том, что в исправительной колонии № 10 Алтайского края (г. Рубцовск) **произошло убийство двух заключенных, трое других заключенных тяжело ранены**. Сразу после инцидента все заключенные колонии были блокированы в бараках и о происходящем узнавали от надзирателей. Поэтому в качестве первой версии было озвучено то, что давно обсуждали в колонии: администрация мстит за строптивость одного из заключенных, который направил жалобу в Европейский суд по правам человека на ненадлежащие условия содержания в колонии. Жалоба была признана приемлемой, и Россия направила по ней меморандум в Страсбург.

Однако 27 июля выяснилось, что события развивались иначе. 25 июля распоряжением начальника колонии пятеро осужденных, входивших в секцию дисциплины и порядка, были переведены в рабочий отряд, где у них произошел конфликт с другими заключенными. В результате столкновения двое активистов были убиты, а трое – тяжело ранены инструментами из мебельной мастерской. Фонд сообщил о трагическом инциденте в СМИ и направил обращение в органы прокуратуры с просьбой провести проверку в порядке прокурорского надзора. Фонд направил обращение к Уполномоченному по правам человека в РФ Владимиру Лукину с просьбой взять под свой контроль проверку трагических событий в ИК-10 Алтайского края.

### Хакасия

1 августа 2008 года

31 июля прокуратурой Хакасии окончена проверка соблюдения требований законодательства в ФБУ «Исправительная колония 29 Управления федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Хакасия». При проведении проверки **исследованы вопросы соблюдения законности содержания осужденных в колонии, привлечения их к общественно-полезному труду, соблюдения законодательства о материально-бытовом и медицинском обеспечении и другие**.

Исправительная колония № 29 – колония общего режима, предназначенная для отбывания наказания осужденных к лишению свободы женщин. На момент проверки в колонии отбывали наказание 469 осужденных. В учреждении содержатся женщины, совершившие преступления в Хакасии, Туве и Республике Алтай и Алтайском крае.

Проверкой установлено, что в нарушение требований уголовно-исполнительного законодательства России в колонии не соблюдается норма жилой площади. Законом эта норма установлена в три квадратных метра, однако в среднем по учреждению составляет около двух квадратных метров на одну осужденную. Указанное нарушение закона обусловлено переполненностью колонии, отсутствием помещений для размещения осужденных.

Кроме того, до настоящего времени третья часть отбывающих наказание женщин не обеспечены оплачиваемой работой, что отрицательно сказывается на процессах исправления и перевоспитания, лишает осужденных возможности принимать меры к заглаживанию причиненного преступлением имущественного вреда. В адрес начальника Управления ФСИН РФ по РХ внесено представление об устранении выявленных нарушений законодательства.

### **Амурская область**

*7 августа 2008 года*

Прокуратура Амурской области провела проверку соблюдения законности в следственном изоляторе областного УФСИН России. **Установлен факт незаконного содержания в изоляторе 11 осужденных.** В нарушение требований ст. 75 Уголовно-исполнительного кодекса РФ администрация изолятора не направила в течение 10 дней со дня вступления приговора в законную силу этих осужденных к лишению свободы в исправительные колонии.

Кроме того, были выявлены факты незаконного отказа в предоставлении свиданий обвиняемых с лицами, допущенными по постановлению суда к участию в уголовных делах в качестве защитников.

Заместитель прокурора области внес представление начальнику следственного изолятора УФСИН России по Амурской области о немедлительном этапировании осужденных в исправительные учреждения и привлечении виновных должностных лиц к дисциплинарной ответственности.

### **Якутск**

*8 августа 2008 года*

В исправительной колонии № 1 в Якутске **16 заключенных порезали себе вены в знак протеста против попыток привлечь их к работе.** Официальных заявлений о причинах произошедшего пока нет.

По заявлению куратора Республиканского комитета профсоюза осужденных Натальи Зарубиной, причиной подобного радикального протеста стала попытка администрации исправительного учреждения заставить заключенных работать в промзоне колонии.

В итоге из 16 человек, поддержавших акцию протеста, один оказался в критическом состоянии и был отправлен в больницу. Остальным 15 операции были сделаны на территории колонии.

### Краснодарский край

*14 августа 2008 года*

В спецчасть следственного изолятора № 1 Краснодара поступило заявление 38-летнего Анатолия Атаева о *начале голодовки*. Таким образом заключенный выразил свой протест против действий начальника СИЗО полковника Владимира Николаева, вот уже девять дней удерживающего Атаева под арестом вопреки решению Октябрьского районного суда Краснодара о немедленном освобождении по УДО.

«Последнее время Атаева перебрасывают из камеры в камеру СИЗО, предлагают ему пройти какое-то собеседование на детекторе лжи, – заявил адвокат заключенного Александр Речкин. – Может быть, хотя бы задним числом получить основание для невыполнения решения суда».

7 августа адвокаты Атаева направили жалобу к руководству ГУ ФСИН по Краснодарскому краю, а также обратились за помощью к правозащитной организации «Комитет против пыток». Юристы комитета усмотрели в действиях начальника СИЗО признаки сразу нескольких преступлений: незаконное содержание под стражей, превышение должностных полномочий и злостное неисполнение решения суда. 8 августа правозащитниками была направлена срочная телеграмма в прокуратуру Краснодарского края с требованием принять меры к освобождению Атаева, а также с заявлением о преступлении, совершенном начальником СИЗО. В среду аналогичная телеграмма была направлена в Генпрокуратуру.

Реакции на эти действия адвокатов и правозащитников до сих пор не последовало. Вот почему освобожденный, но не выпущенный на свободу Атаев начал голодовку.

### Челябинская область

*26 августа 2008 года*

Магнитогорской прокуратурой по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях проведена проверка по обращению



бывшего осужденного о порядке начисления ему денежных выплат в период нахождения в колонии, в ходе которой выявлены нарушения.

Установлено, что администрацией ФГУ ИК-18 ГУ ФСИН России по Челябинской области вопреки требованиям федерального законодательства о государственной социальной помощи и требованиям уголовно-исполнительного законодательства **незаконно удерживались денежные средства из ежемесячных выплат осужденных-инвалидов.**

Сотрудники бухгалтерии на основании распоряжения Главного управления федеральной службы исполнения наказаний России по Челябинской области производили удержания в доход государства за питание, коммунально-бытовые услуги и вещевое довольствие из денежных средств, перечисляемых осужденным-инвалидам взамен социальных услуг на основании Федерального закона от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи».

Прокурором внесено представление начальнику ГУ ФСИН России по Челябинской области об устранении нарушений закона, опротестовано незаконное распоряжение бухгалтерии. Главному бухгалтеру исправительной колонии № 18 объявлено предостережение о недопустимости нарушений закона. Требования прокурора удовлетворены.

## Пермь

*29 августа 2008 года*

В августе Пермской прокуратурой по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях проведена комплексная проверка в исправительной колонии № 30 ГУ ФСИН России по Пермскому краю.

В ходе проверки **выявлены грубейшие нарушения трудовых прав осужденных**, трудоустроенных в качестве учеников на производственном предприятии исправительной колонии, в части размера заработной платы.

Требования Трудового кодекса РФ обязывают работодателя выплачивать ученикам в период ученичества стипендию, размер которой не может быть ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда. Однако 23 осужденным, трудоустроенным в качестве учеников и отработавшим полную месячную норму, в нарушение данной нормы за июль 2008 года была выплачена стипендия ниже минимального размера оплаты труда – 2300 рублей.

По результатам комплексной проверки прокурором по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях в адрес начальника ФБУ ИК-30 внесено представление об устранении нарушений трудовых прав осужденных.

### Амурская область

4 сентября 2008 года

Амурский межрайонный прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях направил в суд **уголовное дело в отношении сотрудников исправительного учреждения**, обвиняемых в превышении полномочий.

Установлено, что 21 мая 2008 года около 8 часов 30 минут в помещении оперативного дежурного федерального бюджетного учреждения исправительной колонии № 5 УФСИН России по Амурской области находились сотрудники колонии Сергей Журавлев и Аркадий Кузин. Они незаконно применили к осужденному Б. физическую силу и специальные средства, резиновую палку ПР-73.

«Своими действиями Журавлев С. и Кузин А. причинили осужденному телесные повреждения, не причинившие вреда здоровью, которые возникли, как считает следствие, минимум от 12 ударов, нанесенных по различным частям тела», – рассказали работники прокуратуры.

По их словам, санкция указанной статьи предусматривает каждому из обвиняемых наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет.

### Свердловская область

10 сентября 2008 года

Свердловская прокуратура провела проверку исполнения законодательства при применении к лицам, осужденным на лишение свободы, мер взыскания. В ходе проверки были **выявлены многочисленные нарушения**. Среди них: нахождение осужденных в штрафных помещениях без оформления документов, подтверждающих законность и обоснованность привлечения их к дисциплинарной ответственности, а также необорудованные комнаты для проведения воспитательной работы с осужденными.

Кроме того, администрациями исправительных колоний нередко налагаются взыскания на виновных без учета характера и тяжести допущенного ими нарушения. К примеру, в одной из исправительных колоний осужденный, нарушивший распорядок дня (сон в неустановленное время), администрацией учреждения был подвергнут взысканию в виде водворения в ШИЗО сроком на 15 суток, в то время как другой осужденный, допустивший более тяжкий проступок (употребление спиртных напитков), был водворен в ШИЗО только на двое суток. Администрациями нарушаются и требования закона при подго-

товке материалов для решения судом вопроса об условно-досрочном освобождении осужденных.

В связи с этим прокуратурой Свердловской области в адрес начальника ГУ ФСИН России по Свердловской области внесено представление об устранении нарушений законодательства и привлечении виновных лиц к ответственности.

## **Волгоград**

*16 сентября 2008 года*

**Многочисленные нарушения выявлены проверкой прокуратуры Волгоградской области** в волгоградской колонии-поселении № 3. Осужденные, отбывающие наказание в колонии-поселении, привлекались к труду на двадцати объектах Волгограда и области. При этом их трудоустройство осуществлялось через посредническую фирму, на которую договором были возложены обязанности осуществления контроля и надзора за поведением осужденных и даже проведение розыскных мероприятий в случае побега осужденных.

Кроме того, в договоре между колонией-поселением и администрацией фирмы-посредника не конкретизировались объекты, на которые направлялись осужденные. Не соблюдался порядок вывоза осужденных с режимной территории и перевозки их к месту работы. Осужденные привлекались к труду за пределами колонии без учета особенностей их личности, склонности к побегам и совершению преступлений.

Все эти нарушения способствовали тому, что в этом году четверо заключенных совершили побег, самовольно покинув рабочие места. Сейчас они возвращены в места лишения свободы и привлечены за побег к уголовной ответственности. В адрес руководства ГУ ФСИН и колонии внесено четыре представления, шесть должностных лиц привлечено к дисциплинарной ответственности, в арбитражный суд направлены четыре иска о признании частично недействительными договоров о трудоустройстве осужденных.

## **Самара**

*25 сентября 2008 года*

Фонд «В защиту прав заключенных», движение «За права человека» и Московская Хельсинкская группа начинают общественное расследование ситуации в колонии ИК-6 в Самаре (поселок Управленческий), где **23 сентября произошел бунт заключенных.**

По информации ГУ ФСИН РФ по Самарской области, заключенные устроили драку, а затем подожгли постройки на территории исправительного учреждения. Согласно официальным сообщениям, драка произошла между активистами и простыми осужденными. Есть пострадавшие – несколько человек госпитализировано, один из них находится в крайне тяжелом состоянии. 24 сентября под завалами сгоревшего барака было обнаружено обгоревшее тело осужденного 1980 года рождения.

Как сообщили осужденные, сначала возник пожар в бараке усиленного режима (БУР). Специально никто барак не поджигал. Заключенные не могли выйти из закрытого барака, при этом сотрудники администрации не торопились открывать двери БУРа. Осужденные начали выпрыгивать из окон верхних этажей. Вернувшиеся из промзоны осужденные бросились ломать двери БУРа. Затем возникла драка между работающими осужденными и активистами «секции дисциплины и порядка». Поводами для конфликта стали пожар и бездействие администрации колонии во время чрезвычайного происшествия.

Но основной причиной было накопившееся недовольство осужденных общей ситуацией в колонии. Например, после активного протеста по условиям содержания (9 мая 2008 года) вместо улучшения условий из ИК-6 были вывезены все осужденные, обращавшиеся в органы власти. Заключенные жалуются, что администрация стала «закручивать гайки». Активисты «секции дисциплины и порядка» получили распоряжение жестоко подавлять любые ростки недовольства среди осужденных, что они и делали по-своему: дежурные активисты секции на выходе в промзону буквально обирали проходящих через КПП рабочих-осужденных: отбирали продукты и сигареты, при этом издевались.

В середине октября 2007 года из ИК-6 Самарской области в спешном порядке были вывезены осужденные, которые были свидетелями жестокого избиения осужденного Вячеслава Подангина 19 сентября и его смерти, наступившей 3 октября. Избивали осужденного Подангина сотрудники администрации колонии, которые продолжают исполнять свои обязанности в этой колонии, несмотря на возбужденное уголовное дело по данному факту. Несколько осужденных – свидетелей убийства Подангина – находятся также в ИК-6.

Следственным управлением следственного комитета при прокуратуре РФ по Самарской области в связи с событиями 23 сентября возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 212 (организация массовых беспорядков), ч. 2 ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества). На месте инцидента работает следственная группа и идет прокурорская проверка.



Центр содействия реформе уголовного правосудия

# ТЮРЬМА И ВОЛЯ

**Центр содействия реформе уголовного правосудия** – старейшая правозащитная организация, которая занимается проблемами заключенных, уголовного правосудия и исполнения наказания.

**Центр был создан в 1988 году** бывшими политзаключенными при поддержке академика Андрея Сахарова.

Директор Центра – Валерий Абрамкин – бывший политзаключенный, сегодня – член Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

**Центр осуществляет разработку законодательных и других предложений**, направленных на гуманизацию условий содержания заключенных, на проведение тюремной и судебной реформ, внедрение в пенитенциарную практику альтернативных методов наказания, на сокращение численности тюремного населения России.

В последние годы Центр ведет большой проект по социальному сопровождению несовершеннолетних правонарушителей.

Ведется **пропагандистская и информационно-просветительная работа**, призванная обеспечить общественную поддержку реформаторским силам.

**Центр выпустил** сотни книг, брошюр (в том числе серии «Знай свои права!»), буклетов, листовок и плакатов, подготовил более тысячи публикаций, аудио- и видеосюжетов для СМИ.

Нашу **еженедельную радиопередачу «Облака»** о проблемах заключенных (выходит на волнах «Радио России» с 1992 года) слушает 25% взрослого населения России.

Работу Центра всесторонне отражает **сайт** <http://www.prison.org>

Здесь вы найдете информацию о тюремных нравах и обычаях, о судьбах известных арестантов, о сегодняшнем положении в местах заключения, о своих правах на защиту, о важнейших текущих изменениях в законодательстве и многое другое.

**Внимание!** На сайте публикуется новая серия брошюр Центра: «Нормативно-правовые акты для уголовно-исполнительной системы». В нее вошли в том числе брошюры «Правила внутреннего распорядка ИУ»; «Правила внутреннего распорядка СИЗО»; «УДО и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания».

Марута Гойло

### Магнетизм решетки

Проект на 400 миллионов латов (около миллиарда долларов) для развития инфраструктуры латвийских тюрем в обществе вызвал справедливое возмущение. «Их дешевле расстрелять!» С точки зрения сухих подсчетов с этим не поспоришь. Особенно когда уровень инфляции достиг 16 процентов в месяц, а мировые цены на нефть не оставляют никаких надежд на «прекрасное далеко», когда концы с концами уже не сводятся не только у пенсионеров, но и в работающих семьях, особенно с маленькими детьми. Все труднее аргументировать необходимость создания человеческих условий в тюрьме, если на воле они становятся все более бесчеловечными. Да и как относиться к чувствам потерпевших, пока тоже не совсем ясно.

Кроме того, до сих пор непонятно, о какой борьбе с преступностью идет речь. Сегодня состав и количество преступлений до смешного мало зависят от юстиции. Насчитывается 220 факторов, влияющих на преступность. Правоохранительные органы способны воздействовать лишь на десятую часть, да и то в лучшем случае. А еще просматривается как минимум шесть относительно новых видов преступлений – компьютерные, киднеппинг, преступления, связанные с веществами массового поражения, терроризм, оборот наркотиков и оружия. При этом нет ни одной отрасли криминального бизнеса, которая бы «приказала долго жить».

Преступления были, есть и всегда будут, на Земле они исчезнут только вместе с последним человеком. Неизменным остается и само понятие тюрьмы. Оно во все времена было абстрактно и пугающе, обречено на пристальное и недоброжелательное внимание. Скука, тоска и

---

Марута Гойло – врач, доктор педагогических наук, академик Российской академии социальных наук.

омерзение – главное, что испытывает человек в тюрьме. От нее веет чем-то оскорбительным, запретным, а приговор суда всегда унижен и похож на публичную казнь.

Сегодня в мире около восьми миллионов на небо смотрят через щель возле потолка, а это – государство средних размеров. Люди время от времени отправляются за решетку, порой независимо от содеянного. Человека могут осудить и по абсолютно не зависящим от него причинам. «Был бы человек, статья найдется». Эти слова еще не один век переживут. Бесспорно и то, что у все большего и большего количества людей оказывается не только криминальное прошлое, но и криминальное настоящее. Иначе просто невозможно выжить!

Огромное количество людей проходят через тюрьму и болеют тюрьмой. Показатели упрятанных за решетку на сто тысяч человек составляют от 50 до 150, но это в тех странах, которые в мире вообще имеют хорошую репутацию. На постсоветском пространстве сажают много, а Россия вообще традиционно «сидящая» страна. Легко посчитать, что каждый четвертый взрослый мужчина в России бывший заключенный. Но больше всего людей умудрились отправить в тюрьму в Америке. Там вообще постоянно сажают все больше и сроки становятся все длиннее. Американцы уже давно обогнали Советский Союз образца 37-го года.

Со стороны государства отношение к уголовному миру абсурдно. Борьба с преступностью ведется только беспредельным расширением карательных мер, репрессии являются глобальным «ответом» на ситуацию. Как-то незаметно средства борьбы с преступностью привели к зависимости от этих средств, к социальной наркомании. А в бесконечных реформах заключенные как живые люди просто забыты. Как будто это герои виртуальной игры, которые не живут среди «порядочных людей». Тем временем все чаще и чаще условия тюрьмы проецируются наружу – несомненно, решетка имеет свойство магнита. Чего стоит, например, повсеместно распространенная разновидность офисной усталости, когда человек морально и физически устает от кучности. Ее так и назвали – «тюремный синдром».

«Тюрьма – это сфера обслуживания, всего лишь предприятие, и потребность в таких услугах стремительно растет». Это слова Джона Фергюсона, генерального директора американской ассоциации тюрем, сказанные в сентябре 2005 года журналу *Economist*. И он прав. Тюрьма – везде гигантская индустрия, в том числе и с частным капиталом. Возможно, в недалеком будущем, например, те же американцы задумаются о выходе на рынок других стран, и тогда в мире появятся дочерние фирмы пенитенциарной сферы услуг. А вот насчет клиентов

тюрьмы будущего пока только одни вопросы и ни одного более менее ясного ответа.

Криминальный мир тоже не стоит на месте, в нем тоже все меняется.

Память людей хранит события «лихих девяностых». В Латвии, например, парни-качки свой короткий путь в братскую могилу начинали со спасательной станции базы отдыха для партийных руководителей. Ситуация, наглядно характеризующая брежневский застой – до чего же всем было на все наплевать, если даже спасение руководителей партии доверяли всякой шпане! Это они стали практиковать методы общения с помощью «задушевных разговоров». «Плати! Мы – твоя крыша!» – так началось время паяльников и утюгов. Это сейчас отъем бизнеса называется модным словом «рейдерство», а тогда примитивно били, жгли и вешали. Хотя слово «рэклет» тоже было чуждым для советского уха.

Так прошло лет десять, и со временем оставшиеся в живых поняли, что нельзя постоянно хвататься за пистолет. Закончился этап капитализма «авторитетов», и вслед за модой они стали тянуться к гламуру. Однако преступники перестройки оказалась феноменом одного поколения. «Папа, ради бога, только не попадайся на глаза моим друзьям». Такое же отношение к «авторитетам» и у молодежи уголовного мира. Быть продолжателями традиций и «жить по понятиям» они не хотят, так как перспективы очевидна – или уберут чужими руками, или подведут под уголовное дело. Ведь сегодня на дворе капитализм менеджерский, профессиональный, корпоративный, процедурный, господствующий над индивидуумом. На этом фоне появилась потребность в «авторитетах» более сложного качества. На идеологию и развитие преступного мира сегодня влияют те, кто совершает крупные или сверхкрупные хищения, берет взятки, подвержен коррупции, среди них мы вряд ли найдем малообразованных людей. И новое поколение «тюремной элиты» не собирается бесцельно ворочаться на нарах и тупо смотреть в потолок.

Те, кого мы привыкли называть «элитой братвы», если вообще остались живы, сегодня сидят по дачам и не высовываются. Дарвин считал, что выживает сильнейший, что конкуренция осуществляет отбор. По-моему, это не совсем так. Во всех слоях общества отбор осуществляет «социальный заказ» – влиятельным становится тот, кто вовремя понял условия новой игры. Относительно уголовного мира эту теорию тоже подтверждает сама жизнь.

Сегодня техническая мысль находится на пике и социальный заказ направлен на создание новых технологий, товаров, услуг, удобств, раз-



влечений... То есть на все, что можно купить за деньги. Что сегодня является мерилем чести, дружбы, мужества, власти? Деньги, ничего кроме денег. Какие там тюремные «понятия»? О них даже вспоминать смешно. И в уголовном мире на горизонте уже иной пейзаж. В будущем востребованы будут те, кто сможет дать людям сильные эмоции, ощущение хождения по краю. Это будет особо цениться и вызывать всеобщее одобрение. На этот социальный заказ установка уже дана, причем не только в уголовном мире.

Но есть и бессмертная категория – те, кто залезают в квартиры или, сбиваясь в стаи, убивают таксиста, быстренько друг друга сдают и все вместе долго сидят. У них слово «тюрьма» отпечатано на лбу, у них снижен интеллект, утрачена воля и стерты эмоции. Возможно, они зависят от дозы. Они не имеют отношения к организованной преступности, но страшные преступления совершают. При определенном раскладе человек мог бы никогда не сесть, но оказался не в то время не в том месте, укололся, выпил лишнего, брякнул не то слово... Большую половину таких арестантов под стакан зачали, под стакан родили и сразу же пустили гулять по миру. Лет с шестнадцати они бродят по тюремным коридорам и не выходят оттуда никогда. Сегодня именно эти люди заполняют тюрьмы.

О жизни на воле они не знают вообще ничего. Сидят лет по десять – изнасилование, убийство, кражи, разбои... Часто начинают как дворовые хулиганы на подхвате у «старшего брата», потом «хорошо» сидят, а когда выходят на свободу, имеют лишь неразрешимые бытовые проблемы. «Неужели это и есть та самая нормальная жизнь, к которой я так стремился?» Для них жизнь в тюрьме шла как будто в другом времени или в другом измерении, и после отсиженного срока они никому не нужны. В итоге такие люди – всего лишь благоприятная среда для асоциальных идей, и с большой вероятностью можно сказать, что на новоиспеченных «предпринимателей» скоро опять наденут наручники.

Зэки – вообще особая категория среди других «социальных сирот», и самый печальный вывод таков, что бывшие арестанты трудно поддаются реабилитации. Можно выпустить человека из тюрьмы – любой срок когда-нибудь кончается. Страшно то, что нельзя выпустить тюрьму из человека.

Остается надеяться только на то, что на каждой стадии психологического развития человек неизбежно испытывает определенный кризис, означающий новый поворотный пункт. Перспективы благоприят-

ного «поворота» зависят от того, с каким психологическим багажом человек вступает в следующую стадию своего жизненного пути. Степень доверия к окружающему миру, к другим людям, к самому себе зависит от проявленной к нему заботы. Дефицит любви можно компенсировать в любом возрасте. Правда, чем раньше, тем лучше. Однозначно, в такой ситуации никто, кроме родного человека, помочь не может. Смешно даже думать, что любовь женщины можно заменить заботой социального работника. Для меня до сих пор так и остается непонятным, почему у нас огромные силы и средства тратятся на то, чтобы сначала разрушить семью зэка, а потом попытаться заменить ему эту пустоту какой-нибудь социальной программой.

Арестантам не хватает нормального общения, хотя именно оно должно на период заключения становиться главным делом их жизни. Если у зэка есть семья, то у него есть и возможности. Семья для «сидельца» – как глоток свежего воздуха, как посещение врача для больного. Женщина заключенного как бы постоянно находится при нем и в каком-то смысле сидит вместе с ним. Желая «влезть в шкуру любимого», любящая женщина тянется к его миру, и тюрьма становится частью ее жизни.

Подавляющее большинство заключенных похоже на подростков – они не взрослые в духовном смысле. Их «на плаву» удерживает лишь одна мысль – увидеть волю и любимого человека. Это придает силы, у человека появляется цель, и он с замиранием сердца ждет освобождения. Потому реформу в тюрьме надо начинать с главного – отменить инструкции 37-го года и дать людям как можно больше возможности общения с родными и близкими. Фактически только семья может стать связующей нитью между двумя мирами.

Другое дело, что одного только «голоса сердца» недостаточно, чтобы потом на свободе эта любовь приняла более-менее адекватные формы и любимые не превратились в нянек, от которых рано или поздно, а главное, неизбежно, бывший арестант дистанцируется привычным ему способом. Все до единой женщины, ожидающие своих мужчин, сталкиваются с типичной ситуацией – ждали одного, а вернулся совсем другой! А ведь любили того, кого ждали... И не потому, что зэки лживы или неискренни. Просто тюрьма и воля воспринимаются как разные миры, и очень трудно одному человеку совмещать в себе слишком разные ценности. «Там» они не такие, как «здесь», это естественно, и из тюрьмы никогда не приходит тот, кого ждали.

Но это уже совсем другая история.

## Муська

После освобождения я наконец добрался до дочери. Мы с Сонькой и ее матерью Татьяной сидели и пили чай. Я молчал и слушал, как мать нахваливает дочку, и тихо улыбался, радуясь их совместным успехам.

Тем временем из комнаты выбрался котенок.

– Мусечка, кисонька, проснулась маленькая, – запричитали два женских голоса. Взрослый и детский.

– У нас в лагерном бараке тоже была Муська, – сказал я.

Дочь, не видевшая меня столько лет и ловящая каждое мое слово, моментально подхватила:

– А красивая?

– Да, – сказал я.

– Пап, расскажи!

– Не стоит, дочь.

– Ты мне сто лет ничего никогда не рассказывал! – скривила она губки.

– Ну, расскажи, пап, – поддержала Татьяна.

Я не дал им себя долго уговаривать.

– Хорошо, слушайте.

Она еще была совсем котенком, когда я впервые увидел ее. Меня тогда только что перевели в барак отряда строгих условий содержания (СУС), или, как сейчас это называется, ОСУОН – Отряд строгих условий отбывания наказаний. ОСУОН занимал весь первый этаж третьей части трехэтажного корпуса. На втором этаже располагался штаб администрации.

Жилой барак камерной системы – это где уже койки к стене не пристегиваются, но где запрещено общение между секциями отряда. Телевизор по расписанию (полтора часа в сутки), прогулка столько же

по времени и много других камерных «благ», которые благополучно переключевали из ШИЗО/ПКТ лагеря в строгий барак.

Но там есть живые люди, арестанты, с кем можно поговорить и обсудить прочитанное или увиденное по ТВ.

Котенок был удивительный, хотя внешне банально серый, полосатый. Таких кошек в одной России миллионы, наверное, живут.

Муська была всегда в центре внимания. Когда все собирались в кружок – обсудить последние новости или еще что-нибудь, она садилась обязательно в центре круга. Это действительно было комично: сидят урки, кто на табуретке, кто на кортках, и выходит Муська своей мягонькой, действительно кошачьей походкой. Усаживается в центре и ждет, когда кто-нибудь начнет с ней играть.

Играла она неутомимо, со всеми, часами подряд. Потом, наигравшись и облизавшись, падала на первую попавшуюся шконку и засыпала крепким детским сном. Причем спала она непременно на спине, раньше я никогда не видел, чтобы кошки так спали. И всегда так, что если голова немного была повернута в одну сторону, то задние лапки – непременно в другую. Но бывало, что спала ровно, как по струнке, так люди не все спят, ровненько-ровненько. И все четыре лапки обязательно поджаты в кулачки. Зрелище, в общем, было уникальное.

Больше всего с ней возился зэк по имени Тимур. Молодой парень, осужденный за убийство еще в 16 лет. И из девяти лет приговора он отсидел к тому времени уже более трети срока. Тимур называл ее «кошечка».

Когда Муська просыпалась и начинала вылизываться, Тимур вставал за шесть-семь шконок и начинал ее звать, стуча по краю койки второго яруса. Муська сразу прерывала свой туалет и после короткой охотничьей изготовки делала рывок, перепрыгивая с койки на койку. Добежав до Тимура, она вставала на дыбы. И пыталась передними лапами, не выпуская коготочки, по-охотничьи азартно ловить его бритую голову. Тимур тихонечко уклонялся, но она играя задевала его. Все зэки, видевшие эту сцену многие десятки раз, замирали. И в финале дружно гоготали, будто видели все впервые.

Наверное, так оно и было: каждый раз Муська делала это по-разному. Смотрела, готовилась, прыгала, махала лапами, задирчиво поджимая ушки и скаля рот. Как маленькая тигра.

Так прошли остаток лета и осень. Муська, оставаясь котенком, была счастлива, обожаемая зэками и окруженная заботой Тимура. Наблюдать за ней было удивительно и приятно всегда.

Но в первой половине декабря, после того как уехал на этап один очень серьезный бандит, не допуская своим авторитетом беспредела со стороны администрации по отношению к сусовским, обстановка сильно накалилась. Администрация стала нас прощупывать, чтобы усилить режим. И, следя за реакцией, стала по очереди закрывать в ШИЗО наших парней.

Первыми закрыли Вовку-Боксера. Он обладал наибольшим авторитетом из всех, и сломать его было для администрации очень важно. За шестнадцать дней до освобождения ему дали пятнашку. Прессовали серьезно, но не сломали, Володя крепкий парень был. Но в лагерь не выпустили, и он освобождался прямо из ШИЗО.

За Володей сразу закрыли Молдавана. Он во время прогулки снял шапку, чтобы поправить там что-то. Нарушение формы одежды – пятнадцать суток. Потом закрыли Тимура. Как и Молдавана – под каким-то явно надуманным предлогом. Дали пятнадцать суток, потом добавили еще. Не знаю, что именно и какие пытки послужили тому причиной, но Тимур, не сломавшись, загнал под сердце штырь. Его еле спасли, отвезя в вольную операционную. Потом, после всего, он смеясь рассказывал, как слышал, что врач сказал о нем: «Я всегда был уверен, что сумасшедших не бывает. Теперь знаю, сам видел».

Штырь прошел очень удачно, слабо повредив тонкую кровеносную систему, расположенную под сердцем, не задев само сердце. Потом, после операции, из вольной городской больнички его отправили на 17-ю зону, где лежат тяжелобольные заключенные. Там он пролежал еще месяц, после чего его вернули в ШИЗО – досиживать сутки.

Буквально через пару дней, после того как Тимура увезли, Муська стала тосковать и чахнуть. Из веселой, игривой кошки она стала какой-то вялой и сонной. Будто не просыпаясь, ходила в туалет и на кухню покушать.

Мы сначала решили, что это из-за ее беременности. Первой в ее совсем крохотной жизни. Почти сразу после Нового года она родила. Все четыре новорожденных котенка были мертвы.

Конец января и начало февраля Муська фактически ничего не ела. Тарас пытался кормить ее каким-то бульоном из пипетки, взятой в аптечке. Но это не помогало. Каждую утреннюю и вечернюю проверку выносил ее в прогулочный дворик, где эти проверки и проходили. Самостоятельно выйти для оправки на улицу у нее уже не было сил. В общем-то, она не могла уже самостоятельно забраться на ступеньку лестницы, ведущую на крыльцо. А тельце у нее стало напоминать мешочек с костями.

Терпеть она уже не могла, и все по очереди подтирали за ней лужицы, которые она делала и когда спала, и когда бодрствовала.

У меня сомнений уже не было, что она умрет, но я упорно, аккуратно брал этот маленький трупик, в котором еще теплились остатки котеночьей души, и выносил на относительно свежий воздух.

13 февраля у меня было очередное длительное свидание. Моя Мама, больная сахарным диабетом в последней стадии, опасаясь, что может не дождаться сына, приехала более чем за 800 километров ко мне в гости.

Накануне ночью я вдруг обнаружил спящую у меня в ногах Муську. Как эти косточки умудрились забраться ко мне на кровать, ума не приложу. Согнать я ее не смог, рука не повернулась. Утром при подъеме я обнаружил, что она описалась во сне на мою кровать. Зэки это тоже заметили, но все отнеслись с пониманием. Я застирал после зарядки простыню, матрас перевернул и стал готовиться к встрече с Мамой.

Сутки свидания пролетели как один час. Старенькая Мама выглядела, как всегда, опрятно. Только, стесняясь, все спрашивала, сильно ли она постарела, неловко отворачивая голову от смущения. Пили чай, разговаривали. Прерываясь только на время, когда ей нужно было делать уколы инсулина, благодаря которым она еще жива.

Когда я вернулся в барак и вошел в секцию, меня ребята стали расспрашивать о матери и о других новостях из дома и с воли.

Когда я поинтересовался, какие новости здесь, мне Денис сказал: «Макс, нас на одного стало меньше». Так говорят, когда кого-нибудь отправили на этап или в другую колонию. Я так и спросил: «Кого забрали?» Денис замотал отрицательно головой и тихо сказал, коротко: – Муська умерла.

Тимур вышел из ШИЗО в начале марта. Ему так же, как и мне, тихо сказали о Муськиной смерти. Но несколько лет, проведенные на малолетке, не дали Тимурку выпустить свои чувства наружу. Он стал ходить со мной по секции, пытаюсь говорить о чем-то. Мол, в принципе она еще при нем хворать стала, и еще что-то... Но его всегда горящие глаза вдруг потускнели. И видно было, что говорит он механически, как и ходит. А мысли где-то в другом месте болтаются.

Только дойдя до конца, я заметил, что жена и дочка на пару утирали слезы.

Нормально, значит, неплохой рассказ может получиться, подумал я.

**ПРАВООЗАЩИТА И ТЮРЬМА –  
ВЕЧНАЯ ВРАЖДА**

Геннадий Чернявский

### Как никогда нужна солидарность

Осенью нас ждут суды над правозащитниками. В Москве собираются судить Пономарева, в Питере Пантелеева. По сути, за одно и то же. Один заявил, что в стране много пыточных зон, другой привел подробности того, что там делается. Однако премьеру не пришлось напрягать дипломатию и дезавуировать эти заявления. Достаточно было директору ФСИН сделать круглые глаза, как, кажется, все уже поняли, что в стране ничего такого нет. И обоих клеветников ждет наказание. Умному – достаточно.

Все, что происходит в Москве, происходит и в Питере. И наоборот. Нападают, убивают, сажают одинаково. Поэтому можно говорить об общих проблемах. Похоже, что государство своими действиями формирует гражданское общество куда активнее, чем оно бы формировалось естественным путем. Ну, не возражали бы против «маршей несогласных» – да кто бы о них говорил... А теперь это проблема. Как и ангажированность СМИ, как закрытость учреждений, как фашиствующий патриотизм, как непонятное желание власти проводить *свою* политику, о которой можно только догадываться. Впрочем, едва ли получится, если в детстве не читали фантастику. Думаю, с учетом поведения РФ на международной арене, скоро изменится и поведение государственных институтов. Появится та же лихость и бесшабашность. Из-за безнаказанности. Мне кажется, существует очень небольшая разница между разгромом организации и разгромом суверенного государства. Это вещи одного порядка.

Власть тем временем опять дорвалась до пирога. После столь молниеносной войны, похоже, военный бюджет станет опять определять

---

Геннадий Чернявский – публицист, правозащитник. Опубликовано на сайте «За права человека» по адресу: [www.zaprava/content/view/1529/1](http://www.zaprava/content/view/1529/1)



всю жизнь этой страны. Снова нужны самолеты, корабли и танки нового поколения. И уже посыпались предложения. Никакие нацпроекты никакой погоды уже не делают. Жуткая политика, полное отсутствие дипломатии. Еще немного, и НПО станут рассматривать как пятую колонну. Были же попытки, вспомним историю с финансированием НПО и шпионами. Власть готова на все, чтобы сохранить свой ареал обитания. Даже на смену взглядов и приоритетов.

Всего семь лет назад состоялась учредительная конференция межрегиональной общественной организации «Российское научное пенитенциарное общество», где говорили, что надо пустить в тюрьмы правозащитников. И поднимали руки «за» и Чайка, и Калинин, и заместитель начальника ГУИНа Олег Филимонов, который стал председателем тюремного научного общества. Говорят, он оправдывался: произошло недоразумение, с правозащитниками контакт действительно надо налаживать, а своим подчиненным, которые правозащитников на конференцию не позвали, он «уши надерет». Где то научное общество и что оно изобретает, кто-нибудь знает? Но этот опыт ничему ФСИН и Минюст не научил, в их недрах опять формируются общественные советы из людей, далеких от НПО. Вероятно, пугает слово «неправительственные», которое пахнет заговором, не иначе. Брали бы пример с общественной палаты, которую ничего не пугает. Вот-вот появятся общественные инспекторы, люди проверенные, надежные, уравновешенные, как и все члены ООП, которые будут контролировать положение в пенитенциарной системе. И мы облегченно вздохнем.

А пока вот такие казусы. Ясно, что судебные решения будут попыткой ограничить распространение негативных сведений из зоны. И действительно, половина сведений приходит по телефону. К делу это не пришьешь. А любая прокурорская проверка легко докажет, что в зоне все в порядке. Вот и приходится правозащитникам выходить на объекты для проверки. Встречаться с людьми, раздавать литературу, разъяснять права, собирать жалобы. Мягко скажем, это многим не нравится. А если такая проверка происходит, как в случае с Пантелеевым, на территории СИЗО, пусть даже в комнате, где принимают передачи, тут уж администрация старается пресечь это зло сразу. Собирает группу свидетелей и пытается выдворить правозащитников из стен учреждения. Или задержать за якобы незаконные действия. Свидетели, как правило, находятся. С одной стороны сотрудники СИЗО, с другой – родственники заключенных. Теперь независимый российский суд оценит противоречия в показаниях этих свидетелей... Кому-то, дело ясное, поверит. Кому?

Положение в стране аховое, чтобы там ни говорили президент с премьером. Всю страну поразила даже не коррупция, а кумовство. «Мы не можем ожидать притока свежей крови» – это начальник кафедры Академии МВД Александр Зубков сказал, что в исправительной системе сын часто идет по стопам отца – и в выборе профессии, и в понимании ее сути: «...никакого наращивания гуманизирующих начал не будет происходить – мы не можем ожидать притока свежей крови и будем генерироваться из своей среды». Беседуя с Уполномоченным по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, я услышал, что большинство судей приходят из аппарата суда. А недавно довелось услышать, что в судах российской глубинки едва ли не поголовно работают родственники. Чего удивляться тому, что «ежегодно тысячи россиян становятся жертвами незаконного уголовного преследования и судебных ошибок. Одной из главных причин были признаны коррупция, невысокий профессионализм сотрудников следственных органов, а зачастую и судей». Как сообщает civitas.ru, «только за 2007 год право на реабилитацию получили 5265 человек, а число исков с требованием возместить нанесенный вред за несправедливое преследование с каждым годом заметно растет». Говорят, что на коллегии Генпрокуратуры глава ведомства, его заместители, министр финансов (!), глава МВД, а также представители ФСБ, ФСКН и СКП искали выход из сложной ситуации. Появление в этом списке министра финансов объясняет все – много стали платить за нанесенный вред, вот и вынуждены искать выход. Иначе бы никто об этом и не вспомнил. Поражает, что именно эти люди ищут выход. Не политики, не депутаты, а силовики, которым поставили «на вид» перерасход средств. Вот и вся гуманность.

Мы не можем заглянуть в душу офицера Черного, к которому – видит бог – у нас нет никаких претензий. С него станется, служивый человек, приказали через полгода подать в суд за оскорбление чести и достоинства – отдал честь и с достоинством подал, о чем, наверно, и доложил по инстанции. Может, даже благодарности получил за то, что стоически терпел 6 месяцев, не имея возможности защитить одну офицерскую честь. Может, плакал в подушку, мечтая о дуэли, вспоминая, как не мог противостоять общественнику, высказывавшему претензии к работе персонала СИЗО. Да еще на глазах этих женщин... вечно заплаканных и угрюмых, которые зачем-то ходят и отвлекают от работы своими жалобами на перемолотые продукты, пропавшие и вскрытые письма, побои и на все на свете, которые ведут себя так, будто и не знают, что основной задачей Федеральной службы исполнения нака-

заний (ФСИН) РФ является подготовка человека к освобождению. После чудовищных сроков изоляции. Точнее, жизни в аду. Адских условий не скрывают, ими даже бравируют.

– Да, – как-то заявил начальник одной зоны, – у нас здесь суровые условия. Но мы сюда никого не звали.

По его мнению, это оправдывает все.

Не все живут днем сегодняшним. Многие думают о дне завтрашнем. Вот и директор ФСИН оповестил, что «...сейчас мы подходим к выполнению одной из главных задач исправления осужденных – подготовке человека к освобождению. Это профессия, образование, социальная адаптация, физическое оздоровление». В том числе и в СИЗО!!! Эвон какие задачи. Тренеры из ОМОНа уж замучились, занимаясь физическим оздоровлением «спецконтингента», временно обреченного на малоподвижный образ жизни, который, естественно, вреден для здоровья.

Понятна и досада директора службы: «...результат этой работы мог бы быть весомей, если бы человек после освобождения становился объектом пристального внимания...» Здесь ключевое слово «после». Только после освобождения (!) «нотто сидящий» должен становиться объектом внимания, а не во время отсидки, где он готовится к освобождению персоналом. Но как это втолковать правозащитникам, еще никто не придумал.

И Пантелееву со товарищи не удалось. Правозащитники, видите ли, считают, что задача тюремного персонала – что бы там ни писали тюремщики в своих инструкциях, до которых еще у народа руки не дошли, – поддерживать человеческий режим в зоне. И больше никуда и ни во что не соваться. Тем более не воспитывать. И не определять, что обществу можно, а чего нельзя. Не по чину. И хоть потолковали тюремщик с правозащитником тогда вполне мирно и не так, как написано в иске, и расстались, попрощавшись за руку, каждый остался при своем мнении. Тем бы дело кончилось, да изменилась ситуация.

Ловким маневром (как всегда отправив повестку по старому адресу) Пантелеева не оповестили о суде над «Новой газетой», которая с его слов рассказала о беспределе в зоне. Без него журналисты не смогли доказать ничего и вынуждены были дать опровержение. А коль появилось опровержение, Пантелеев с его ящиком писем с жалобами на беспредел в зоне – лжец. Вот тут и вспомнили о случае в СИЗО, где Пантелеев наблюдал за тем, как организована работа с посетителями и выслушивал жалобы родственников. Офицеру Черному досталась неблагодарная работа – выпроводить правозащитника. Запугать того

не удалось – Пантелеев законы и свои права знает, потому разговор скоро перешел в спокойное русло, но закончился на улице. Офицер выполнил задание, правозащитник раздал правозащитную литературу родственникам, родственники пошли писать жалобы.

Надо было с этим что-то делать, потому что активисты Санкт-Петербургского отделения Комитета за гражданские права стали рупором всех беззаконий в зоне. Кто-то ловкий решил, что все дело в Пантелееве, будто и нет организации. И пошли о нем сюжеты по ТВ, появились листовки на улицах, а потом и заявление в суде. За бесплатную рекламу по ТВ, конечно, надо бы поблагодарить – столько телевизионного времени никогда не купить. Об организации теперь узнали те, кто даже никогда о ней и не слышал. Журналисты (кроме напуганной НГ в Питере) дали свои адреса и охотно стали брать материалы. Вышли две книги, готовится книжная серия для заключенных.

А Черный оказался крайним. У него будут брать интервью, о нем и о деле будут писать газеты, его будет показывать ТВ. К сюжету проявили интерес иностранные информагентства, и суд обещает статью в пользу для разговора о тюрьмах России. Что ни делается, все к лучшему.

Можно, даже не особенно напрягаясь, представить, что творится в душе тюремщика... Он готов выполнить любой приказ. Что поделаешь, есть такая профессия – Родину защищать. Вот он и защищает. Хорошо еще, через суд...

Вон Евлоева просто пристрелили в милицейской машине и выбросили на дорогу. И мы, правозащитники, по улицам ходим, в метро стоим как все, в лифтах ездим. И ежедневно открываем письма, в которых может быть все что угодно.

Так что, без шуток, спасибо заместителю начальника по воспитательной работе ФГУ «Следственный изолятор № 1» А.Н. Черному за попытку цивилизованного решения вопроса. Как бы вопрос ни решился. Тут тоже ветер может перемениться. И что-то тогда переключится в голове, да не в одной.

Вот у трех «избитых» яблочником Максимом Резником милиционеров вдруг пропала охота судиться, и заявили они, что не имеют к Резнику никаких претензий. И все кончилось миром. И с трех невинных душ груз сняли.

А здесь пока давит. Кто-то дернул за ниточку и держит ее, а ведь может и затянуть.

Если позволим.

Владимир Ажиппо

## Неофициальная реакция на «Официальный ответ»

25 июня 2008 года на сайте Госдепартамента по вопросам исполнения наказаний Украины был размещен примечательный документ под заголовком «Официальный ответ департамента исполнения наказаний на обвинения некоторых правозащитных организаций».

Документ исполнен уверенным и даже красивым литературно-канцелярским языком, которым точно и последовательно подаются суждения и выносятся заключения. Причем настолько точно и последовательно, что такие приемы демагогии и фальсификации, как использование ложных и некорректных посылок, подмена тезиса или злоупотребление неполной индукцией, совсем не бросаются в глаза и остаются практически незаметными для читателя. К счастью, сайт департамента почти никто, кроме его авторов и их вдохновителей, не читает.

А теперь по существу. В «Официальном ответе» практически не приведено ни одного конкретного обвинения в адрес департамента. Таким образом сопоставить суть обвинений и суть оправданий не получается. Приходится довольствоваться лишь департаментским комментарием, скажем, таким: «Имеется немало примеров, когда некоторые гражданские институты интересовала только негативная, как правило, субъективная или искаженная, информация для повышения своего авторитета за счет компрометации государственных структур». Этот тезис вызывает ряд вопросов. Первый: а кого вообще интересует субъективная и недостоверная информация? Второй: можно ли поднять свой авторитет за счет компрометации госструктур, особенно таких, как департамент?

Департамент заявляет, что у государственной структуры и общественных организаций имеются «общие **обязанности** (выделено мной. – В.А.) по переводу сотрудничества... в плоскость конкретных действий...»

и т. д. Господа чиновники, это у вас имеются обязанности, именно вас наняли налогоплательщики для выполнения «конкретных действий». А правозащитники ни вам, ни налогоплательщикам ничего не должны. И в связи с этим неуместными выглядят ваши поучения о том, что деятельность правозащитных организаций должна быть «более активной в направлениях предоставления осужденным после освобождения помощи в решении социально-бытовых вопросов и трудоустройстве». К тому же называть человека после освобождения осужденным – это, по крайней мере, непрофессионально.

Самым забавным местом «Ответа», несомненно, является «аргумент» против беспрепятственного посещения исправительных колоний. Цитирую: «Непрофессиональные действия правозащитников могут негативно повлиять на состояние оперативной обстановки в учреждениях, как это произошло, например, во время событий в Темновской исправительной колонии (№ 100) 28 марта 2008 года. На территорию учреждения был допущен представитель Харьковской правозащитной группы. Из-за неумения правозащитника вести диалог с осужденными трое из них причинили себе членовредительство в его присутствии».

Это редкостное по откровенности признание собственной некомпетентности (в скобках отмечу, что мой всем известный опыт общения никому не даст возможности упрекнуть меня в непрофессионализме. – В.А.). Как может оперативная обстановка пошатнуться от воздействия одного постороннего человека? К тому же автор «Ответа» умолчал, что этот злостный непрофессионал-правозащитник – всего лишь скромная интеллигентная женщина, вряд ли даже умеющая ругаться. В «Ответе» также не сказано, что заключенные порезали себе вены на предплечьях лезвиями, которые они **принесли с собой**, то есть к демонстративному членовредительству они подготовились заранее, даже не видя в глаза правозащитницу, «не умеющую вести с ними диалог». Кто обыскивал этих эзков перед беседой? Куда смотрели тюремные психологи? И не лучше было бы промолчать, не вспоминать это позорное событие?

Как на пример голословности любых обвинений, исходящих от правозащитных организаций, «Ответ» указывает на заявление Винницкой правозащитной группы о жестокости администрации Литинской исправительной колонии, которое было проверено представителями секретариата Уполномоченного по правам человека и областной прокуратуры. И ни один факт подтверждения не нашел. А ведь вряд ли в Украине найдется хотя бы один думающий человек, считающий перечисленные госструктуры достойными безоговорочного доверия. Тем более что к проверке винницких правозащитников не допустили.

Департамент высказывает недоумение по поводу того, что родительский комитет «Спасение» обеспокоен исключительно своими родственниками – осужденными к пожизненному лишению свободы, а вот остальные осужденные их не интересуют. Что ж, во-первых, это вполне закономерно, а, во-вторых, вам-то, господа пенитенциарии, какое до этого дело?

Со странной радостью в «Ответе» говорится, что некоторые «правозащитники» сами совершают противоправные действия: за «незаконное производство, изготовление, приобретение, хранение, перевозку или пересылку наркотических веществ, психотропных средств или их аналогов без цели сбыта» был задержан руководитель общественной правозащитной организации «Шаг навстречу», который к тому же был ранее судим. Не будучи даже заочно знакомым с этим человеком и потому не испытывая к нему ни симпатий, ни антипатий, хочу все же напомнить автору «Ответа», что, во-первых, задержание не является доказательством причастности к преступлению, а во-вторых, в Украине не так давно был премьер-министр, ранее дважды отбывавший наказания за совершение уголовных деяний. И департамент никаких оценок по этому факту не публиковал. Нелогично получается.

Тема закрытости/открытости мест лишения свободы – пожалуй, главная «фишка» «Ответа». Но вот две цитаты. Первая (из середины): «Если система закрыта, то откуда же многочисленные репортажи из мест лишения свободы, которые едва ли не каждый день демонстрируются по телевидению, публикуются в прессе, появляются на страницах интернет-изданий». И вторая (из начала): «В последнее время в СМИ довольно часто распространяется непроверенная информация по поводу деятельности Государственной уголовно-исполнительной службы Украины». Комментарии излишни.

О параноидальном стремлении тюремных руководителей закрыться от общества, думается, ярко свидетельствует пример из моей личной практики. В Харьковском национальном университете по заявке департамента исполнения наказаний обучаются будущие тюремные психологи. За науку, естественно, платит госбюджет. Я преподаю этим студентам историю пенитенциарной системы. В Харькове имеются два объекта – следственный изолятор и 18-я колония, которые фактически являются историческими памятниками. И за три года преподавания я не смог провести с будущими сотрудниками ни одного занятия на базе этих учреждений. На мой вопрос «почему?» следовал глубокомысленный ответ: это надо согласовывать с Киевом. Абсурд, конечно. Но о какой же открытости для правозащитников и журналистов

может идти речь, если даже своих завтрашних коллег с их преподавателем в тюрьму бояться пустить?

Рассуждения о свободном посещении тюремных заведений сами по себе стоят немного. Можно посетить супермаркет и пройти возле витрин с натертыми воском яблоками, но не увидеть подсобку, где на подпорченных цыплят клеят «свежие» ярлыки. Так же и в тюрьме. Демонстрация посетителям церкви, клуба или медсанчасти, в которую за день до визита завезли лекарства, беседа с парой-тройкой подставных «козлов-активистов» – вот и основание поставить «галочку»: тюрьма открыта.

«Пенитенциариям» нужно еще много и долго учиться манипулировать статистическими данными, чтобы ссылка на них не выглядела как неудачный анекдот. Из «Ответа»: «В частности, на протяжении 2007 года в **центральных** (выделено автором «Ответа») средствах массовой информации освещены почти 2 тысячи материалов по вопросам деятельности Государственной уголовно-исполнительной службы Украины». Давайте посчитаем: в Украине центральными СМИ, если серьезно, можно считать пять телеканалов и с десяток реально читаемых газет и журналов. Электронные СМИ не в счет, они не бывают центральными, они всемирные, а радио целенаправленно слушают разве что водители маршруток. Теперь делим 2000 на 365 (количество дней в году). Получается пять с половиной. То есть, следуя департаментской статистике, в полутора десятках СМИ в среднем ежедневно размещалось 5–6 материалов о тюрьме. Ежедневно! Это даже не смешно, ложь должна все же быть правдоподобней. Мне это напоминает высказывание А.В. Суворова: «Пиши турок убитыми поболее, чего их, супостатов, жалеть».

Департамент высказал упрек правозащитникам, что те проигнорировали (читай – испугались) «круглый стол» 24 июня 2008 года, на котором обговаривалась Концепция Комплексной целевой программы реформирования Государственной уголовно-исполнительной службы Украины на 2008–2017 годы. «Департамент официально выразил свою готовность к сотрудничеству со всеми заинтересованными сторонами. Однако ни одного изложения своего видения, ни одной альтернативы указанной Концепции от правозащитников... Департамент не получил». Серьезный упрек. Казалось бы.

Читаем другой документ: «21 июня 2008 года. Информационное сообщение о проведении публичного гражданского обсуждения проекта Концепции... Предложения и отзывы по проектам Концепции...



желательно подавать на электронный адрес... до 23 июня 2008 года». Здорово! Вечером 21 июня пригласили всех к сотрудничеству, при этом ограничив высказывание мнений одним днем. Да и разместили приглашение на сайте, которым никто, кроме, наверное, меня, не интересуется, уж больно он скучный и лживый.

Поражает (и раздражает) туповатая безапелляционность, с которой в «Ответе» заявлено: «Кстати, ни в одной стране мира учреждения исполнения наказаний не являются открытыми для свободного посещения посторонними лицами, к которым относятся представители общественности и средств массовой информации». Я бы посоветовал руководителям департамента посмотреть на телеканале «Discovery» научно-популярные фильмы об американских тюрьмах, их иногда показывают. Посмотрите, пойдет на пользу...

И по этому же поводу еще одно существенное замечание. Руководители департамента утверждают, что тюрьма не может себя прокормить. Я, кстати, заявляю обратное: тюрьма зарабатывает достаточно, чтобы себя полностью обеспечить, просто все заработанное разворовывается ее руководителями и их «крышами». (К слову, несмотря на то, что такие заявления прямо посягают на честь, достоинство и деловую репутацию тюремных лидеров и неоднократно мной высказывались публично, в том числе и в СМИ, «пенитенциарии» ни разу не попытались эти свои нравственные качества защитить. Странно.)

Но пусть даже согласимся, что тюрьма действительно себя прокормить не может. Тогда за счет чего она существует? Исключительно за счет общества. Но в этом случае общество, содержащее тюрьму, имеет полное право контролировать ее деятельность через свои **общественные** организации и СМИ. Далее. Преступники своими действиями причинили вред прежде всего обществу, и тем более общество должно контролировать процесс исполнения наказания этих преступников. Так кто же в тюрьме посторонний?

Единственное утверждение в «Ответе», с которым можно безоговорочно согласиться: «Что касается порядка посещения учреждений исполнения наказаний, то он четко определен статьей 24 Закона Украины «О Государственной уголовно-исполнительной службе Украины». Увы, это так и есть. Данный закон действительно написан, принят и подписан людьми бездарными и некомпетентными, а суть его статьи 24 определяется двумя словами: «не пущать».

**P.S.** Чтобы у руководителей департамента и некоторых их холуйствующих подчиненных не возникло патологических иллюзий отно-

сительно моей мотивации при написании данной статьи, поясняю: я не являюсь бывшим тюремщиком, «перекрасившимся» в правозащитника, как это может на первый взгляд показаться. Правозащитники – это интеллигентные люди, вряд ли в своей жизни обидевшие даже муху. А я действительно настоящий тюремщик. Причем тюремщик, причинивший зэкам столько боли и страданий, что нынешние «пенитенциарии» по сравнению со мной пушистые овечки, белые мышки или, в крайнем случае, декоративные собачки. При этом я абсолютно не комплекую по поводу своего сурового и жестокого прошлого и нисколько в нем не раскаиваюсь. А значит, правозащитником мне никогда не стать. Но с правозащитниками меня объединяет одно важное качество – я люблю правду.



Ростислав Горчаков

## Адмиралтейский вариант

В августе 1941 года заключенные шотландского тюремного замка Барлинни с любопытством следили за въездом во двор крепости знаменитого на весь Глазго темно-зеленого «морриса», принадлежавшего сержанту Джозефу Робинсону. Его появление в Барлинни обычно предшествовало допросам, связанным с очередными делами, над которыми трудился столичный отдел по борьбе с бандитизмом, и поэтому в камерах уже предвкушали вечернее обсуждение свежих новостей «извне». К разочарованию наблюдателей, машина сержанта, не останавливаясь перед главным корпусом, затормозила лишь в самом конце двора у одноэтажного флигеля, где содержались рецидивисты, чей выход на волю предстоял через неделю-другую. Сейчас свои последние дни за решеткой там досиживала пятерка громил из банды «Билли Бойз»: Джон Уилсон, Уильям МакКормак, Уильям Фуллертон, Бобби МакКурт и Падди Малхолланд. Полицию флигель, как правило, не интересовал: допрашивать рецидивистов было решительно не о чем. К числу разговорчивых они не принадлежали, а к тому же сплошь и рядом искренне не понимали, чего от них хотят. Сержант Робинсон был твердо убежден, что всякий, кто, раз отсидев в тюрьме, продолжает возвращаться туда снова и снова, безусловно принадлежит к числу законченных болванов, которые никакой пользы следствию принести не способны.

Тем не менее беседа сержанта с выходящими на свободу бандитами произвела на обитателей Барлинни такое впечатление, каким не могли похвастаться даже самые сенсационные вести с обычных допросов. «Парни, он предложил нам проявить патриотизм и завербоваться в торговый флот!!! – объявил на вечерней прогулке Джон Уилсон по кличке Король бритвы. – Мол, не все ли нам равно, где коротать время до следующего ареста: в трущобах или в трюмах? И еще сказал, что если мы попробуем отказаться, то потом он лично позаботится о

длине нового срока. На срок мне плевать, но когда закорючка в конце контракта с ходу приносит целых три фунта аванса – чего выделяться?! Дураков нет, с ходу все ему подписали! Таких патриотов, как мы, в Глазго еще не видели – затаримся по полной!»

Мечта «затариться по полной» озаряла тогда глаза рецидивистов, покидавших не только Барлинни, но и десятки других тюрем Шотландии, Англии, Северной Ирландии, Уэльса, где срочно реализовывался эксперимент лондонского Министерства труда по вербовке на суда торгового флота вчерашних обитателей тюремных коек. Конечно, ветераны Беломор-канала вряд ли усмотрели бы в идее «трудовой перековки» что-то оригинальное, но для Британии она была и впрямь в новинку. Хотя принудительный набор «с улицы» существовал на английском флоте еще при Елизавете Великой, рекрутов из криминальной среды капитаны всегда избегали как огня, памятуя о бунтах и «братской» поддержке пиратских захватов, случавшихся в дальних рейсах.

Пренебречь этим дорого доставшимся опытом авторов эксперимента заставили жесточайшие потери торгового тоннажа. Утрату судов удавалось кое-как восполнять за счет закупок или строительства новых транспортов, но формировать их экипажи было не из кого: армия, военно-морской флот и оборонная индустрия подбирали все людские ресурсы страны, вплоть до подростков и женщин. К осени 1941 года отчаявшиеся чиновники Минтруда усмотрели спасительный выход в обращении к патриотическим чувствам легионов рецидивистов, которые, едва выйдя из тюрем, обычно как сквозь землю проваливались. Чем они на самом деле занимались и где именно находились, удавалось выяснить только после следующего ареста месяцы, а то и годы спустя.

В самом намерении властей завербовать этот многочисленный, но трудноуловимый резерв «за день до звонка на волю», ничего странного не было. Полицию удивляло другое: смутное представление о тюремном контингенте ничуть не ослабляло убежденности начальства в том, что патриотический порыв обязательно сделает из рецидивистов прекрасных моряков. Министерская бюрократия с возмущением отменяла предупреждения сотен практиков, вроде сержанта Джефферсона и его непосредственного шефа констебля Перси Силлитоу, относительно узких границ патриотизма их подопечных. (*«Они вполне способны на поножовщину с бандой из соседнего квартала, – писал в своем рапорте Силлитоу, – но драка с нацизмом лежит за пределами их понимания.»*) Решимость Уилсона «затариться по полной» подтверждала правоту скептиков, однако же в Лондоне подпись известного бандита под судебным контрактом расценили как трогательное свидетельство

ство «единства сражающейся нации». *«Мы видим, что даже самые закоренелые преступники демонстрируют сегодня лучшие черты британского характера, спеша заменить павших сограждан»,* – не без пафоса описывала процедуру подписания рецидивистами судовых контрактов манчестерская «Гардиан».

Не прошли мимо этого эксперимента и геббельсовские пропагандисты: берлинский радиокомментатор Уильям Джойс (известный в Англии под кличкой «лорд Хау-Хау») тут же попытался испугать слушателей перспективой криминализации портов, массовыми беспорядками на судах и прочими ужасами «чумы безоговорочного доверия» к недавним обитателям тюрем. *«Они обрушатся не на нас, а на вас»,* – предупреждал Джойс. Нельзя сказать, чтобы его прогнозы были совсем уж бесосновательными: события, связанные с бериевской амнистией «холодного лета пятьдесят третьего», достаточно красноречиво продемонстрировали всю жуть последствий подобной доверчивости.

На британских судах «чума безоговорочного доверия» не смогла превратиться в эпидемию по двум причинам: во-первых, страна жила по жестким законам военного времени, а во-вторых, экипажи зорко следили за тем, чтобы новички работали наравне со всеми остальными. Что быстро привело к конфликту интересов: вахтенные обязанности плохо совпадали с девизом «Затаримся по полной!». Особо затяжного характера такие конфликты, впрочем, не имели, поскольку, учитывая численное преимущество команд, сопротивление «патриотов из-за решетки» обычно удавалось сломить в ходе первого же рейса. Но это вовсе не означало нормализации положения в целом: привычка к жизни в экипаже и привычка к жизни в банде были понятиями взаимоисключающими.

Вместо того чтобы всласть «затариваться» в Глазго, пятерку из Барлинни препроводили под конвоем (до конца срока оставались ровно сутки) в военный порт Гринок, выбраться за ворота которого можно было только после предъявления увольнительной с подписью старпома. Пабы имелись и в Гриноке, но тамошние цены на спиртное привели новоиспеченных моряков в уныние: полученных от сержанта фунтов хватило лишь на одну хорошую «встряску», а изобилие патрулей сорвало все попытки ночных грабежей, организованные Уилсоном. На следующее утро муки похмелья усугубились распоряжением явиться к трапу выходящего в канадский рейс дизельэлектрохода «Пастер». Проклиная свое опрометчивое решение, «подписанты» принялись гадать, где их заставят отрабатывать пропитый аванс – на погрузке? Уборке трюмов? Мытье палуб? У топок?

Мрачные предчувствия пятерки не оправдались – на «Пастере» выяснилось, что в отличие от большинства прочих завербованных рецидивистов ей сказочно повезло: в судовой роли она значилась в качестве... пассажиров этого роскошного лайнера, еще совсем недавно плававшего под французским флагом, а теперь занятого доставкой английских курсантов летных училищ к местам их тренировок на канадских аэродромах. Заодно с курсантами «Пастер» принял на борт и около полусотни участников «тюремного эксперимента». Сразу после прибытия в Канаду им надлежало ехать поездом до Филадельфии, где завершалось дооборудование их будущих судов, менявших американскую приписку на британскую.

Начало плавания через Атлантику показалось вчерашним узникам Барлинни сущим раем: стояла чудесная погода, взамен пропитого недельного аванса им были выданы щедрые командировочные, и, фланируя между судовым баром и залитой солнцем прогулочной палубой, рецидивисты впервые в жизни почувствовали себя истинными джентльменами. На третьи сутки рейса эту безмятежную идиллию нарушил силуэт немецкой подлодки U-404, всплывшей в полутора милях от «Пастера» и мгновенно открывшей по лайнеру огонь. 25-узловый ход позволил капитану Джонсону оставить опасного соседа далеко за кормой, но столбы от разрывов, вздымавшиеся то справа, то слева от лайнера, произвели на «истинных джентльменов» настолько сильное впечатление, что они решили забыть о своем патриотизме, как только достигнут Галифакса: ведь никаких немецких подлодок в подписанных ими контрактах не значилось!

В Канаде сбежать не удалось. Суровые офицеры иммиграционных властей тут же препроводили «подписантов» в состав, отходивший к американской границе. А в Филадельфии солидный размер причитавшегося пятерым новым кочегарам транспорта «Джордж Вашингтон» месячного жалованья заставил их возвращаться к эпизоду с U-404 едва ли не ежедневно, но уже в качестве повода к беззастенчивому хвастовству перед очередными собутыльниками. После того как деньги иссякли, в дело пошли бинокли, часы и безделушки, сворованные «на черный день» в каютах «Пастера». Затем МакКормаку с МакКуртом удалось повернуть несколько удачных грабежей таможенных складов, а когда 16 января 1942 года «Джордж Вашингтон» наконец завершил ремонтные работы, выяснилось, что у его капитана Дэвида Боуна украден парадный мундир, позже нашедшийся в припортовом ломбарде, на квитанции стояла подпись... самого капитана, фальшивая, разумеется. Ни МакКормак, ни МакКурт к отходу на борт не яви-

лись, да и оставшаяся в своем кубрике пьяная троица ни малейшего желания встать к топкам не выказала. Попытка «отдыхающих» доказать свое право на похмелье с помощью брани и кулаков изрядно разъярила вернувшихся с вахты кочегаров. Бритва, блеснувшая в руке Уилсона, только подлила масла в огонь: избитых до полусмерти бандитов зашвырнули в угольный бункер, откуда они ухитрились за час до отплытия сбежать на берег, украв дежурный ящик «Вашингтона». Больше о пятерке из Барлинни никто и никогда не слышал – ни дома в Шотландии, ни на американских берегах.

Примерно так же завершались и морские биографии прочих завербованных рецидивистов: кто-то сбежал со своих судов, чтобы вскоре «всплыть» в родных и чужих тюрьмах, кто-то попадался на кражах у соплавателей, было и несколько попыток склонить экипаж к переходу на сторону противника. Практика «набора патриотов» сошла на нет, не просуществовав и года. К счастью, дефицит флотских кадров постепенно терял прежнюю остроту: значительную часть перевозок взяли на себя транспорты вступивших в войну Соединенных Штатов, а появление мощных эскортных кораблей резко снизило потери от торпед, обстрелов и авиабомб.

Гораздо более успешным оказался вариант того же эксперимента, проведенный на танкерах RFA – вспомогательного флота королевских ВМС. Потери RFA тоже были весьма ощутимыми, но про использование освобождающихся рецидивистов в Адмиралтействе и слышать не хотели. Для пополнения танкерных экипажей там был избран иной путь, со ставкой на тех кандидатов, кому «до звонка» еще оставалось около половины срока. На этот-то срок им и предлагалось заключать контракты – но опять-таки не всем, а лишь тем, кто располагал сертификатами плотников, механиков, электриков, оружейников и прочих нужных флоту профессий. Затем список кандидатов дополнительно сокращался в ходе консультаций с полицией и тюремным начальством по поводу тяжести совершенных преступлений, поведения, характера и т. п.

Кропотливая фильтрация потребовала изрядных усилий, растянувшись до начала 1942 года. В численном отношении чуть более пятисот завербованных по «адмиралтейскому варианту» были просто не сравнимы с многотысячными итогами «патриотического» набора рецидивистов. Зато это были совершенно другие люди! Их готовность выйти в море определялась куда более весомым фактором, нежели получение трех фунтов на «затаривание»: годами желанной свободы. Разумеется, вражеский снаряд, торпеда или мина могли в любой момент сократить эти годы до месяцев и даже дней, но узников, вербовавшихся на танкеры, подкупала именно возможность осознанного выбора



между безопасной тюрьмой и морским «глотком свободы», сколь бы кратким он ни оказался.

Был у продуманного адмиралтейского варианта и еще один привлекательный аспект: о прежней биографии недавних заключенных ставился в известность только капитан танкера. В случае безупречного соблюдения условий контракта их уголовное прошлое вообще стиралось из флотских архивов, где отныне они значились в качестве точно таких же членов экипажей, как и все прочие, без каких бы то ни было упоминаний о специфике вербовки. Таким образом, к шансу сократить срок заключения добавлялся еще более соблазнительный шанс вообще начать жизнь как бы заново. «Тюремные новобранцы» сумели оценить его по достоинству: из общей добросовестной морской службы многих сотен бывших заключенных набралось всего лишь три исключения.

Единственными жертвами адмиралтейского эксперимента оказались историки. Им доступны названия танкеров, получавших пополнения из тюрем (после месячной береговой практики во флотских полужипажах), но и только. Точные списки этого пополнения отсутствуют. Зато, сравнивая все детали последующих судеб транспортных снабженцев – как тех, что постоянно плавали под синим флагом вспомогательного флота RFA, так и тех, что были прикомандированы к выполнению военных задач на временной основе, – исследователи пришли к однозначному выводу: «смешанные» экипажи выполняли свой долг столь же честно, что и экипажи кораблей, укомплектованных исключительно профессиональными моряками. Замечательным примером неукоснительной верности общим флотским традициям стал рейс танкера «Хоупмаунт» в советскую Арктику.

Первоначально предполагалось, что он всего лишь сменит в Кольском заливе своего предшественника – заправщик «Блэк Рэинджер», который уже опустошил собственные запасы, снабжая топливом британские корабли, эскортировавшие караваны сквозь гитлеровский «коридор смерти» у Нордкапа. 8 апреля 1942 года «Хоупмаунт» в составе 24 транспортов конвоя PQ-14 отправился из исландского порта Рейкьявик на восток. Хроникеры арктических конвойных операций справедливо называют условия плавания PQ-14 чрезвычайно неблагоприятными: сочетание плотного тумана с обширными полями пакового льда заставило вернуться назад 16 судов из-за повреждений винтов или рулей. Остальным вскоре пришлось испытать на себе не менее опасное сочетание атак гитлеровских подлодок с двухдневными, практически непрерывными налетами бомбардировщиков Люфтваффе.

Для «Хоупмаунта» с его только что доукомплектованной командой это был первый рейс в Россию, но если у капитана Уильяма Шилдса и возникали какие-то опасения относительно сплоченности обновленного экипажа, то они рассеялись достаточно быстро: по его словам, во время перехода моряки танкера вели себя так, словно провели в северных конвоях всю свою жизнь.

Хотя при плавании в тумане крупный айсберг распорол обшивку «Хоупмаунта» в районе форпика, погнув через минуту еще и лопасть винта, экипаж отказался от предложения коммодора PQ-14 возвращаться в Исландию. Общими усилиями пробоина была заделана, и танкер, не покинув походного ордера, следовал прежним курсом. Старший механик Эллисон предупредил Шилдса, что скорость судна теперь ограничена 10 узлами, но на качестве маневрирования это обстоятельство не сказалось: когда 16 апреля торпеда фашистской подлодки U-403 потопила транспорт коммодора «Эмпайр Хауард», мгновенная смена курса позволила танкеру благополучно избежать двух следующих торпед капитан-лейтенанта Хайнца Клаузена. Другого шанса лодке уже не представилось – атакованная глубинными бомбами с кораблей эскорта, U-403 была вынуждена уйти на глубину.

Подводники остались позади, однако 30-я эскадрилья Люфтваффе продолжала попытки уничтожить оставшиеся семь транспортов конвоя вплоть до самого входа в Кольский залив 19 апреля, вынудив зенитки «Хоупмаунта» израсходовать едва ли не весь свой боезапас. Двухостровная конструкция танкера дала возможность оружейникам Адмиралтейства разместить на нем внушительный арсенал ПВО: две четырехдюймовки, японскую 117-миллиметровку, а также спаренные зенитные автоматы. У их прицелов стояли артиллеристы ВМС, но при особо ожесточенных налетах не оставалась без дела и команда танкера: за матросами были закреплены шесть приваренных к вращающимся стойкам крупнокалиберных пулеметов «Гочкис». Дальность стрельбы этих ветеранов Первой мировой была не слишком впечатляющей, зато в отпугивании противника с курса атаки ослепительно яркие трассирующие очереди «Гочкисов» не знали себе равных. Правда, у них был один существенный недостаток: при низких температурах их обмерзавшие брезентовые ленты то и дело заедало, так что морякам приходилось согреть антикварную аммуницию собственным теплом, чтобы с первым же звуком ревуна воздушной тревоги мчаться к боевым постам, разматывая из-под бушлатов пулеметные ленты – ни дать ни взять балтфлотовские «братишки» на защите Петрограда! Старший помощник «Хоупмаунта» Джордж Лири подвел итоги десятидневного

перехода лаконичной записью в судовом журнале: *«Груз доставлен без потерь, атаки Ю-88 оказались малоэффективными».*

Намного эмоциональнее была оценка, появившаяся в журнале 24 апреля: *«Люди работали как черти, не жалея времени и усилий. Похоже, у нас великолепная команда».* Эмоции обычно хладнокровного старпома были вызваны успешным ремонтом извлеченного водолазами винта. На протяжении трех суток моряки танкера истово трудились над исправлением погнутой лопасти в сооруженной прямо у трапа палатке, защищавшей ремонтников от снега и порывов ледяного ветра. После этого приступивший к исполнению своих обязанностей «Хоупмаунт» быстро становится центром притяжения для всех британских, американских, норвежских и польских эскортных кораблей, посещающих Полярное, – причем не только из-за необходимости в дозаправке: неизменное гостеприимство экипажа вскоре превратило танкер в своего рода импровизированный союзнический клуб.

В Мурманске для моряков существовали и вполне официальные клубы, но тамошняя «политизированная» обстановка устраивала далеко не всех. К тому же город был практически лишен средств ПВО (результат осеннего решения ставки о закрытии мурманского порта и перенаправлении конвоев в... замерзающий Архангельск). При всем несомненном героизме советских летчиков под Мурманском их было слишком мало, чтобы противостоять абсолютному воздушному господству немецкой авиации. Город, причалы и стоявшие на мурманском рейде транспорты непрерывно подвергались атакам бомбардировщиков с близлежащих аэродромов Люфтваффе, от которых Мурманск отделяло порядка восьми минут полета. Лететь к военно-морской базе в Полярном было лишь на пять минут дольше, но там пилотов встречала такая концентрация зенитного огня с корабельных и береговых батарей, что немцы обычно предпочитали искать цели южнее – в Мурманске или на железнодорожных путях, ведущих от припортовых складов к фронту.

За одни только весенние месяцы 1942 года у почти беззащитных мурманских причалов (то есть там, где моряками, только что пережившими ад плавания сквозь «коридор смерти», никаких потерь уже не ожидалось) было потоплено 11 транспортов – больше, чем в самих конвойных переходах: польский «Тобрук», британские «Эмпайр Старлайт», «Ланкастер Кэсл», «Нью-Вестминстер Сити», американские «Алкоа Кадет», «Стил Уоркер» и другие. Их потери дополнились прямым попаданием четвертьтонного фугаса и серии зажигалок в гостиницу «Арктика», специально предназначенную для отдыха экипажей союзных конвоев. Своеобразной эпитафией погибшим стал шедевр полит-

корректности из мемуаров И. Папанина: *«В Мурманске иностранные моряки чувствовали себя не так уютно, как в Архангельске».*

Словом, у популярности «Хоупмаунта» были весьма веские основания даже и помимо гостеприимства его экипажа. Лучшее из этих оснований сформулировал в своих послевоенных воспоминаниях штурман французского корвета «Роселис» Эжен Лафере: *«...пока перекачивалось топливо, англичане пригласили нас к себе поделиться впечатлениями от перехода в PQ-16. Поднимаясь по их трапу, мы не могли не порадоваться обилию зенитных стволов, которыми щетинились надстройки танкера, а силуэты наблюдателей, зорко следивших за вечерним небом, вселили в меня приятную уверенность, что хозяева намерены защищать жизнь своих гостей всеми доступными им средствами».* Так оно и было: бортовой журнал «Хоупмаунта» зафиксировал 132 случая отражения воздушных атак во время заправки кораблей, но самолетам врага так и не удалось хоть раз выйти на желанную цель для прицельного бомбометания.

Корвет «Роселис» и польский эсминец «Гарленд» (прославившийся своим мужеством при обороне того же конвоя PQ-16) стали последними июньскими «клиентами» танкера, запасы топлива которого за полтора месяца интенсивной работы в Кольском заливе были выбраны до дна. Экипаж уже начал считать дни до встречи с родными берегами, но вместо распоряжения присоединиться к ближайшему обратному конвою QP-13, изумленный капитан Шилдс получил приказ срочно следовать в Молотовск, где танкеру надлежало встать в сухой док завода № 402 для установки ледовых креплений. Заверения Шилдса о том, что пробоина в корпусе танкера заделана достаточно надежно, чтобы выдержать свободный от льдов летний переход в Англию, к отмене приказа не привели, и 29 июня 1942 года «Хоупмаунт» двинулся в Белое море. К причалам Молотовска его эскортировали британские тральщики «Леда» и «Хазард»: как только в устье Северной Двины пошли по чистой воде первые транспорты, активность немецких подлодок на этом направлении стала заметно усиливаться.

На следующий день после постановки танкера в док Уильям Шилдс был вызван в Архангельск. Там офицеры британской военно-морской миссии прояснили капитану истинную причину постановки в док: Адмиралтейство «одолило» его судно советским союзникам для снабжения топливом Экспедиции особого назначения под кодовым названием ЭОН-18. Цель экспедиции состояла в переброске четырех эсминцев Тихоокеанского флота на северный театр боевых действий. Соответствующий приказ за № 0192 советский нарком ВМФ Кузнецов под-

писал 8 июня 1942 года, определив очень жесткие сроки проведения операции: дальневосточные корабли должны были присоединиться к североморцам не позднее октября! Это означало, что проводку ЭОН-18 по Севморпути следует завершить до становления тяжелых арктических льдов, то есть «на все про все» засекреченная экспедиция имела лишь пару месяцев – срок, в который далеко не всегда удавалось уложиться даже в мирных условиях довоенных навигаций.

Нетрудно представить, какую реакцию перспектива долгого и опасного плавания вглубь русской Арктики вызвала бы у пятерки из тюрьмы Барлинни и прочих рецидивистов, очутившихся на судах в ходе «патриотической вербовки». Любые слухи о смене британских портов назначения на средиземноморские или американские воспринималась «патриотами» как посягательство на их права, сопровождаясь береговыми дебошами, попытками дезертирства, призывами к забастовке. На «Хоупмаунте» ничего подобного не произошло. Старпом Лири отметил в журнале, что *«растущая кооперация команды с русскими ремонтниками хорошо сказывается на качестве работ»*, моряки танкера охотно фотографировались в доставленных для экспедиции теплых советских ушанках, шинелях и валенках, а боцман Сейерс даже уговорил капитана пристроить за кормовой надстройкой обширную теплицу. И грунтом, и семенами для будущего «арктического огорода» с англичанами поделились рабочие судоверфи, причем Лири констатировал, что *«созданный нами специально для этой цели обменный сигаретный фонд остался невостребованным, поэтому русско-британский вечер в новой „оранжерее“ носил не коммерческий, а чисто дружеский характер»*.

Вместе с ледоколом «Ленин» танкер отбыл из Молотовска точно в назначенный срок – 29 июля, имея на борту около 5000 тонн дизтоплива и полуторную норму боезапаса для всех орудий. Единственным исключением стал японский «уникум», снарядов для которого более не нашлось ни в Портсмуте, ни в Архангельске. Пришлось заменить его на счетверенный «эрликон», снятый с севшего в двинском устье на мель американского транспорта. Моряков «Хоупмаунта» впечатлила мощь сопровождавшего их эскорта из двух советских эсминцев и семи корветов и тральщиков под британским флагом. За Диксоном их поджидал ледокол «Красин» с еще пятью транспортами, направлявшимися в США. У кромки льдов военный эскорт повернул назад, но полной безопасности льды в то лето уже не гарантировали: 21 августа суда каравана были обнаружены в проливе Вилькицкого разведывательным гидросамолетом с немецкого рейдера «Адмирал Шеер», который находился всего в 60 милях от них. К счастью, пилот неверно опреде-

лил направление движения транспортов как западное, и командир «Шеера» отказался от идеи атаки, полагая, что ничего не подозревающие русские сами вот-вот выйдут под прицел его двенадцатидюймовок. Этого, естественно, не случилось: уже через сутки караван был недостижим для немцев, напрасно поджидавших его в Карском море. Преодолев в кильватере «Ленина» ледовые поля моря Лаптевых, «Хоупмаунт» 31 августа встал на якорь в Тикси, где по плану экспедиции ему через несколько дней предстояло заправить идущие от Берингова пролива дальневосточные эсминцы.

Несколько дней растянулись до нескольких недель из-за злоключений, преследовавших ЭОН-18 на тихоокеанском отрезке пути: сначала из состава экспедиции был исключен эсминец «Ревностный», столкнувшийся с транспортом, затем «Разъяренный» повредил винторулевую группу при швартовке у пирса бухты Провидения, потом разбалансировался во льдах винт «Разумного». Ремонтные работы, производимые своими силами при ухудшающейся ледовой обстановке настолько снизили темп продвижения, что к штатному экспедиционному ледоколу «Микоян» пришлось срочно подключать еще и «Каганович». Но даже двух ледоколов оказалось недостаточно – спасти положение смогла только экстренная переброска «Сталина», благодаря которому экспедиции наконец удалось выбраться из ледового плена, прибыв на тиксинский рейд 17 сентября. К этому времени топливные цистерны эсминцев были почти пусты, так что вид готового к перегрузке британского танкера был воспринят на кораблях экспедиции с величайшим энтузиазмом.

18 сентября караван двинулся далее на запад. Теперь все внимание ледокольников было сосредоточено на безопасной проводке эсминцев, поэтому «Хоупмаунт» то и дело отставал, пытаясь выбраться из быстро смерзающихся ловушек при помощи собственных дизелей. Это удавалось до полуночи 20 сентября, когда танкер вновь настигла та же беда, что и в апрельском конвое: крупный осколок льда повредил лопасти винта. Далее судно могло сохранять общий темп движения только следуя на буксире. Буксировка, впрочем, не затянулась: 22 сентября ЭОН-18 выбрался на чистую воду, где из-за опасений немецких атак всем его кораблям был задан 12-узловый ход – максимальная скорость, доступная наспех подремонтированным в Тикси эсминцам. Искалеченный винт «Хоупмаунта» обеспечивал ему лишь 6 узлов, поэтому отставшему танкеру пришлось добираться до очередного дозаправочного рандеву на Диксоне в одиночестве, изготовив к бою все имевшееся на борту оружие. При температурах ниже минус десяти и сильном встречном ветре вахты у зениток превращались в нелегкое

испытание. В бортовом журнале оно отражено краткой записью *«Для вахт ПВО введена утренняя норма горячего чая»*.

По дороге к Диксону танкер несколько раз догоняли советские транспорты, возвращавшиеся из восточных портов Севморпути. Моряки «Хоупмаунта» делились с ними запасами пресной воды и свежими овощами из кормовой «оранжереи», не без зависти наблюдая исчезающие затем у линии горизонта надстройки своих мимолетных попутчиков. До Диксона «Хоупмаунт» добрался лишь вечером 26 сентября и незамедлительно приступил там к заправке тихоокеанских эсминцев для преодоления заключительного отрезка их долгого пути в Кольский залив. Подлатав с помощью доставленного из Игарки кессона основные повреждения, «Баку», «Разъяренный» и «Разумный» 9 октября вышли из Диксона к проливу Югорский Шар, где их уже ждал усиленный эскорт Северного флота. «Хоупмаунт» с его шестиузловой скоростью был отправлен в Югорский Шар тремя днями ранее, что позволило ему достичь точки randevу 11 октября, практически одновременно с основной группой ЭОН-18. Стремясь поскорее оставить позади Новую Землю с ее дурной славой «магнита для подлодок», советские корабли и ледоколы полным ходом направились на юго-запад. Утром 19 октября прибыл эскорт и за оставшимся в проливе танкером: взяв под охрану своего «хромого» земляка, британские тральщики «Хазард», «Халцион» и «Шарпшутер» повели его сквозь быстро крепнущий молодой к Иоканье.

Когда 14 октября командующий Северным флотом адмирал Головкин под грохот торжественного салюта поднялся в Ваенге на борт «Баку», маленький английский конвой смог преодолеть едва четверть пути, причем из-за крепнущих льдов скорость продвижения все чаще падала до 10–15 миль в сутки. 21 октября на помощь к ним пришел «Красин», затем «Микоян», но арктическая зима уже вступила к этому времени в полную силу, морозы окрепли до тридцати градусов, и вывести англичан на чистую воду удалось лишь 20 ноября. А 29 ноября, ровно через четыре месяца после июльского выхода из Молотовска, с эскадренного тральщика «Брэмбл» на борт танкера были переданы три мешка накопившейся почты, а главное – долгожданные продовольствие и медикаменты.

Долгожданности их сделало не столько затянувшееся ледовое плавание, сколько почти героическое решение, единодушно принятое экипажем на Диксоне. Теперь его, вероятно, назвали бы гуманитарной акцией: состояние питавшихся почти одной только рыбой жителей Диксона (после рейдов «Адмирала Шеера» и подлодок снабжение острова резко ухудшилось) не оставило английских моряков равнодуш-

ными, и они внесли щедрый вклад в борьбу с надвигавшимся на поселок призраком цинги – на берег была отправлена львиная доля судового запаса овощей, фруктовых компотов и консервов с витаминными добавками. При этом моряки исходили из убеждения, что до конца рейса им остается не более 10–15 суток. Но и тогда, когда во льдах Баренцева моря ноябрьский суточный рацион пришлось сокращать почти на треть, запоздалых жалоб ни от кого не последовало. До известной степени ситуацию облегчали периодические – если позволяла погода – продовольственные «дотации» с сопровождавших танкер тральщиков. И все же у многих членов экипажа вскоре появились признаки цинги, простудные заболевания, общая слабость, а сам Уильям Шилдс из-за тяжелого воспаления легких был вынужден сдать командование старпому, который и довел танкер до причалов Иоканьги. Усилия британских врачей вернули Шилдса на капитанский мостик уже через три недели, и в составе декабрьского конвоя RA-51 «Хоупмаунт» благополучно добрался до родных берегов.

Любопытно, что нашими историками, описывающими эпопею ЭОН-18, не раз отмечается роль советских снабженцев «Локбатан», «Волга» и «Донбасс», обеспечивавших первоначальный этап перехода эсминцев, но упоминания о британском танкере в этих исследованиях отсутствуют. Слово и не было ни его, ни заправок на Севморпути, ни добровольной «гуманитарной акции» на Диксоне... Британские публикации уделяют «Хоупмаунту» заслуженно пристальное внимание, однако же там опыт его плавания оценивается преимущественно с точки зрения итогов тактического взаимодействия в Арктике. А в контексте итогов адмиралтейской веры в целостность «глотка свободы» самой выразительной оценкой можно считать заключительную запись капитана Шилдса, сделанную после швартовки в шотландском порту Метил: *«Русский рейс отмечен сплоченностью. Все до единого тянули в полную силу. Отличная работа отличного экипажа».*





**Олег Павлов****Комментарии к аду**

Стены времени вовсе не призрачны – это застенки. Маленький ад на земле или его подобие, кунсткамера, беззвучная плоскость отмерших душ и жизней. Есть запись у Нагибина в «Дневнике», где это чувство, близость ада этого, так и пронзает своей тоской; Нагибин пишет об умершей бабушке – вот ушёл человек, который видел меня младенцем, всё знал обо мне и о том, что было до моего рождения, а теперь человека этого не стало, и не стало всей жизни. Остался тоскливый быт одинокого человеческого существования. Пугающая темнота прошлого, по ту сторону которого слышится только гул смерти.

Чувство действительности, а с ним и духовная подлинная свобода, оказались утрачены после того, как нашу историю превратили в ад, и всякий теперь, наверно, приучился к мысли, что история наша – это непроглядное зло. Не изуверства и не ужасы жизни, от которых вопит плоть, а бесконечное познание зла, терзающее душу и ум. По одну сторону – могильники революции, войны, лагерей, зло содеянное, а по другую – зло нераскаянное. Великая русская литература была то Орфеем, спускавшимся в ад, то поднявшимся из ада Плутоном. Но творческая воля оказалась трагически отторгнутой от воли жизненной. Андрей Платонов пишет в начале XX века – «пушкинский человек исчез». Свой страшный суд над миром вершило и вершит сотворённое из страданий исчадие «маленьких людей» – «живые трупы», «мёртвые души», «мелкие бесы». По мысли Платонова, миссия художника в этой борьбе – преодолеть неразумное в действительности и в себе, куда неразумное проникло из той же действительности. Неразумное – значит зло. И Бердяев понимал зло как «изолгание бытия», то есть как привнесение в человеческое бытие разрушительного, неразумного.

Злом заражены человеческое страдание и – близкое ему – ощущение неподлинности существования человека – экзистенциальный абсурд.

Духовная неустроенность – это болезнь, исследовать которую возможно, лишь проникнув в глубину народной души. Такого масштаба национальной темой стала в русской прозе тема лагерная. Но мемориал лагерных книг, остов духовный современности, обратился в одинокие камни. Лагерная проза оказалась осмысленной в массовом потоке разоблачений и горьких правд, а могла быть раскрытой только в своей духовной сложности.

Каждая книга была неполной, в ней не хватало именно всей правды, как по Солженицыну – «не всё увидел, не всё вспомнил, не обо всём догадался», потому в глуби лагерной темы книги порой отчаянно расходились, спорили. Каждая книга, устроенная куда сложнее, чем документ или свидетельство, заключала в себе психологический тип, характер, свой атом неуничтоженного человека и свою неповторимую культуру – из многослойности жизни. Что писала партийная интеллигентка, того не вышло бы на бумагу из души дворянки. Социальное расслоение было даже разительней на каторге, чем в советском мире. Сам «советский человек» прозябал одиноким уродом на каторге – а первая же весточка в литературе, «Один день Ивана Денисовича», была весточкой о непогибшем русском человеке. Много сказано о том, что этот тип, мужицкий, крестьянский, оказался привлекательным и даже разрешённым в советское время для художников. Но в лагерной прозе обнаружился не один русский мужик, а русский народ; всплыла на поверхность не разбитая амфорка, а вся затонувшая в революции Атлантида. Обнаруженные уже Солженицыным исторические для русского народа вопросы были яростно заглушены советской пропагандой, а сам он – выслан из страны.

Но вопросы истории и веры оказались заглушены и теперь – только что выдворенные не из страны, а из литературы, где отказано им в осмыслении, точно бы в гражданстве. Эта участь постигла почти все лагерные книги, опубликованные в новейшее время, и даже великую – книгу Ирины Головкиной (Римской-Корсаковой) «Побеждённые», эпическое повествование о трагедии русского дворянства, подобное по силе своей разве что «Тихому Дону». Головкина умерла никому неизвестной в 1989 году. Опубликованный через три года в «Нашем современнике» посмертно, роман её похоронило всеобщее равнодушие и молчание.

Литература светская и лагерная проза были чужды друг другу, начиная уже с «Одного дня Ивана Денисовича». И в советское время, и в новейшее нет как нет у «литераторов» такой силы духа и мужества,

чтобы воспринять эту правду. Тем, кому чудится, что их пугают, всякий-то раз «не страшно», а им ведь и неведомо, чего надо бояться, – так ничтожны и задрены от жизни их места и местечки. Но и художественно проза лагерная сложнее мемуарной, сложнее документа и свидетельства. Она рождалась не из воспоминания, а из страдания, тогда-то и требуя вовсе не мемуарного «преодоления неразумного в действительности и в себе». Понимая сложность «выстраданного документа» как художественную, важнейшее по этому вопросу исследование пишет Шаламов, где заявленной по сути оказалась вся художественная программа послеплатоновской русской прозы: «Когда меня спрашивают, что я пишу, я отвечаю: я не пишу воспоминаний. Никаких воспоминаний в "Колымских рассказах" нет. Я не пишу и рассказов – вернее, стараюсь написать не рассказ, а то, что было бы не литературой». Подлинность, «нелитературность» осознаётся как проблема повествования. Из гула народной речи рождается «нецивилизованная» и антироманная форма лирического житийного эпоса. Это «Архипелаг ГУЛАг» и «Колымские рассказы», «Погружение во тьму» и «Побеждённые».

Публикация «Повести о прожитом» В. Зубчанинова состоялась после смерти автора. Мы уже не застали этого человека в живых – мы, его читатели. Поразился я поневоле, когда узнал, что Зубчанинов после десяти лет работы над книгой при всей её выстраданности для него оставил написанное под домашним арестом и как-то убеждённо не хотел никуда и никому навязывать. Книга обрела свою судьбу, стала как будто отдельной личностью. Виднейший учёный-экономист, профессор, двадцать лет, отнятые в лагерях – вот такой некролог человеческой жизни, но сокрыто в ней было столько утрат, сколько даже смерть не способна отнять у человека. Но смерть ничего у него уже не отняла. Даже горе своё Зубчанинов унёс с собой, не сделал его отдельным от себя, то есть не сбросил тяжким камушком в книгу – в мир наш и души. Он хотел понять и прояснить страшную историю тех лет, ему памятную, поэтому книга его утешает и спасает своим светом разума. Это движение души – не утрашиться и не утрашить – было инстинктом благородного человека, но Зубчанинов, сознательно отстранившись от уже написанного, также сознательно верил в своего читателя и считал себя ответственным перед ним, когда писал свою повесть.

«Повесть о прожитом» дополняет и продолжает лагерную тему, главное её направление – от воскрешения человека и духа человеческого к пониманию судьбы народа. «Архипелаг», оказываясь эпичней, но и пространней, угнетает и леденит под своими сводами. Солженицын – судья, и, как справедливо замечает в своих записках Амальрик,

«он не пытается понять другую сторону, зло остаётся у него только осужденным, а потому непреодоленным». Но, заложник фактов, их достоверности, Солженицын совершал прорыв за прорывом в житиях лагерных мучеников («Жизнь Георгия Тэнно»), в повестях о Кенгирском восстании и о расстреле в Новочеркасске, когда события только рисовались в его воображении – и здесь-то повествование становилось на глазах историей.

«Повесть о прожитом» – собрат этих эпических повестей «Архипелага». Зубчанинов пишет пережитое как увиденное. Важней ему не знать, а чувствовать – не судить, а понимать: «Я хотел стать историком. Это не значит, что меня интересовали исторические законы. Я любил историю как предмет художественного восприятия: мне хотелось чувствовать, что за люди скрывались за историческими именами, как они жили, как выглядели, как говорили; представить себе тогдашнюю обстановку, тогдашний город, его улицы, толпу так, чтобы, закрыв глаза, увидеть всё как наяву. Для меня картина Рябушкина была историей в большей мере, чем четырёхтомный фельетон Покровского. Даже фактологические исследования, в которых расследовалась скорее достоверность фактов, нежели живописалась уходящая действительность, казались мне более похожими на работу исследователя, чем историка».

История семьи, богатой, купеческой, Елизарова и муромского торговца Зубчанинова, рассказанная в начале, продолжается детскими воспоминаниями о дореволюционной России. Сама революция возникает в повести неожиданно, но не страшно: «Люди выбились из обычной колеи, ходили как подвыпившие, а всюду из балаганов кричали зазывалы, свистели детские свистелки, показывали петрушек, пахло вафлями и пряниками», «было такое состояние, какое бывает в доме, где умер хозяин, который всем надоед своей затянувшейся болезнью, но всё-таки продолжал быть хозяином, а теперь все облегчённо вздохнули, сразу получили возможность, не оглядываясь, делать что хотят, ходить куда хотят, говорить с кем угодно и о чём угодно».

Всплывают живые картинки и лица нового времени. Поэтический вечер в Деловом клубе: «К столу подошёл Маяковский, с папиросой в зубах, в хорошем заграничном открытом френче». Московский университет – Коммунистическая аудитория, лекции Брюсова о поэзии, травля профессора Челпанова. Безработица, биржа труда. Начало службы «секретарём в правлении Владимирского хлопчатобумажного треста». «Работу я представлял себе как труд... Вместо этого пришлось писать по поручениям начальника письма, готовить ему доклады». Приходя домой, Зубчанинов целыми вечерами лежал в полном отчая-

нии, стыдясь кому-либо рассказать о том, чем приходится заниматься. Труд был смыслом жизни для русского человека, даже его религией, недаром памятные остались в семье слова прадеда: «Наши елизаровские деньги честные: тот – купца на ночлеге зарезал, другой – помещика обобрал. А мы сколько лаптей с отцом износили, чтоб копейку к копейке прикладывать».

Этот предок, Ефим Григорьевич Елизаров, был заводчиком полотняной фабрики в Вязниках. Зубчанинов описывает, как бастовали рабочие на Вязниковских фабриках в 1928 году, и начало борьбы с народным непокорством. Эти две стихии, народная и новых хозяев жизни, отчего-то так и существуют в повести отдельно. То есть нет ощущения гибели России. Дух жизни советской – не воздух, а вонь. Масса новых хозяев, мелкая интеллигенция, мелкая буржуазия, «которая никогда ничего не имела и не умела», копошится вошью на трупе мертворождённого «советского государства». «Едва заканчивали передавать наспех нахватанные цифры, как уже звонили из вышестоящего учреждения. Там готовился спешный доклад в правительство и тоже нужны были разные сведения. Тут же приносили бумагу с распоряжением начальника писать туда-то, составить справку для того-то, дать заключение по письму такого-то и так – весь день». Россия голодает и бедствует, потому что трудоустроился в ней тот бесполезный страдающий «маленький человек». Тысячи таких сидят начальниками в учреждениях – это и есть их работа, их революция.

Замечательно наблюдение Зубчанинова о природе советского бюрократизма – бросились изводить бумагу массы полуграмотных и безграмотных, для них, как бы новообращённых в грамотность и счетоводство, сам процесс писания, подсчётов и прочего осознавался именно как важнейшая тяжелейшая работа! «Все вопросы теперь решались одним-единственным человеком и его двумя-тремя непосредственными помощниками по его указаниям. Вопросов в стране было бесконечное множество, и для того, чтобы делать их понятными, человеку, который никогда ничего не слышал о них, приходилось всё разрабатывать в мельчайших подробностях с самого начала и до конца. Поэтому занято этим было бесчисленное количество людей». Но мало, что надо было делать понятным рабочий вопрос для «хозяина», ведь и управлять такие «хозяева» не могли – отсюда и необходимость в госплане, пятилетках, то есть в диктатуре. «Каганович, назначенный наркомом путей сообщения, организовал у себя в наркомате центральную диспетчерскую, чтобы из Москвы следить за движением каждого поезда в стране».

Зубчанинов сообщает факты о забастовках текстильщиков в Шуге, в Иванове – и это факты 30-х годов! На усмирение только стихийных митингов в Иваново были отправлены две пехотные дивизии. «Нужно было или мириться, или усиливать и усиливать полицейскую диктатуру, подкрепляемую постоянным устрашением и подавлением. История пошла по второму пути. А в связи с этим потребовался диктатор, которому необходимо было создавать непререкаемый авторитет и всеобщее поклонение».

Зубчанинов низводит миф о культе Сталина и даже о его необычности. На месте Сталина мог быть другой – Киров, то есть не демонический диктатор подчинил себе партию и прочее, а массы советских хозяйчиков жизни жаждали диктатора и диктатуру – трупные советские вши заедали народ. На «съезде победителей» они всего-то метались между Сталиным и Кировым, требуя от руководства одного – усилить террор. Хозяйственная самостоятельность и НЭП были ликвидированы потому, что массы эти не сумели и не смогли устроиться в жизни, сделать себе капиталы – трудиться, их побеждал артельщик, заводчик, то есть в конечном счёте мужик. В другое время лагерники уверены были, что не отпустят их из лагерей защищать родину на фронт: «Ведь легавым от войны уряться надо. Без заключённых такую армию в тылу держать не будут!»

Зубчанинов попадает в молох репрессий, уже поглотивший его отца и брата. Начинается история лагерной Воркуты, и если за Шаламовым навечно стоит Колыма, за Волковым – Соловки, то Воркута, донине в лагерной прозе почти не разведанная, после «Повести о прожитом» обретает тот же вечный духовный свет. В этой части написанное Зубчаниновым уже бесценно для народной нашей памяти – воскрешаются десятки безвестных человеческих имён и подвиг многих тысяч людей, на чьих костях обустроивалась северная эта земля. Бесценна доподлинная история «кашкетинских расстрелов» и «ретюнинского восстания» на Усть-Усе. В повести возникают Нафталий Френкель и Яков Мороз, почти оставшиеся тайной лагерные генералы, хозяева ГУЛага, которых Зубчанинову довелось увидеть воочию, даже так, кромешней – стоять пред ними и ждать, но миновать участи смертельной.

Кашкетинские расстрелы на Воркуте и гагаринские на Колыме – самые зловещие и массовые случаи истребления заключённых в ГУЛаге. Правду о гагаринских расстрелах написал Шаламов. Факт массовых расстрелов на Воркуте расследовал и запечатлел в «Архипелаге» Солженицын, но написанное Зубчаниновым сообщает такие подробности, которые и многое уточняют в этих событиях, и многое меняют в их духе.

«Архипелаг» Солженицына и «Справочник по ГУЛагу» Жака Росси, самые значительные собрания лагерных материалов, утвердили в истории именно «кашкетинские» расстрелы, тогда как в повести Зубчанинова фамилия уполномоченного из Москвы, старшего лейтенанта госбезопасности оказывается *Кашкедин*. Командировка Кашкедина на Воркуту в 1938 году была развязкой двухмесячной голодовки красноярских троцкистов: Кашкедину поручили их уничтожение, но сотня троцкистов пополнилась – до тысячи – 58-й статьёй и «отказниками» из верующих. До сих пор известно, самый полный рассказ у Солженицына, что колонну заключённых, которых якобы для этапа собирали всю зиму на кирпичном заводе, инсценировав отправку, расстреляли из пулемётов в открытом поле. Солженицын пишет о пособничестве уголовных в этом расстреле, Зубчанинов – о том, что охрану кирпичного формировали исключительно из вольнонаёмных вохровцев, «главным образом коммунистов и комсомольцев» и что добывал Кашкедин раненых в поле с солдатами, которым после выдали денежные премии и предоставили путёвки в санатории. Это – расхождение в подробностях, а по сути – Зубчанинов описал первую неудавшуюся попытку расстрела, о которой до сих пор было неизвестно: «...Кашкедин, как все чекисты, которых мы наблюдали, организовывать ничего не умел. Сначала он придумал такой порядок уничтожения. Людям объявляют, чтобы они готовились к бане. Выводятся первые десять человек, они раздеваются в предбаннике, ничего не подозревая идут в натопленную баню, там их убивают, трупы выносят. Затем вводят второй десяток и т. д. Но когда первые, раздевшись в предбаннике, вошли в баню и увидели там вооружённых вохровцев, которые приготовились стрелять, началась свалка: кого-то успели застрелить, но кто-то схватил шайку и кинулся на вохровцев, кто-то зачерпнул кипятку и стал плескать на солдат. Всё закрылось паром, стреляли наугад, беспорядочно и долго. Эту стрельбу услышали в палатках, и началась паника. Когда бойня с первым десятком кончилась, и, поуспокоившись, хотели выводить второй, поднялись такие крики, возбуждённый народ сгрудился такой толпой, что сделать ничего не удалось. Намеченный порядок пришлось менять».

Зубчанинов описывает, как на другой день после неудавшегося расстрела Кашкедин в сопровождении своих лейтенантов и вохровцев пошёл по палаткам и отыскивал виновников *беспорядков*: «Кто начал вчерашние беспорядки? – Все молчали. – Не хотите говорить?! Так я знаю – кто. Взять этого. – Он ткнул пальцем в первого попавшегося. Потом тоже приказал: этого, этого... Но тут к нему кто-то подскочил и закричал: – Я начал. Я! С нар соскакивали люди и все крича-



ли: – Я! Я! Опять поднялась страшная суматоха. Толпа с криками окружила чекистов. Они были без оружия. Носить его в тюрьмах не полагалось, потому что заключённые могли отобрать и вооружиться. Пришлось бежать из палаток». И тогда-то Кашкединым было решено кончить всё сразу. Заключённые на кирпичном не умерли по доброй воле и не шли на бойню как скот. Они хотели жить и верили до конца в своё спасенье – не сумев сломить их воли и запугать, Кашкедин придумал обман, что их отправляют на этап, но и расстрел колонны в голом заснеженном поле был таким же трусливым – был засадой. И ещё один факт сообщает Зубчанинов – что сам Кашкедин был позднее расстрелян. Таков был и конец колымского палача Гагарина. Их убрали как исполнителей и свидетелей, замечая следы, – но вот правда массовых расстрелов на Воркуте наконец открыта, а правда – это несломленный дух человеческий.

О малоизвестном «ретюнинском восстании» на командировке Ош-Курье Зубчанинов написал одни из самых сильных страниц в повести, полные одержимости, отчаяния, мужества – человеческой силой, как и «Последний бой капитана Пугачёва» у Варлама Шаламова. Солженицын в «Архипелаге» сообщает: «Ещё весной 1945 сажали по "ретюнинскому делу" совсем и непричастных». Один из этих непричастных был Зубчанинов. Два года воркутинской тюрьмы. Бесконечные ночные допросы – пытка, которой в конце концов не выдержал. Второй лагерный срок – десять лет. «Ретюнинское дело» было нужно, чтоб доказать антисоветский заговор. Самих восставших не осталось живых, и на Воркуте шли аресты «вдохновителей и руководителей» заговора. Но то, что пережили Зубчанинов и другие, за что их покарали, сделало ведь их не иначе как причастными. Ничтожные безголовые палачи сами ставили на место убитых живых, и было так, будто бы они – живые – восстали, а восставшие – не умирали.

Судьбу человека невозможно отделить от истории народа, а пережитое каждым – от исторической жертвы миллионов. Мы наследуем эту нашу национальную трагедию, много зная покаянной безнадежной правды, но так и не обретая нравственной ясности, потому что забыта и предана безмолвию стала даже память тех, кто её, тему лагерную, открывал. Но лагерная тема закрытой или же завершённой быть не может, потому что это святой стон и голос наших мёртвых, праха земли нашей. Донести правду о пережитом, увиденном дано было немногим – выжившим, оставшимся людьми, но это сам наш народ доносит о себе правду и воскрешается из небытия, из мёртвых.

Андрей Рубанов

## Дзенское благодарение мертвым

Он сгорел быстро, меньше чем в неделю. В первый день валялся с высокой температурой – все думали, что простыл. На вторые сутки к температуре добавились сильнейшие головные боли; он сначала стонал, потом кричал. К вечеру третьего дня его перевели на больничку. Менингит. Еще через два дня врач Ира сказала мне, что он умер.

Ему было восемнадцать, его взяли за кражу женской сумочки. В сумочке был кошелечек, там лежало двести рублей. Сама сумочка стоила триста. Общий ущерб потерпевшая оценила в пятьсот.

В тысяча девятьсот девяносто восьмом году на эти деньги можно было налить полный бак бензина. Или выпить сто граммов коньяку в ресторане средней руки.

Но я и все мы меньше всего думали о бензине и коньяке, запах того и другого был давно забыт, и глупая гибель глупого мальчишки, угондившего в тюрьму за копеечную кражу и в тюрьме сгинувшего, нас не особенно впечатлила. Покачали головами и продолжили выживать. На нашем этаже за полгода умерло трое. Один старик – не выдержало сердце, и два торчка, от передозировки.

Гораздо больше беспокойства вызвала причина смерти. Менингит – инфекционная болезнь, и нам грозил карантин. Надолго. Не менее чем на месяц. Осужденные, приготовившие баулы, правдами и неправдами собравшие запас чая и курева, не поедут на этап, прочифирят и прокурят свои запасы и останутся на голяке. Те, кто судился, не поедут в суды. Было двое или трое таких, кто собирался, выехав на суд, уйти на волю, сразу из зала, так обещали их адвокаты, – эти горевали больше всех.

Еще через сутки вся хата сдала анализы крови. Зараженных оказалось два десятка, и я в их числе. Ирина, врач, объявила, что всех, кто имеет в крови заразу, переведут в отдельную камеру и продержат там на

протяжении всего инкубационного периода – не менее сорока пяти дней. Если никто не заболел – карантин снимут и всех вернут обратно.

Сидя на кушетке в кабинете врача (он выглядел как обычный кабинет какой-нибудь бедной провинциальной больницы, только место для больных огорожено было решеткой, термометры и таблетки просовывались сквозь прутья), я выслушал рассказ о перспективах, покрылся холодным потом и осторожно спросил:

– Обратно – в ту же хату?

Врач Ира посмотрела на меня с грустью:

– Честно – не знаю.

Мы дружили. Так, как может дружить тюремный врач и арестант.

В Матросской Тишине подследственных лечили особым образом. Доктор полагался один на этаж, на этаже – одиннадцать хат, в каждой от ста двадцати до ста пятидесяти человек, всего примерно полторы тысячи, недомогал примерно каждый седьмой – осматривать ежедневно такую ораву было невозможно. По договоренности между арестантами и администрацией из каждой хаты в кабинет врача выходил только один особый человек, «Айболит» – он получал лекарства сразу на всех бедолаг. Тем более что основная масса страдала элементарными кожными заболеваниями, происходящими от грязи, тесноты, сырости и авитаминоза. Тюремная медицина не могла предложить им ничего, кроме стрептоцида и мази Вишневского. Эту мазь, вкупе с аспирином и зеленкой, я и таскал от Иры почти ежедневно, наделяя простейшими снадобьями всех недужных. Разумеется, этот обычай не касался сложных случаев.

«Айболитом» я сделался просто потому, что мне доверяли. Еще – потому, что сидел долго и давным-давно понял, что, например, водянка, внешне ужасная беда, лечится в пять дней путем проглатывания пары капсул мочегонного. Что вши летом вообще непобедимы – зато ближе к зиме исчезают сами собой. Что чифир – одно из лучших лекарств. Что гнойные язвы возникают, если расчесывать грязными ногтями воспаленные участки кожи; не хочешь стать Иовом – не чешись как обезьяна, умеи содержать себя в чистоте. И так далее. Помочь болезному арестанту – невелика премудрость. Кстати, в тюрьме великолепно действует эффект плацебо.

Иру я уважал, она была умна, любила свою работу, увлеченно занималась какой-то узкоспециальной темой, из области физиотерапии, что ли; в тюрьму пошла для денег и не вела себя как «лепила», она действительно пыталась помочь. Над ее столом висел плакат: «Говори кратко, проси мало, уходи быстро».

Мое беспокойство она вполне понимала. Карантин окончится, срок пять суток истекут, и отселенных вернут обратно на общий корпус – но куда? В те же камеры или в другие? Я полтора года сидел на одном месте, имел друзей, налаженный быт и холодильник. Переезд означал волнения, нервы, расставание с корешами и новый раунд борьбы за существование. А я устал бороться, очень. Это была моя третья тюрьма. Я хотел одного – спокойно досидеть до приговора, получить свои пять лет, уехать в зону и оттуда освободиться условно-досрочно, как все нормальные люди, путем дачи взятки.

Разумеется, Ира никакого влияния на администрацию не имела и не могла знать, вернут ли меня домой или переселят.

О том, что со мной станет, если я заболею, мне не хотелось думать. Мне тогда вообще редко хотелось думать.

– Когда переселение? – спросил я.

– Сегодня вечером или завтра утром. Держи список. Пусть готовятся.

Вернувшись, я угрюмо стал искать под шконками свой баул и собирать скарб.

Выдергивать нас под вечер никто не стал. Вертухаям было лень. Зачем делать вечером то, что завтра утром сделает другая смена?

Когда в начале нового дня дежурный с пачкой арестантских карточек в руке открыл тормоза и стал выкликать фамилии – мы уже сидели наготове.

Быть наготове важно. Не будешь наготове – пожалеешь. Отшмонают полезное барахло. Зажигалки, бритвенные лезвия. Могут и фильтры от сигарет поотламывать, с них станется.

Побрели по коридорам, по лестницам.

На полпути я обогнал вереницу влачащих пожитки собратьев, пристроился вслед за конвоиром и затеял специальный разговор: слышь, старший, а где мы, а что здесь, а как с прогулкой, а как насчет того, чтобы в баню сходить. Дежурный отвечал односложно, сквозь зубы, через плечо, но мне требовались не ответы, а сам факт того, что я шагаю почти рядом и обмениваюсь звуками. Вроде как наладил контакт. Таким образом, когда конвоир наконец остановился посреди полутемного прохода возле одной из крашенных серым дверей и отомкнул замок, я вошел в хату самым первым и мог выбирать для обустройства лучшую шконку. Каковая – все знают – располагается максимально далеко от тормозов, непосредственно под решкой.

Впрочем, хитрость оказалась излишней. Пространства было в избытке. Двенадцать двухэтажных спальных мест на восемнадцать человек – неслыханная роскошь. Каждый, кто желал обосноваться на

первом ярусе, там и обосновался, а тот, кто не сообразил или вовсе не умел соображать, без проблем воздвигся на второй этаж, развесил и разложил манатки, – когда тормоза с грохотом закрылись, все уже занимались своими делами.

Осмотрелись, покурили, чифирнули.

Хата была нежилая – прохладная, чистая, пропитанная запахами дезинфекции.

Из нормальных попало трое: бывший капитан речного флота Мальцев, некогда отслуживший в десанте, обладатель внушительного размаха плеч и редкостного ремесла медвежатника, грузинский крадун Бачана, совсем молодой, ленивый, но добродушный, в целом не гнилой арестант, чья проблема заключалась в плохом знании русского языка, и Малыш – толстый белотелый паренек из тех, кто для тюрьмы совсем не рожден: чувак всем верил, всех боялся и мощно краснел в ответ на всякую невинную шутку, однако получал от родственников регулярные полновесные продуктовые передачи и поэтому представлял для арестантского сообщества большую ценность.

Первым делом, как и положено, установили связь с соседями: я залез на решку и вызвал людей, живущих этажом выше. Отписали домой: сидим ровно, ничего не надо, почту переправляйте туда-то. В принципе, домой можно было и откричать – наша решка выходила во внутренний двор, и по прямой до дома расстояние составляло не более пятидесяти метров, но этот способ связи я решил оставить до крайнего случая.

Меньше чем через час люди с верхнего этажа проявили арестантское благородство: поинтересовались, не надо ли чего. Но мы, не будь дураки, ответили, что пребываем в полном достатке и, если встанет вопрос, сами можем помочь во всякой нужде. Действительно, чай-курить мы припасли, остальное не важно. Кроме того, не грех было бы аккуратно уточнить, что за персонажи сидят этажом выше. А вдруг там гады? Или менты? Или пресс-хата?

Остаток дня занимались тем, что плели канатики и ковыряли дырки в стенах возле параши, и в восемь вечера, после проверки, кое-как облагородили отхожее место, занавесили вертикально свисающими кусками простыней, дабы процесс арестантской дефекации происходил типа уединенно.

Следующие двое суток проспали практически беспробудно. Поднимались только для того, чтобы сожрать пайку, плюс раз в день всех выводили на продол – фельдшер совал каждому таблетки и интересовался, нет ли жалоб на здоровье. Какие там жалобы, мы наслажда-

лись. Мы попали в санаторий, мы сорвали джекпот, Бог сжалился над нами и поместил нас, пусть временно, туда, где тихо и просторно, где можно дышать, где не нужно ждать очереди для того, чтобы справить нужду, где всякий из нас в любой момент времени мог, никого не стесняя, принять горизонтальное положение, вытянуть ноги и сколь угодно долго просматривать сны о свободе. Либо просто валяться, бездумно изучая потолок.

Матрасов мы не взяли, не имели, тюрьма наша хоть и столичная, но бедная, матрасов никому не дают. В сто семнадцатой матрасом мне служило самодельное сооружение из нескольких полуистлевших ватных курток, обшитых тряпками. Здесь пришлось спать на твердом, положив одеяло на голый металл, но это никого не расстроило. Главное – тишина и простор.

Дома, в сто семнадцатой, я не бедовал, но сейчас со мной в карантине очутились и такие, кто с первых дней избрал жизнь пассажира, не умел или не хотел поставить себя правильно из-за банального недостатка ума или силы воли; эти люди отдыхали по шесть часов в четыре смены, остальное время стояли вертикально, все как один страдали водянкой, их ноги опухали, ступни увеличивались на десять размеров и приобретали серо-багровый цвет; сейчас они, не веря своему счастью, спали, спали, спали. И я – вместе со всеми.

В сто семнадцатой я устал. Устал ходить с мрачно-озабоченным выражением лица, устал следить за собственной речью – не дай бог неправильно выругаться, устал от извилистой тюремной дипломатии, от необходимости терпеть рядом дураков и патентованных шерстяных жлобов, бесконечно выясняющих отношения, переругивающихся и пребывающих в неостановимом, животном поиске куска еды, щепотки чая, сигареты, теплой фуфайки или дозы героина. Там, в сто семнадцатой, я имел деньги, еду, друзей, холодильник, телевизор, магнитофон, я сидел как мало кто сидел, я сидел как надо, я все имел; но покоя не имел. Никакого.

А здесь, в карантине, был покой.

На третьи сутки, когда выспались самые измотанные, кое-как началась вялая, расслабленная жизнь. Шевеления, передвижения, негромкие разговоры. Многие жаловались на сильный свист в ушах, но бывший десантник Мальцев растолковал, что это результат резкого перемещения из мест с повышенным уровнем шума – в тишину. Сто семнадцатая, с ее полутора сотнями обитателей, представляла собой круглосуточно гудящий улей – а здесь было слышно, как за решкой дерутся воробы и переговариваются вертухаи в конце коридора.

Многие отписали ксивы по друзьям и приятелям. Ближе к ночи пришла ответная почта. В частности, нам загнали две неплохие покерные колоды, и хата с удовольствием уселась резаться в стос. А я с удовольствием отметил, что люди придумали себе занятие.

На четвертый день я возобновил медитации и молитвы.

Я не впервые сидел в маломестке. Полтора года назад, когда меня перевели из Лефортова в Матросскую Тишину, я попал в изолятор номер сорок восемь дробь четыре – маленькую тюрьму, обособленно существующую на территории «Матроски» (за общим забором, но с отдельным входом), в свое время она приютила членов ГКЧП, а потом именно отсюда совершил побег легендарный суперкиллер Саша Македонский. Месяц я прожил в четырехместном боксе в компании человека, обвиняемого в организации серии убийств с особой жестокостью, и молодого вора в законе Миши Голодного, обаятельного, умного парня с хитрыми водянисто-голубыми глазами и пластикой мальчика из хорошей семьи. Один из углов камеры жулик превратил в часовню, повесил два десятка икон и трижды в день по часу молился; в это время мы, остальные, прекращали разговоры, чтобы не мешать человеку, и могли тогда слышать его быстрый горячий шепот, постепенно переходящий во всхлипывания. Ближе к финалу молитвенного акта Миша тихо плакал, но когда возвращался из своего угла, его глаза уже были сухи. Он тогда, в апреле девяносто седьмого года, держал строгий пост, ел только хлеб и орехи. Не курил, никогда не ругался матом. Проснувшись, желал всем доброго утра, когда засыпал – спокойной ночи. Однако мог и зубы показать. Он произвел на меня большое впечатление. При расставании я подарил ему свой костюм: черную пиджачную пару с воротником-стойкой. Натуральный «Кензо», приобретенный за бешеные деньги во времена бешеных денег. Подкладка брюк была украшена узором в виде мелких розовых цветов, я сразу показал это дело – какие могут быть в русской тюрьме розовые цветочки, да еще на одежде вора? Но Миша только посмеялся и произнес тираду в том духе, что, мол, человека определяют его поступки, а никак не узоры на подкладке штанов; он, этот Миша, был, как я тогда понял, профессиональным уголовником новой формации, а не «синим» ортодоксом. Он много читал, часто цитировал Библию, а когда ближе к полуночи по телевизору показывали эротическую программу – переключал канал.

Оказавшись в сто семнадцатой и очнувшись через несколько дней от шока, я попытался было взять Мишу Голодного за ролевую модель. Вообще, арестанты уважают верующих – не тех, кто на воле делает что хочет, а попав в тюрьму, выпиливает заточкой крестик из зубной щет-

ки и носит в кармане вырезанную из журнала бумажную иконку, – а настоящих верующих, чье поступательное движение к Богу происходит в каждую минуту времени. Но мне быстро дали понять, что там, где люди дохнут от голода, болезней и тесноты, веру в Бога лучше бы отправлять не долгими молитвами, а поступками и что углубившиеся в книги философы тут на хуй не нужны. А требуются те, кто умеет выживать и другим способен помочь это сделать.

Но теперь, в карантине, у меня оказалось в избытке места и времени – я вернулся туда, откуда начал.

Начал еще в Лефортово, в декабре девяносто шестого, и продолжал без остановок до самого апреля, до момента переезда. Почти пять месяцев, утром и вечером по часу. Особенно удачными выдались февраль и март, я сидел вдвоем с маленьким армянином, обвиняемым в серии убийств, он был вежливый и седой, уважал меня за то, что я знал, кто такой академик Амбарцумян, вечером мы играли в шахматы, по-серьезному, только одна партия в день, примерно три часа, ходы записываются, а потом до самого отбоя – анализ и разбор ошибок. Как правило, я проигрывал. В шахматах, как и в жизни, я авантюрист и всегда предпочитаю результату красоту комбинации.

Медитировать в лефортовской тюрьме хорошо. Полутораметровые стены не пропускают звуков. Сосредотачивайся, как тебе надо. Никто не мешает. Вентиляция работает. Кормят рисовой кашей. В карантине было не так удобно, но теперь мне идеальная тишина и не требовалась.

Если хочешь чем-то заняться, чем-то серьезным – делать миллионы, или книги писать, или искать дорогу в нирвану, – не ищи идеальных условий, их никогда не будет.

Чтобы вспомнить, как это делается – как сидеть, как дышать, как и о чем думать, – потребовалась неделя. Зато потом у меня вдруг стало получаться то, о чем я раньше и не мечтал.

Зачем я это делал? Ответ был готов тогда же, в Лефортово, два года назад. Есть на свете такое, чем никогда не займется обычный человек в обычной жизни. Есть нечто, чем не овладеешь в суете. А я – человек суеты. Меня возбуждают быстрые и сложные маневры меж людей. Я всегда считал себя очень реальным, насквозь практическим существом. Сколько себя помню, меня интересовали только знания, имеющие прикладное значение. Суха теория, мой друг. Я целый год играл на фондовой бирже, руководствуясь только краткими советами приятеля, выпускника экономфака МГУ. Ну и прочитал несколько глав из популярного



учебничка Александра Элдера. И ничего: выигрывал десятки тысяч долларов. Все равно весь российский фондовый рынок держался – подозреваю, и сейчас держится – исключительно на незаконном круговороте секретной, инсайдерской информации. Я три года занимался карате, не имея настоящего учителя, руководствуясь в основном фильмами с Брюсом Ли, – и ничего, кое-как наблатыкался. До сих пор не помню ни одного формального упражнения, но ребро сломать умею. Конечно, это подход дилетанта – но мне так больше нравится. Залезая в новую для себя область, я никогда не стремился стать лучшим – хотел лишь понять, как все устроено. Вынести практические знания. То, что пригождается каждый день.

Однако, повторяю, есть некие области культуры, не имеющие очевидного прикладного значения. Польза от медитаций (и других практик, освобождающих сознание) появляется нескоро. Поэтому люди – конечно, речь идет о так называемых обычных, средних людях, о таких, кто с утра до вечера добывает свой хлеб, содержит семью, смотрит телевизор, ездит в отпуск к морю, мучается от нехватки денег, копит на автомобиль, ходит с друзьями в баню, раздает подзатыльники непутевым детям, дарит жене на день рождения золотые колечки и так далее, – пренебрегают медитацией. Слишком сложно. Польза классической философии в быту сомнительна, поэтому пассажиры в метро читают детективы, но никак не труды Шопенгауэра. Если честно, я с трудом представляю себе мир, где граждане в общественном транспорте сплошь читают Шопенгауэра; наверное, в таком мире все было бы по-другому, и люди не сажали бы друг друга в каменные мешки.

Лично мне, три года – с четырнадцати до семнадцати – сочинявшему фантастические романы, год отработавшему плотником-бетонщиком, написавшему пятьдесят статей для многотиражной газеты строительного треста, два года отслужившему в армии, три года просидевшему на студенческой скамье и пять лет посвятившему торговле контрабандным вином, ворованными автомобильными колесами и, далее, наличными деньгами, никогда не хватало времени углубляться в какие бы то ни было теории. Освоить искусство медитации я мог только в одном месте – в тюрьме, и нигде больше.

Возможно, тюрьмы существуют именно для того, чтоб люди учились медитации. Или, говоря более общо, чаще думали о своей грешной жизни.

Я просыпался раньше всех. Около семи утра. Тщательно, по пояс, обтирался мокрой губкой. Еще одно преимущество малонаселенной

камеры – отсутствие очереди к умывальнику. Дождался проверки; в Матросской тишине это формальная процедура, корпусному начальнику лень заходить, он лишь спросит, через открытую кормушку: «Сколько вас?» – «Восемнадцать». – «Ага». Следующие два часа, безмолвные, прохладные два часа, с восьми до десяти, до тех пор, пока не начнут, позевывая и почесываясь, воздвигаться ото сна бледные, угрюмые, мучимые жестокой утренней эрекцией сокамерники, принадлежали мне целиком.

Не особенно заботясь о позе тела, о прямизне позвоночного столба, в несколько минут неподвижности я достигал особенного, необычного состояния разума и тела и пребывал в нем сколь угодно долго. Если оно переставало быть комфортным, я прекращал, не испытывая ни малейшего сожаления. Народ начинал шевелиться, бряцать посудой, изготавливать кипяток, деликатно попердывать за сортирной занавесочкой – я тоже что-то делал, обменивался с кем-то репликами. Но при первой же возможности опять уходил в себя. Ощущения были очень новыми. Наверное, так беременная женщина прислушивается к шевелению плода в утробе. Теплые волны путешествовали по нервным узлам, от паха к затылку и обратно. Особенно забавным показалось удерживать их в горловой чакре, повыше трахеи. Голос изменился, стал ниже и гуще. Курение сделалось омерзительным занятием; сильно зависимый от никотина, я теперь обходился четырьмя сигаретами в день, причем первую из них выкуривал только после обеда.

Речью сделался добр и скуп. В тюрьме считается, что постоянное общение, беседы на разнообразные темы – наилучший способ сохранить рассудок. Но я достаточно объелся общением в сто семнадцатой и сейчас был счастлив ничего не говорить и никого не слушать.

Вдруг, примерно на десятый день, я обнаружил, что умею наблюдать себя со стороны, и этот наблюдаемый вая показався мне несимпатичным – таким снобистским и высокомерным; ему не повредило бы хоть иногда поддерживать окружающих шуткой и вообще стать более социальным. И вот целый вечер напролет я подначивал Малыша рассказами о том, как доведут его к сроку еще лет десять за неуплату налогов; Малыша взяли за какие-то махинации с облицовочным строительным камнем, Малыш был бизнесмен, налогов не платил, я и ухватился за эту тему; одновременно пили чай, я угощал, все было очень по-доброму, почти мило – настолько, насколько вообще может быть мило в следственной тюрьме. Я провел один из лучших вечеров за всю свою арестантскую эпопею, все много смеялись, и ночью я видел хороший сон.

А наутро проснулся рано, молился долго, а потом, закрыв глаза, сумел, без особенных усилий, объять сознанием всю тюрьму и окрестности. Прочувствовал, улавливая запахи, краски и звуки, общий корпус и спец, строгие хаты и карцер, больничку и тубанар, осужденки и сборки, кабинеты для допросов и свиданий, прогулочные дворики, лестницы и коридоры, и огромную очередь возле отделения для приема передач, где зимой жгут костры, где гады торгуют местами в первой сотне, а иногда подъезжает братва и ломает гадов; услышал и осязал жителей окрестных домов, чьи окна глядят на тюремные стены и впитывают энергетику несчастья; и автозаки явились мне, везущие арестантов в суды и на этапы, и конвоирки, и судейские комнаты, где решают судьбу нашего брата, и «столыпины», и зоны, и лагеря, и понял я каждого из полутора миллионов арестантов и зэков, и столько же их матерей, и жен их, детей, сестер и братьев, безжалостно вращающееся колесо поломанных судеб прокатилось по мне, но не горе и не боль ощутил я.

Ничего не ощутил.

Собственное тело стало легким. Простейшие движения доставляли удовольствие. Особенно ходьба. Ежеутренняя кружка свежезаваренного чая выпивалась чуть ли не в течение часа, мелкими глотками, словно некий нектар. Вдыхание свежего воздуха на прогулке приносило почти экзотические ощущения. Даже моргать и то было по-особенному забавно. Если я курил сигарету, то только курил, и все, думал о курении и концентрировался на вдыхании дыма. Если мерил шагами прогулочный двор, прохаживался, то сосредотачивался только на том, как прохаживаюсь, переносу вес с ноги на ногу.

Бывает особенная тюремная задумчивость, нервная и мрачная, на жаргоне называемая словом «гонять». Человек, который «гоняет», либо сидит где-нибудь у стены, либо, если позволяет пространство, вышагивает взад и вперед, отрешенно глядя себе под ноги. Так «гонял», например, Малыш – ему очень не хотелось получать свои пять лет за то, что продал три вагона низкокачественного гранита под видом высококачественного, и он целыми днями молчал, по временам тяжело вздыхая, а то вдруг принимался строчить длинные послания, то ли письма маме, то ли заявления прокурору.

Я не «гонял». Утратил саму потребность о чем-либо беспокоиться. Вспоминать прошлое не хотелось. Гадать о будущем – тоже. А тем более его, будущего, бояться. Даже мысли о семье не приносили душевных страданий. Очевидно, если я без особенных проблем выживаю в тюрьме, то там, на свободе, жена и сын выживут тем более.

В какой-то из дней нам устроили шмон, выгнали всех на проход, и пахнущие кирзой и перегаром кумовья оборвали занавески, прикрывающие отхожее место. Тряпки и веревки, нападдая их носками берцев, выкинули за дверь. Еще месяц назад такой демарш вызвал бы у меня приступ гнева или даже особенной пенитенциарной истерики, когда арестант катается по полу и воет «а-а-а, бля, ненавижу!!!», но сейчас я ничего не ощутил, и пульс мой участился едва ли. Тратить нервную энергию на пустяки показалось унижительным; нельзя же ненавидеть ветер за то, что он сбивает с головы картуз; едва тормоза закрылись, мы в полтора часа все восстановили в лучшем виде.

Вскоре я сократил время медитаций до минимума. Азарт, с которым я открыл свое новое умение, нивелировался, сошел на нет, уступил место стойкому навыку. Лишь иногда посещало веселое недоумение: как это я жил без этого раньше? Достигнутый уровень сознания ничем не напоминал алкогольную или наркотическую эйфорию. Тот кайф непременно хотелось усилить, первая рюмка всегда требовала второй, первая марихуановая затяжка – второй затяжки. Здесь отсутствовало само желание какой-либо эскалации. Все происходило само собой. Несло и кружило.

Ел мало. В карантине кормили не то чтобы хорошо, однако лучше, чем на общем корпусе, а может, нам, как недужным, полагался какой-то усиленный паек; я нормально наедался. Обычно жрал дважды в день, утром пайку хлеба с чаем и сахаром, а вечером «болты» – перловую кашу; превратить ее в съедобный харч можно было, тщательно промыв кипятком и заправив подсолнечным маслом. Сколько себя помню, я всегда ел очень быстро, глотал, почти не жуя, – а тут внезапно понял, что мне нравится сам процесс. Уже не заталкивал в себя полными ложками, а смаковал. Неторопливо пережевывал по целому часу.

«Болты» не нравились только грузинскому крадуну Бачане, он выглядел как любитель покусать. У него были покатые плечи, животик и внушительный жирный зад. Подозреваю, что он и воровать пошел только для того, чтобы поменьше напрягаться, побольше спать и кушать сациви и лобио. Он ел «болты» вместе со всеми, но ворчал. Впрочем, беззлобно.

– Баланда – она и есть баланда, – однажды возразил ему я. – Кстати, перловая каша, сваренная на воде, – любимый завтрак английской королевы.

Бачана засопел.

– Тогда, – сказал он, – пусть она приедет в гости и почифрит с нами.

Посмеялись, я – громче всех, поскольку пребывал в хорошем настроении.

В следующую секунду мне стало немного не по себе. Замерцало в глазах. По картинке мира пробежала мелкая быстрая рябь. Закружилась голова. По позвоночному столбу пробежало электричество. Необыкновенно расслабились мышцы лица, и челюсть самопроизвольно отвалилась. Звуки – чавканье набитых ртов, постукивание алюминиевых и деревянных ложек по дну шлемок, слабое гудение и потрескивание неисправной лампы под потолком, журчание воды в параше – отодвинулись, прочувствовались как ненастоящие, и вдруг сквозь их завесу проступил настоящий, единственно подлинный и самый важный, никогда раньше мною не слышанный звук: легчайший нежнейший шелест или перезвон, как будто поколебались миллионы маленьких колокольчиков, сложенных из самого драгоценного из всех драгоценных металлов; звук абсолютно ненавязчивый, однако сразу заставивший меня забыть обо всем и слушать только это упоительное стрекотание. Вот оно стало громче, и еще, и еще, вот наполнило всего меня, дружелюбно предлагая моему «я» завибрировать в унисон; перестав сопротивляться и сомневаться, я внял, совпал, понял что-то ошеломляюще важное и тут же забыл за абсолютной ненадобностью. Мир танцевал вокруг меня и вместе со мной, танцевали бледные лица сокамерников и темно-зеленые стены, и двухъярусные шконки, танцевала даже грязь под моими ногтями; вся тюрьма танцевала, и весь живой мир вокруг нее, но не только он: даже мертвые, на той стороне, танцевали, включая и мальчишку, умершего от менингита три недели назад. Может быть, он танцевал наиболее искусно и весело, ведь именно его бестолковая гибель привела меня туда, где я услышал то ли шелест ангельских крыльев, то ли старческое сопение притомившегося Бога, то ли попукивание слонов, держащих на своих натруженных спинах плоскую Землю. Все обесмыслилось – и в тот же неуловимо краткий миг наполнилось миллионом смыслов. Желания исчезли, все, кроме одного-единственного желания: и дальше присутствовать сознанием при саморазвертывании чуда жизни. Собственное тело, некогда доставлявшее столько хлопот и страданий, предстало несложным, а главное – полностью управляемым механизмом. Кровь бежит по артериям, печень копит грязь, почки собирают влагу, желудок варит топливо, мозг рулит и командует.

Потом пропало, исчезло, как не было. Опять прочно сомкнулась вонючая, полутемная, зарешеченная, пропитанная страхом Вселенная, оставив в невесомой пустой голове внятную догадку: а вдруг основа-

нием для всякого, хотя бы и минутного, благоденствия человека или группы людей всегда является чья-то смерть?

Кто как не мертвые держат на своих плечах наш покой и наше равновесие?

Ведь должен же быть (блядь, обязан быть, иначе нельзя!) какой-то смысл в гибели восемнадцатилетнего мальчика, укравшего сумочку у некой дуры, чья рука, может быть, и не дрогнула, сочиняя в милиции заявление о краже?

Все хорошее кончается, и это кончилось. Продолжалось, может быть, не более полуминуты. Но мне хватило.

Впоследствии размышления о смысле смерти показали мне не более чем рафинированной демагогией. Наверное, все размышления в конечном итоге превращаются в рафинированную демагогию.

Потом был странный, удивительный вечер. Солнечный свет не падал в нашу хату никогда, но я чувствовал его желтые закатные лучи кожей, они грели меня, проникая сквозь стены и перекрытия. Раскрыл было книгу, хотел читать, но буквы, слова, фразы показались убогими, не способными выразить тысячной доли сокрытого смысла. Пятнадцать сердец бились рядом со мной – я не только слышал их все, но и различал ритмы, проникся героиновой тахикардией грузинского крадуна Бачаны; улавливал, как надпочечники Малыша выкидывают в его кровь адреналин. Я слышал, как стучат когти крыс, бегающих по тюремным подвалам. Я знал, что у вертухая, который дежурит этажом выше, болит зуб, коренной, третий справа, в нижней челюсти. Я ощущал беспокойство охраняемого этим вертухаем арестанта Икс, ему светило три года за хранение и сбыт краденого, а под коленным сгибом у него имелся большой фурункул, мешавший ему передвигаться, карабкаться на подоконник и сиплым басом звать меня.

Используя радиатор отопления как ступеньку, я ухватился руками за решетку, силой бицепсов подтянулся и напряг слух. Увидел спускающийся груз, зацепил, втащил, отвязал, развернул, прочел. Братья из родной сто семнадцатой прислали запрет. Что за запрет, удивился я, осторожно распарывая бритвенным лезвием тугой полиэтиленовый кулечек; пригодилась и книга, которую полчаса назад я пытался читать, я вырвал из нее страницу и высыпал туда щепотку зеленой травки.

Мои друзья помнили меня и прислали, для облегчения страданий, дознячок конопли.

Тут же я завернул ее плотно и спрятал в трусы, от греха, а ближе к полуночи достал, забил косяк и выкурил в компании матроса Мальцева.

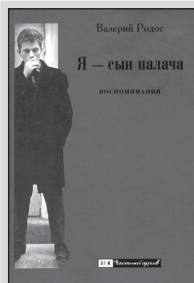
---

Все вокруг меня и внутри меня говорило, что не надо курить эту гадость. Все, да не все. Травка на тюрьме – лучший способ отдыха, валюта, лекарство номер один, отдохновение нервов. Я покурил, поразмышлял, помечтал и уснул. Спал крепко и долго. А наутро очнулся с ощущением поражения.

Молился, но не был услышан. Час провел в медитации – бесполезно. Навыки, приобретенные за три недели интенсивной практики, оказались утрачены безвозвратно. Подавленный, вялый и растерянный, я бродил, ища в себе остатки того, что еще вчера переполняло меня, мысленно просил у Бога веры, а у космоса энергии, но все исчезло. Вчера я летал, сегодня сверзился на дно. Остались стыд, горечь и досада.

Еще через неделю – я провел ее в мрачной маете – карантин закончился. Никто из нас не заболел. Из семнадцати человек пятнадцать не вернулись домой, их перевели в другие камеры общего корпуса; навсегда расстался я с Малышом и Бачаной.

Только меня и Мальцева вернули в сто семнадцатую. Друзья позаботились, сунули куму денег.



Валерий Родос  
**Я – сын палача. Воспоминания**  
М.: О.Г.И., 2008. 656 с.

### Замысел

Мне было тринадцать, когда отца арестовали.

Шестнадцать, когда после трех лет допросов с пристрастием его расстреляли. Сейчас я на шестнадцать лет старше отца на момент, когда его расстреливали.

\*\*\*

Сергей Гегечкоря (Берия) написал и издал книгу «Мой отец – Берия». Не завидую, не соревнуюсь. Даже не читал. Его отец – о-го-го какой начальник! – в императоры сам метил, мой куда как помельче. У них одинаковые только пульки в голове. И хоть они и из одной конторы, но у того руки «по локоть в крови» в переносном смысле, а у моего – боюсь, что в реальном.

К тому же Сергей Лаврентьевич много старше меня, часто разговаривал с отцом, тот ему объяснял; многих водителей народа с парадных портретов близко видел и слышал, входил в круг самой золотой молодежи, водился с отпрысками высокой элиты, беседовал с сыновьями и дочерьми князей власти, успел получить высокое образование и должность.

И книгу он писал уж не знаю насколько правдивую и искреннюю о своем отце в оправдание ему.

К тому же он уже умер.

А я о своем отце знаю исключительно мало, ни с кем из властителей страны и мира не пришлось поговорить, посоветоваться и о самом отце, кроме мамы и сестер, не у кого было спросить.

Самых больших людей страны не видел, слава Богу, никогда, только на портретах. У нас дома на пианино было как раз два одинакового размера портрета, сделанных в одной манере. Сталин в скромной форме генералиссимуса и портрет этого же Л.П. Берии в историческом пенсне.

Не думаю, чтобы Берия у себя на роляе держал портрет моего отца. Хотя они были знакомы.



Название моей книги похоже на бериевское. Но смысл противоположный.

Она не о моем отце, а обо мне самом. Хочу написать нестрашную книгу, о том, как в стране, которая пугала весь мир и так ценила палачей, было жить сыну одного из них, уже расстрелянного.

## ДЕТСТВО

### Мама

Маму мою вызвали в КГБ, огласили приговор и дали расписаться. Она пришла, опухшая от слез, и сказала, что отцу дали десять лет без права переписки. Я не знал тогда, что это выражение – синоним расстрела.

Позже, на одном из первых допросов, следователь, капитан Лысов, ученик отца, с некоторым злорадством сказал, что отца расстреляли. Мне было шестнадцать лет, и в абсурдной запальчивости я возразил:

– Нет, ему дали десять лет, без права переписки...

– Кто тебе это сказал?

– Маму вызывали в ваше управление, и там сказали...

Он вынул из стола заранее приготовленную бумагу, в руки прочитать не дал и, загораживая основной текст чистым листом, с не слишком злобным ехидством показал только слова: «...к высшей мере наказания – расстрелу» и мамину подпись.

Первую треть жизни, до поступления в МГУ, я жил со своей мамой, Родос Ритой Яковлевной (в девичестве Ревекка Ратнер). Помню ее еще примужней, веселой и пригожей еврейской женщиной, смуглой брюнеткой, с хорошей, хотя уже и начинавшей полнеть фигурой. На фоне теперешней моды на девушек, похожих на суповой набор, моя мама была дамой «приятной полноты». Грудь, талия, бедра. Магда на длинные ноги появилась через три поколения.

Мама была заметно выше отца.

В соответствии с социальном статусом наша семья жила в Москве в роскошной квартире, в хорошей – в Симферополе, и там же – в ужасной, в которой мама и умерла.

Вот она умерла...

Тут много моей вины... Много забот. Мало внимания, мало любви. Главная вина, определяющая, – я никогда не ценил маму. И сейчас вспоминаю ее не каждый месяц, и то на короткий миг, по какому-нибудь конкретному поводу. Об отце же я думаю каждый день, иногда испуганно.

Вся моя жизнь, как в непреодолимой для меня пропасти – в глубокой тени моего отца, его жуткой судьбы.

### **Отец**

Арестовали его в Киеве, где он был после увольнения из КГБ на курсах связистов, полгода уже, без насм, без семьи. Да и до этого... До конца войны, так и не знаю где. Где-то вне дома. Кого пытал? Кого расстреливал? Не знаю и не стремлюсь узнать. Я ведь не историк. Я – сын.

Мне и без того с головой хватает того, что знаю.

Потом в Москве я не видел его неделями: я просыпался – его нет, на работе, ложился спать – он все еще на работе. Приходил ночью, уходил ночью – такая бандитская работа. У детской поэтессы Елены Благининой был стих со словами «Я очень люблю отца своего, но только никак не увижу его». Не знаю, не помню, о ком писала поэтесса, наверняка о другом чекисте, заплечных дел мастере, но мама настойчиво и многократно убеждала меня, что это обо мне и моем отце (а другие строчки этой же поэтессы: «Вот такая мама, золотая прямо» – о ней).

Помню себя у отца на руках, он ходит по комнатам, называет меня Мишка, («Мишка-пишка», я иногда уписывался по ночам). Может быть он делал это много раз, часто, но запомнил я только один случай: папа приготовил всем еду. На большой сковородке яичница с помидорами – не бог весть какая еда, но зато сам папа делал. Иногда для всех сразу он нарезал арбуз. Арбузы он выбирал на звук, щелчками, это у меня от него. Резал, высекая острые углы, то вверх, то вниз, потом разваливал арбуз, и получались как бы две короны. Наверное, просто, но сам я не пробовал и больше не встречал.

Один раз в жизни, уже в Симферополе, он со мной играл, водился в коридоре в футбол и злонамеренно, но шутивно толкал меня своим пузом.

Ни разу в жизни мы не разговаривали с отцом.

Наедине, по-мужски, как отец с сыном. Никогда, ни разу.

Горю об этом.

Любимым ребенком была моя старшая сестра – Неля. Вот с ней, по рассказам мамы, он много разговаривал, водил ее по театрам и выставкам, знакомил, что-то объяснял. Никакой ревности, Неля ведь на целых девять лет старше меня. И давно уже умерла.

### **Папа**

Вот полная цитата из доклада Хрущева на XX съезде КПСС о моем отце:

Недавно, всего за несколько дней до настоящего съезда, мы вызвали на заседание Президиума ЦК и допросили следователя Родоса, который в свое время вел следствие и допрашивал Косиора, Чубаря и Косарева. Это – ничемный человек, с куриным кругозором, в моральном отношении буквально выродок. И вот такой человек определял судьбу известных деятелей партии, определяя и политику в этих вопросах, потому что, доказывая их «преступность», он тем самым давал материал для крупных политических выводов. Спрашивается, разве мог такой человек сам, своим разумом повести следствие так, чтобы доказать виновность таких людей, как Косиор и другие. Нет, он не мог много сделать без соответствующих указаний. На заседании Президиума ЦК он нам так заявил: «Мне сказали, что Косиор и Чубарь являются врагами народа, поэтому я как следователь должен был вытащить из них признание, что они враги». (Шум возмущения в зале.)

Этого он мог добиться только путем длительных истязаний, что он и делал, получая подробный инструктаж от Берия. Следует сказать, что на заседании Президиума ЦК Родос цинично заявил: «Я считал, что выполняю поручение партии». Вот как выполнялось на практике указание Сталина о применении к заключенным методов физического воздействия.

#### Примечание

Родос Б.В. (1905–1956), бывший зам. нач. следственной части по особо важным делам НКВД–НКГБ СССР, полковник. Лично принимал участие в фальсификации следственных дел. В 1956 г. Приговорен к расстрелу военной коллегией Верховного суда СССР.

#### Мое примечание

Родос Б.В. (1905–1956) – это как раз и есть мой папа, мой папочка...

Легко ли мне это писать? Попробуйте представить, что вместо имени моего отца в этом тексте стоит имя вашего... Нет, нет, я понимаю, что даже сама постановка такого вопроса говорит о моем моральном уродстве, что даже в порядке мысленного эксперимента говорить так нелепо, прямо запрещено, преступно, что ваши отцы...

Ни в коем смысле не трогаю, даже мысленно, ваших всемерно уважаемых отцов.

Но допустим, вам предложили роль, сыграть роль, и для того чтобы вжиться в нее, вы просто обязаны представить себе... Ну, напрягитесь! Представили?

Теперь посмотрите на себя в зеркало.

Вот я так и живу всю жизнь, с омерзением вглядываясь в зеркало собственной души. Отыскивая параллели, сходство... От этого эксперимента душа у меня как бы выгорела (даже стихотворение есть у меня такое: «Нет у меня души»).

В детстве я запоминал стихи после одного прочтения. А эту фразу из доклада Хрущева я читал двести раз – не могу запомнить. Что-то о куриных мозгах и весь этот непересказуемый ужас о моем отце.

Бред. Злобная чушь.

Не лезет, не умещается в голове.

Надо как-то ответить... нет ни слов, ни мыслей. Если бы он был жив...

Но его уже расстреляли... Никакие оправдания ни даже объяснения или хотя бы уточнения ни к чему. Все кончено.

Суд свершился, справедливость восторжествовала.

В книге В.Г. Финка «Иностранный легион» я вычитал слово «кафар» – обозначение жуткой, неутолимой тоски солдат этого легиона, гимн беспомощности лишенных родины людей. Мой отец – мой пожизненный кафар. Я ничего не могу изменить, исправить, вернуть и ежедневно терплю крах, интеллектуальное банкротство.

Если бы я с такой же интенсивностью, как об отце, думал над какой-нибудь научной проблемой, я бы уже доказал теорему Ферма. Или опроверг бы ее. Или выдал бы окончательное решение семантической проблемы смысла, чем на самом деле занимался.

За несколько десятков лет чего я только не передумал...

Десятки раз я сам безжалостно приговаривал своего отца к расстрелу, сам вел его на расстрел, мысленно взводил и нажимал курок, и пуля раскаяния пробивала мою собственную голову...

Иногда, если никого из близких долго не было рядом, я доводил себя этими мазохистическими упражнениями до слез, до рыданий, до обморока. Я старый человек, в этом нелегко, стыдно сознаваться, но чего стоит этот стыд рядом с тем, большим, стыдом за родного отца.

Сотни раз я выстраивал защиту отца, подбирал оправдания, иступленно искал и находил ложь и огрехи в речи Хрущева, в нем самом. В КПСС, в бериевском управлении карательным органом, в правомерности существования и деятельности самого этого органа, в политике Сталина, в ленинской революции, в марксистской идеологии, в устройстве государства.

Даже в Божьем промысле.

Дело это какое-то обреченное, не только из-за очевидности вины отца, но не в меньшей мере из-за того, что всё! Назад не вернешь, жизнь не переиграешь. Отец расстрелян, могила его неизвестна.

Всего не повторишь, никого не убедишь, прощения не вымолишь, но кое о чем хочется рассказать, хочется поделиться, да никто в долю не войдет.

Начну сразу с серьезного. Ну не было бы моего отца. Вообще бы не было, не родился бы, не пошел в чекисты, а стал бы, как и положено еврею, мужским портным, как его отец, мой дедушка... Что же тогда? Остались бы эти Чубарь, Косиор и Косарев в живых? Не были бы даже арестованы? Чепуха!

Да не он, не мой отец на них дело заводил, ордера на их арест подписывал. Он только подручный. Исполнитель. Главный убийца не он, не отец! Не было бы его, все равно и этих, и всех остальных замученных моим отцом точно так же и в те же сроки арестовали бы, били, пытали, ломали бы, вымогая признания, судили бы и расстреляли! Их жизни, их кровь не моему отцу нужны были – проклятой революции. <...>

Рой Медведев в работе «Конец коммунизма» пишет: «После своего отстранения от власти, находясь в изоляции на собственной даче, Хрущев писал: “Мои руки по локоть в крови. Я делал все. Что делали другие”». Степень окровавленности рук Никиты Сергеевича меня не интересует, но вот это «делал, как другие, как все, как любой...»

О Микояне:

– Да, от Ильича до Ильича, а что он мог сделать? Делал, как все, что прикажут.

О Кагановиче:

– От него ничего не зависело, делал что приказывали.

Маленков:

– А что он мог сделать? Кто его спрашивал? Делал. Как все.

О Молотове:

– У него даже любимая жена сидела, что он мог сделать? Делал, как все...

О моем отце:

– Не он начинал, не он музыку заказывал, кого подводили, того он и бил, поступал, как все. Если бы его не стало, сотни, тысячи добровольцев на смену. Делал как все, что приказывали, на своем рабочем месте.

О Сталине:

А что он мог сделать? Этот пожирающий людей молох ему завещал великий Ленин. Он только строил коммунизм, как сам его понимал. Любой бы на его месте.

А что вы думаете, если бы в одной четвертой финала Троцкий победил, без крови бы обошлось?

Если бы в полуфинале – Зиновьев с Каменевым? Они бы террор прекратили? Чека бы разогнали? Тот же молох, он уже запущен был, такая же душедробилка!

В финале – Бухарин с Рыковым? Да почитайте их кровожадные речи, взглянитесь, за что они голосовали, чему хлопали.

И любой бы на их месте! Вот я и говорю. Бежать надо от такого места.

### **Вина**

Тут брезгливый поморщится:

– Ну вообще, гаденыш, договорился, его по горло в крови отец, получается, не виноват.

Нет, почему же. Очень даже виноват. Не отмоешься. Вот газеты писали о нем: «Палач по призванию».

Ну да! По призванию комсомола. Он был комсомольцем-активистом, идейным борцом за светлое будущее всего человечества, когда партия потребовала новых героев в свой самый передовой отряд, в чекисты. И он откликнулся, пошел. Как и десятки тысяч других, кто ж тогда знал, догадывался, к какому станку их приставят, какой инструмент в руки дадут. Уже внутри человекорезки он, как исполнительный, старательный еврей, многих обогнал, достиг высот, в смысле свалился в самую грязь, в кровь.

Мы еще не уехали, когда на экранах телевизоров пошел новый забойный сериал. Кажется. «Рожденная революцией» (бегом бегите от всего того, что революция родила. Эта машина Сатаны ничего путного родить не может). О становлении какой-то силовой структуры в победившей стране дурных Советов.

Молодые герои, второй слева на коллективном фото – это и есть мой отец, орлы! Они один за другим совершают подвиги: на самом деле бесчинствуют, нагло и противозаконно обдирают людей, экспроприируют экспроприированное, иными словами – грабят! Да что там, без суда расстреливают врачей и инженеров, хамская власть, дорвался-таки пролетариат до диктатуры, дайте в крови руки помыть. Чтобы было как раз по локти.

Все это будет историей осуждено. Это фильм о прошлом, и уже известно, чем дело кончится, на чем сердце успокоится. Все уже прошло. Все разоблачено, виновные расстреляны, мертвые реабилитированы. Все всё знают, им на уроках истории в школе рассказывали.

Но зрители за них! За этих озорных мерзавцев, крутых братков, которым их бесчинства не только разрешены, но и вменены в обязанность. Это они своими чистыми руками, горячими сердцами, прозрачными мозгами создавали крепкий фундамент самой страшной в истории человекоубки. (Нет, это во мне патриотизм не вовремя разыграл. В Камодже было еще похлестче на душу растерзанного населения.)

Глухи люди, слепы зрители, ничего не понимают, в единую цепь связать не могут. Вот этого положительного героя, который дорастет до звания генерала, арестуют и после пыток расстреляют, назвав палачом и изувером. А его сын на митинге будет орать громче всех:

– Я требую, чтобы моего отца – врага народа – расстреляли публично. Дайте мне револьвер, я лично хочу его расстрелять.

Отстрели себе яйца, поддонок.

Смотрят с неослабевающим интересом. С тридцать пятого – тридцать седьмого года начиная эти орелики будут одни других в человекорубке перемалывать, со свету сживать, из памяти изводить.

Мой папа долго еще наверху, на плаву держался, но настала пора, и его кровавый молох поглотил, могилки не оставил.

У меня вопрос: как же миллионам людей удается одновременно так искренне и глубоко любить все молодое поколение кровавых государственных опричников и так яростно ненавидеть и презирать одного из них, одного из лучших? О, великая сила искусства!

Мой отец персонально виновен в том, что не захотел мужские брюки кроить, захотелось мир переустраивать, с Господом Богом соревноваться.

Виновен в том, что в бесовский комсомол записался (в этом и я грешен. После исключения опять туда попросился), в сатанинскую команду «моральных вырожденков» – чекистов не побрезговал пойти.

В том, что старался в бесовской камарилье лучше других быть, стал изувером.

Мой отец виноват в том, что, раз поняв, где он и с кем, не сумел выйти, а не сумев выйти, не застрелился.

Его старший брат Лев, самый добрый из них, говорил мне, что отец сетовал на судьбу, на кровавый долг, каялся, делился, что часто думает застрелиться. Жену жалко, детей – ну да, а как же, моральный вырожденков.

Лев был мужик простоватый, не горазд на выдумки, но я ему не поверил. Хотел бы поверить, мечтал бы, но слишком много и тяжело я обо всем этом думал-переживал.

Но мне о том же Неля, моя старшая сестра, тоже единожды сказал. Мы с ней, любимой дочкой отца (она и умерла в тяжких мучениях ровно в его же возрасте, в пятьдесят один год), всего пару раз, да и то коротко, о нем поговорили. А она больше моего знала. Он с ней часто разговаривал, что-то о себе рассказывал. И вот она мне сказала, что однажды отец признался, что жизнь ему такая не мила и, если бы не она, не семья, не мама, застрелился бы.

Ох! Пожалел бы нас, семью свою, жену свою, лучше бы застрелился. Легко ли мне, сыну, так об отце своем говорить.

---

Адрес редакции:  
119021, Москва, Зубовский бульвар,  
дом 4, Союз журналистов, комната 447  
Редакция журнала «Досье на цензуру»  
Тел./факс: (495) 637-5086  
e-mail: nevol@index.org.ru  
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано  
Федеральной службой по надзору  
за соблюдением законодательства  
в сфере массовых коммуникаций и  
охране культурного наследия.  
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641  
от 19.10.2004 г.  
Номер подписан в печать 16.09.2008 г.  
Отпечатано в типографии ИПК «Информкнига».

Тираж 2000 экз. Заказ № 324.  
*Распространяется бесплатно*